

БАЙРОНЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАНОМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1864

БАЙРОНЪ

СОЧИНЕНІЯ
ЛОРДА БАЙРОНА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАННЫХЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ник. Вас. Гербеля

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.

1864

Дозволено Ценурою. С.-Петербургъ, 8 апрѣля 1864 года.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Значеніе Байрона въ европейской литературѣ и вліяніе его на нашу такъ извѣстны, что распространяться объ этомъ было бы излишне. «Ни одинъ писатель», говоритъ Маколей въ своей статьѣ о Байронѣ, «не повелѣвалъ такими массами краснорѣчія, насмѣшки, мизантропіи и отчаянія. Никакое искусство не могло усладить, никакія изліянія не могли истощить этихъ вѣчно-горькихъ водъ... Отъ безумнаго смѣха до пронзительнаго плача онъ овладѣлъ всѣми нотами человѣческой скорби». Маколей заключаетъ свою статью слѣдующими многозначительными словами: «Что его (Байрона) поэзія пройдетъ черезъ строгую оцѣнку, что многое, чѣмъ восхищались современники, будетъ отвергнуто, какъ недостойное — мы

почти не сомнѣваемся. Но мы не сомнѣваемся также, что послѣ самаго строгаго изслѣдованія останется еще многое, что можетъ погибнуть только вмѣстѣ съ англійскимъ языкомъ».

Перевести *одному* всего Байрона — и, притомъ, стихами — трудъ огромный, не говоря уже о томъ, что для подобнаго труда, кромѣ доброй воли, надо имѣть достаточный запасъ таланта. Поэтому, врядъ ли дождемся мы скоро *такого* перевода, сдѣланнаго *однимъ* поэтомъ. Между тѣмъ необходимость полнаго перевода Байрона на русскій языкъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельною, о чемъ уже не разъ заявлялось въ нашей журналистикѣ. Подъ вліяніемъ этихъ заявленій, я рѣшился пополнить сказанный пробѣлъ по плану уже осуществленному мною однажды, при изданіи «Собранія сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей». Именно, я задумалъ раздѣлить трудъ перевода между нѣсколькими писателями, изъ которыхъ каждый выбралъ бы для передачи на русскій языкъ то, что наиболѣе согласуется съ его талантомъ и направленіемъ. При этомъ, само-собою разумѣется, не могли быть забыты и прежніе переводчики, которыми многое передано уже въ достаточной степени совершенства. У ино-

странцевъ подобныя *коллективные* переводы великихъ писателей — не новость; они встрѣчаются даже въ такой богатой литературѣ, какъ нѣмецкая, имѣющей по нѣскольку *полныхъ* переводовъ *всѣхъ безъ исключенія* первоклассныхъ писателей другихъ націй. Успѣхъ «Шиллера», нѣкоторые томы котораго печатаются въ настоящее время *четвертымъ*, а другіе — *третьимъ* изданіемъ, показалъ ясно, что русская читающая публика нуждается въ полныхъ переводахъ великихъ иностранныхъ писателей, и готова поощрить своимъ вниманіемъ всякую добросовѣстную къ тому попытку.

Въ первомъ томѣ предлагаемаго изданія помѣщены слѣдующія сочиненія Байрона: «Еврейскія Мелодіи», числомъ 23, въ 29 переводахъ, поэмы: «Шильонскій Узникъ», «Оскаръ Альвскій», «Смерть Колмара и Орлы», «Мазепа», и пяти-актная трагедія «Сарданапаль». Нѣкоторыя изъ названныхъ піесъ являются здѣсь въ первый разъ, другія — въ исправленномъ видѣ; остальные — перепечатаны безъ измѣненія, что подробно означено въ моей библиографической статьѣ, помѣщенной въ концѣ книжки. Второй томъ «Байрона», куда войдутъ около сорока мелкихъ его стихотвореній, поэмы:

«Абидосская Невѣста», «Гяуръ», «Паризина» и пяти-актная трагедія «Двое Фоскари», уже приготовленъ къ изданію; слѣдующіе томы не замедлятъ выходомъ.

Н. Гербель.

10-го апрѣля 1864 года.

С.-Петербургъ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

(Статья I. Шерра.) *)

Джорджъ Байронъ-Гордонъ родился 22-го января 1788 года въ Лондонѣ, не въ очень счастливыхъ семейныхъ обстоятельствахъ: отецъ его, прозванный бѣшенымъ Джэкомъ, былъ порядочный кутила и черезъ три года по рожденіи сына умеръ, оставивъ жену и дитя при довольно скудныхъ средствахъ. Молодая вдова удалилась въ Банффъ, въ Шотландію, и отдалась вполне заботамъ о сынѣ, который, при красивомъ лицѣ и сложеніи, имѣлъ несчастье явиться на свѣтъ кривоногимъ. Этотъ недостатокъ сталъ главнымъ источникомъ угрюмой мизантропіи Байрона. Постоянныя насмѣшки, которыя ему приходилось выслушивать отъ школьныхъ товарищей и даже матери надъ его хромотою, произвели глубокое впечатлѣніе на необыкновенно

*) «Всеобщая Исторія Литературы» I. Шера, изд. О. Бакста.

чувствительнаго мальчика и рано довели его до того горькаго настроенія, которое впоследствии заставило его сказать однажды: «Какъ, чортъ возьми! можно было сдѣлать свѣтъ, подобный нашему? Съ какимъ намѣреніемъ, для какой цѣли можно создать франтовъ, и вельможъ, и магистровъ, и женщинъ извѣстнаго возраста, и кучу мужчинъ всякаго возраста, и наконецъ даже и меня! Къ чему же?» Можетъ быть, не будетъ слишкомъ смѣло предположить, что въ душѣ мальчика, который, въ дѣтской досадѣ, сличалъ ученіе катихизиса о всеблагомъ Провидѣніи съ своимъ тѣлеснымъ недостаткомъ, даннымъ на его долю промысломъ, возникъ уже зародышъ того мрачнаго, подкапывающагося скептицизма, который демонически царитъ во всѣхъ созданіяхъ Байрона. Между тѣмъ воздухъ горной Шотландіи, куда мать привезла восьмилѣтняго ребенка, такъ сильно укрѣпилъ его слабое тѣло, что во всѣхъ играхъ своихъ сверстниковъ онъ былъ первымъ по ловкости, твердости и смѣлости, какъ впоследствии, въ года своей молодости, онъ получилъ пальму первенства во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ: въ плаваньи, верховой ѣздѣ, фехтованьи и стрѣльбѣ. Жизнь среди чудесъ природы и сказаній оставила, безъ сомнѣнія, значительное вліяніе и на его умъ. Смерть чудака, лорда Вилльяма, двоюроднаго его дѣда, доставила въ 1798 году молодому Байрону званіе лорда и пера, и мать отправилась теперь съ нимъ въ Англію, чтобы помѣстить его для приготовительнаго образованія въ знаменитую

школу въ Гарро. Онъ провелъ шесть лѣтъ въ этотъ заведеніи, и въ 1804 году, во время каникулъ, познакомился у своей матери въ Ноттингемъ съ миссъ Мэри Чевортъ, которая стала предметомъ его пламенной страсти. Миссъ Чевортъ не очень, впрочемъ, цѣнила любовь «хромого юноши» и вскорѣ за тѣмъ вышла замужъ за совершенно незначащаго человѣка, что страшно оскорбило гордаго Байрона. Какъ глубоко и истинно было чувство юноши, доказываетъ прекрасное стихотвореніе «Сонъ», написанное въ 1816 году. Оно изображаетъ эту юношескую любовь и полно грустной задумчивости. А что этотъ печальный опытъ вовсе не могъ уменьшить въ немъ наклонности презирать міръ и людей — это ясно. Онъ не уменьшилъ и его тщеславія, самой видной его слабости, принимавшей все большіе и большіе размѣры. Забавнымъ примѣромъ тому можетъ служить слѣдующій случай. Байронъ пріѣхалъ въ Римъ къ Торвальдсену, съ просьбою сдѣлать съ него бюстъ. Приготовленный великимъ художникомъ бюстъ поэта всѣми былъ найденъ необыкновенно похожимъ; одинъ только Байронъ съ досадою вскричалъ: «Нѣтъ, это на меня не похоже: я гляжу несравненно несчастнѣе!» Нѣкоторые изъ его поэтическихъ опытовъ относятся къ пребыванію его въ Гарро, откуда онъ вышелъ въ 1805 году, чтобы продолжать свое образованіе въ кембриджскомъ университетѣ. Онъ отдался здѣсь шумной студенческой жизни, такъ что ученые парики обрадовались, когда онъ оставилъ университетъ, не

достигши еще девятнадцати лѣтъ. По настоянію своихъ друзей, Байронъ въ первый разъ выступилъ, какъ поэтъ, въ 1807 году, издавъ небольшое собраніе стихотвореній подъ названіемъ «Часы Досуга» (Hours of idleness). Это были непритязательные начатки, принятые публикой довольно благосклонно; но критики «Эдинбургскаго Обозрѣнія» только и высматривали кругомъ литературной жертвы — и такимъ образомъ въ этомъ журналѣ появился въ высшей степени несправедливый разборъ Байронова сборника, написанный самымъ презрительнымъ тономъ. Впрочемъ, слѣдуетъ поблагодарить критика за этотъ поступокъ, потому-что онъ, безспорно, много помогъ Байрону вступить на его настоящую дорогу. Вскорѣ эдинбургскіе критики должны были увидѣть, къ собственной невыгодѣ, что они разбудили спящаго льва. Поживъ въ 1808 году нѣкоторое время геніально-разгульною жизнью поэта и весельчака въ древнемъ готическомъ родовомъ замкѣ Ньюстидъ-Абби, въ кругу веселыхъ товарищей, Байронъ издалъ въ мартѣ 1809 года уничтожающую сатиру «Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели» (English bards and Scotch reviewers), которая была направлена противъ современныхъ недостатковъ литературы. Послѣ своего появленія въ палатѣ лордовъ, поэтъ, соскучивъ въ Англии, отправился лѣтомъ 1809 года съ другомъ своимъ, Гобгоузомъ, въ путешествіе на Востокъ. Путь лежалъ сперва черезъ Португалію и Испанію въ Албанію, гдѣ Байронъ познакомился съ пресловутымъ геніальнымъ дес-

потомъ Али-Пашею, и началъ первую пѣснь «Чайльдъ-Гарольда». Обвѣхавъ въ два слѣдующіе года Турцію и Грецію, переплывъ, какъ Левандръ, Геллеспонтъ отъ Сеста къ Абидосу, онъ вернулся въ іюль 1811 года въ Англию, гдѣ вскорѣ послѣ того лишился матери. 27-го февраля 1812 года произнесъ онъ въ верхней палатѣ свою первую рѣчь, которая имѣла успѣхъ, а черезъ два дня явились двѣ первыя пѣсни «Странствованій Чайльдъ-Гарольда» (*Childe Harold's pilgrimage*). Впечатлѣніе, произведенное во всей Англии этимъ произведеніемъ, первое изданіе котораго было раскуплено въ продолженіе одной недѣли, было чрезвычайно. Оно увлекло самихъ враговъ, завистниковъ и пристрастныхъ критиковъ до непритворнаго восторга и поставило автора въ ряду первыхъ литературныхъ знаменитостей. И при этомъ случаѣ обнаружилось, что, несмотря на кору мрачной мизантропіи, такъ сильно повидимому сдавившей сердце Байрона, доброжелательство и одобреніе людей, когда оно доставалось на его долю, производило на него самое сильное вліяніе. Только успѣхъ «Гарольда» далъ впервые генію Байрона выказаться во всей его силѣ и положилъ начало цѣлому ряду блестящихъ произведеній, быстро слѣдовавшихъ теперь одно за другимъ. Издавъ, безъ подписи имени, въ мартѣ 1813 года сатиру «Вальсъ», онъ въ маѣ напечаталъ рассказъ изъ турецкой жизни — «Гяуръ», результатъ путешествія поэта по Леванту; это ввело его въ область поэтическаго рассказа, гдѣ Байронъ признается величай-

шимъ художникомъ. Восхищеніе, съ которымъ публика приняла этотъ разсказъ о любви и мщеніи, пылающій страстью, сверкающій всѣмъ великолѣпіемъ поэтической живописи, еще болѣе увеличилось появленіемъ въ декабрѣ того же года поэтическихъ разсказовъ: «Абидосская невѣста» и «Корсаръ», которые соединяютъ достоинства «Гяура» съ болѣе строгимъ единствомъ плана, съ болѣе ясною въ ходѣ содержанія и съ болѣе старательною отдѣлкой стиха. Въ слѣдующемъ году Байронъ торжествовалъ паденіе Наполеона въ своей *Ode to Napoleon*, конечно, не съ англійской точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія свободы. Ода принадлежитъ, впрочемъ, къ слабѣйшимъ его стихотвореніямъ и во многихъ мѣстахъ сбивается на тонъ уличныхъ пѣвцовъ. Въ августѣ 1814 года появился «Лара», продолженіе и окончаніе «Корсара» — мрачное и таинственное, но увлекательное и строгое по формѣ; годъ не пришелъ еще къ концу, какъ уже были написаны «Еврейскія мелодіи». Онѣ принаровлены къ древнимъ израильскимъ пѣснямъ, касаются въ элегической картинѣ отдѣльныхъ случаевъ іудейской исторіи, или выражаютъ въ необыкновенно задушевныхъ звукахъ печаль несчастнаго народа о своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Женитьба въ началѣ 1815 года оказалась несчастнымъ шагомъ для Байрона, который и вообще не годился къ семейной жизни и не легко могъ отыскать себѣ женщину, которая была бы въ состояніи понять и осчастливить его. Что Анна Изабелла Мильбанкъ-Ноэль, на которой онъ же-

нился 2-го января 1815 года, не была такою женщиной — это вѣрно. И виѣшнія неблагопріятныя обстоятельства, слѣдствіе разстроеннаго состоянія поэта, не были выгодными условіями для семейной жизни; но они не мѣшали, однако, поэтической дѣятельности Байрона, который именно въ это время создалъ «Осаду Коринѳа» и «Паризину». Жена, родивъ поэту дочь, разсталась съ нимъ въ январѣ 1816 года, повидимому, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но уже никогда болѣе не возвращалась къ нему, послѣ чего разводъ былъ рѣшенъ и исполненъ. Кто изъ двухъ супруговъ былъ болѣе виноватъ въ этой катастрофѣ — навѣрно неизвѣстно. Байронъ открыто сознаетъ свою вину въ трогательномъ стихотвореніи (*Fare thee well, and if for ever!*), которое адресовано къ потерянной супругѣ и тѣмъ самымъ дало еще болѣе поводовъ къ яростнымъ нападеніямъ цѣлой ватагѣ лицемѣровъ, мнимыхъ моралистовъ и ревнителей обрядной нравственности, которыми, какъ извѣстно, кишитъ Англія. Съ этого времени онъ сталъ предметомъ непрерывныхъ и самыхъ неразборчивыхъ нападеній отъ всѣхъ приверженцевъ «кэнта» (*cant*, извѣстной смѣси манерности, щепетильнаго жеманства, лицемѣрія и ханжества), число которыхъ въ Англіи легіонъ. Онъ чувствовалъ, по словамъ Мура, невозможность остановить ненависть и преслѣдованія, которыя поднялись на него отовсюду. Поэтому онъ продалъ Ньюстидъ-Абби и 25-го апрѣля 1816 года покинулъ Англію, чтобы никогда уже болѣе ее не видѣть.

Плывя вверхъ по Рейну, онъ началъ третью пѣснь «Чайльдъ-Гарольда», потомъ отправился къ Женевскому озеру и на берегахъ его, на виллѣ Дюдати, прожилъ лѣто съ новымъ своимъ другомъ и товарищемъ по дѣятельности, Шелли, проводя время въ странствованіяхъ по горамъ и въ постоянной поэтической работѣ. Здѣсь возникла страшная картина отчаяніи—«Тьма» (Darkness), и смѣлая рапсодія «Прометей»; здѣсь написанъ поэтической разсказъ «Шильонскій узникъ», съ превосходнымъ гимномъ къ свободѣ (Eternal Spirit of the chainless Mind!); здѣсь былъ начатъ «Манфредъ», драма, которая вращается въ глубочайшихъ загадкахъ человѣческаго бытія и составляетъ байроновскую варьяцію сказанія о Фаустѣ. Явившись осенью въ Италію, прежде всего онъ выбралъ своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ Венецію и провелъ здѣсь зиму среди разнообразныхъ любовныхъ приключеній. Весною 1817 года онъ совершилъ поѣздки въ Феррару, гдѣ написалъ пламенную «Жалобу Тассо», и въ Римъ, который онъ такъ великолѣпно оплакалъ и воспѣлъ вскорѣ потомъ, какъ Ніобу народовъ, the Niobe of Nations. Возвратившись въ Венецію, онъ бросился въ омутъ самаго ревностнаго наслажденія жизнью, окружилъ себя гаремомъ и, казалось, хотѣлъ растратить жизнь и гений въ необузданныхъ оргіяхъ. Но, наперекоръ всему этому разгулу, его гений каждый разъ съ новою силою развертывался въ удивительныхъ созданіяхъ. Четвертая, заключительная пѣснь «Чайльдъ-Гарольда» была

начата и кончена *), написанъ комическій разсказъ «Беппо», эта шутка, полная прелестнѣйшаго юмора, далѣе—возвышенная, сверкающая молніями свободы «Ода къ Венеціи» и «Мизепа», гдѣ серьезное содержаніе облечено всею роскошью эпической живописи. Тогда же былъ начатъ и несравненный новый эпосъ—«Донъ-Жуанъ», который Гёте называетъ, какъ извѣстно, «безгранично-геніальнымъ созданіемъ, съ

*) «Чайльдъ-Гарольдъ», написанный спенсеровыми стансами, есть самое своеобразное и самое законченное созданіе Байрона. «Симпатія къ природѣ, въ явленіяхъ ужасовъ и красоты, симпатія къ угнетеннымъ, бьющимся за свою свободу народамъ», говоритъ неизвѣстный критикъ (*Blätter zur Kunde der Literatur des Auslandes*, 1837, в. 27), «энтузіазмъ къ генію, добродѣтели, любви и величаявая меланхолія, останавливающаяся съ тайнымъ наслажденіемъ на картинахъ и сценахъ печали и запустѣнія—таковы главныя черты этой поэмы; но богатство образовъ, мыслей, сценъ неизмѣримо, и языкъ такъ благороденъ, такъ могучъ, мѣтокъ, въ такой степени соединяетъ въ себѣ несказанную нѣжность съ громовой силой, что едва ли можно поставить что-нибудь подобное на ряду съ этимъ произведеніемъ истиннаго вдохновенія. Въ немъ заключено невыразимое поэтическое обаяніе, цѣлое—окружено какою-то чудной атмосферой, все покрывающей вѣянемъ красоты». Какъ особенно блестящія мѣста, отмѣчу я: описаніе саргосской дѣвушки (I, 51—55), бой быковъ (I, 71—80), описаніе Албаніи и Али-паши (II, 42—73), пѣсню о Драхенфельзѣ (III, 55), стансы о Руссо и Вольтерѣ и описаніе Женевскаго озера (III, 79 и сл.), размышленія о Венеціи (IV, 1—17), о поэтахъ Италіи (IV, 30—42), о Римѣ (IV, 78—175), наконецъ—обращеніе къ морю (IV, 179—183). «Чайльдъ-Гарольда» нельзя отнести ни къ одному изъ принятыхъ обычаемъ видовъ поэзіи. Это — путевыя замѣтки

ненавистью къ людямъ, доходящею до самой суровой свирѣпости, съ любовью къ людямъ, доходящей до глубины самой нѣжной привязанности. «Донъ-Жуанъ» написанъ восьмистрочными стансами; онъ доведенъ только до 16-й пѣсни и потому остался отрывкомъ, но, несмотря на то, есть самое большое и самое зрѣлое произведеніе Байрона. Съ легкой творческой силой онъ охватываетъ широкое содержаніе и съ царственнымъ искусствомъ повелѣваетъ при его по-

въ стихахъ, а герой ихъ — самъ поэтъ. Если сдѣлалось общепринятымъ фактомъ, что каждый герой Байрона всегда есть въ сущности онъ самъ и что это безпрестанное повтореніе собственной личности въ изображеніи характеровъ, по крайней мѣрѣ мужскихъ его характеровъ, сообщаетъ его произведеніямъ нѣсколько невыгодную монотонность, то, съ другой стороны, неоспоримо, что именно это преобладаніе бурной индивидуальности Байрона и сообщаетъ его созданіямъ это, имъ только свойственное, очарованіе и что именно въ этомъ и заключается непреодолимое дѣйствіе «Чайльдъ-Гарольда». Чѣмъ слабѣе поэтъ придерживаетъ легкую маску своего героя, чѣмъ болѣе открываетъ онъ изъ-за нея свои собственные черты, тѣмъ сильнѣе становится его пѣснь, которой онъ начинаетъ придавать болѣе трагическій тонъ и которой онъ пророчитъ безсмертіе.

Критикъ, слова котораго приведены выше, столько же правъ, когда, обращая вниманіе на особенность изображеній природы у Байрона, говоритъ, что они отъ того такъ восхитительно-прекрасны, что поэтъ никогда не воспринималъ описываемыхъ имъ положеній одною только фантазіей, но всегда умѣлъ соединить съ нимъ болѣе глубокое душевное впечатлѣніе, что на внѣшнее онъ всегда, и часто однимъ только слегка брошеннымъ словомъ, налагалъ отпечатокъ внутренняго состоянія.

строеніи всѣми демонами своей поэзіи. Красиво и ловко извиваясь, какъ ручной тигръ, языкъ исполняетъ всѣ, даже самыя прихотливыя обороты, указанные ему мановеніемъ поэта. Всѣ страсти, самыя дурныя и самыя благородныя, попеременно овладѣвають скипетромъ. Острота, шутка, насмѣшка, самый рѣзкій сарказмъ, самая ядовитая сатира, ликующее оскорбленіе святыни, сладострастіе и жестокость, самое горькое презрѣніе къ міру и людямъ, смѣшиваются въ вихрѣ вакхической пляски; но какъ только уймется на нѣсколько мгновеній изступленный хороводъ — открывается любовь, въ образѣ греческой дѣвушки Гаиде, мечтающая въ уединенномъ скалистомъ гротѣ, съ улыбкой и поцалуями. Великолѣпіемъ своей фантазіи поэтъ доказываетъ, что ему равно доступны какъ высочайшія области, такъ и самыя глубокія бездны бытія, югъ и сѣверъ, западъ и востокъ, и потаеннѣйшіе уголки человѣческаго сердца, и самыя своеобразныя черты чужихъ нравовъ, и ученія древней и новой исторіи. Оттого поэма получаетъ ту универсальность, тотъ космополитическій колоритъ, которые составляютъ необходимое условіе настоящаго новѣйшаго эпоса. Если прибавить къ этому, что поэтический стиль Байрона достигаетъ въ «Донъ-Жуанъ» совершенства, которое заставило Бёрне съ восхищеніемъ воскликнуть: «Какъ нѣжно и сильно онъ гремитъ громомъ на флейтѣ!» (Wie mild und stark zugleich er donnert auf der Flöte!); если еще прибавить, что поэтъ одинаково великъ здѣсь

какъ въ высокомъ, такъ и въ комическомъ; если, наконецъ, прибавить еще, что у него, въ случаѣ надобности — и пусть это замѣтятъ тѣ, которые въ Байронѣ хотятъ видѣть только лирика! — въ полномъ распоряженіи удивительная эпическая сила и пластика *), то въ «Донъ-Жуанъ» должно признать, какъ вѣнецъ созданій Байрона, такъ и настоящій эпосъ новаго времени. Но какъ надъ всѣми произведеніями великаго поэта, такъ и надъ этимъ нависло мрачное, задернутое тучами небо, не позволяющее вздохнуть полною грудью и производящее своимъ давленіемъ то безутѣшное настроеніе, которое обозначаютъ часто употребляемыми словами разрыва, разлада и міровой скорби. Яркія молніи отчаянія прорѣзываютъ тьму и, точно злобно хохочущій громъ, раздаются въ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ мекфистофелевская тема: все, что возникаетъ, имѣетъ цѣну потому-что уничтожается! Но въ этомъ-то именно и состоитъ величіе Байрона, это-то и дѣлаетъ Байрона самымъ истиннымъ поэтомъ нашего времени, что его произведенія служатъ поэтическимъ воплощеніемъ того, что терзаетъ и мучитъ всѣхъ

*) Стоитъ только вспомнить описаніе бури на морѣ во 2-й и штурмъ Измаила, изображенный съ страшною энергіей, въ 8-й пѣсни. Я не знаю, нужно ль говорить, что содержаніе «Донъ-Жуана» составляютъ приключенія героя въ Испаніи, Греціи, Константинополѣ, Россіи и Англии. По плану поэта Донъ-Жуанъ долженъ былъ погибнуть во французской революціи, въ чемъ выказывается мысль окончательнаго примиренія.

насъ; что онъ чувствовалъ и воспроизводилъ въ наглядныхъ образахъ, какъ корабль исторіи останавливается на мели отрицанія, какъ разрывъ съ прошлымъ совершился вполне въ мысли, не получивъ осуществленія на дѣлѣ, какъ, поэтому, настоящее порождаетъ въ насъ одинъ только скептицизмъ, и мы глядимъ на темное будущее, не умѣя себѣ помочь.

Между тѣмъ болѣе благородная и искренняя привязанность вывела его изъ беспорядочной жизни въ Венеціи; эта привязанность внушена была поэту шестнадцатилѣтнею, выданною замужъ за старика, графиней Терезою Гвиччіоли, урожденною Гамба. Онъ отправился за нею въ январѣ 1820 года въ Равенну и прожилъ здѣсь подлѣ нея, по разводѣ ея съ мужемъ, годъ счастливаго времени, которое нарушалось только его болѣзненностью. По желанію своей милой, онъ написалъ «Пророчество Данта» терцинами, подъ пару «Жалобѣ Тассо», и вскорѣ потомъ окончилъ трагедію «Марино Фальеро», содержаніе которой взято изъ венеціанской исторіи, а исполненіе не драматично и отзывается довольно-холодною риторикой. Впрочемъ, образъ Анджьолины прекрасенъ и проклетіе, посылаемое дожемъ передъ своей казнью Венеціи, полно истинно байроновскаго паэоса. Въ 1821 году Байронъ выдержалъ извѣстную литературную войну съ Боульзомъ изъ-за Попа *) и вслѣдъ за

*) Критика была слабой стороною Байрона. Онъ позволилъ себѣ—вѣроятно, изъ желанія оригинальности—смѣшную выходку, поставивъ Попа выше Шекспира.

тѣмъ написалъ прекрасную трагедію «Сарданапалъ», которую авторъ посвятилъ «знаменитому Гёте, какъ даръ литературнаго вассала своему ленному господину». Превосходный образъ іонянки Мирры, составляющій, очевидно, средоточіе всего произведенія, даетъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ объ упрекѣ, который часто дѣлаютъ великому поэту. Страннымъ образомъ тому самому Байрону, въ созданіяхъ котораго изъ-за ненависти и гнѣва постоянно выглядываетъ любовь, смѣющаяся сквозь слезы, дѣлали упрекъ въ отсутствіи любви. Уже одно множество прекрасныхъ и трогательныхъ мѣстъ, гдѣ поэтъ выражается о любви, должно было бы показать нелѣпость этого упрека, тѣмъ болѣе, что у Байрона по всей его организаціи не было ни капли лицемерія. Но кто на столько ограниченъ или недобросовѣстенъ, чтобы считать притворными и эти по разнымъ мѣстамъ разбросанные вздохи, вырывавшіеся изъ груди Байрона отъ страданій и радостей любви, того долженъ же убѣдить, наконецъ, въ лучшемъ характеръ Мирры, потому-что сама любовь во всей нѣжности, возвышенности и страсти не могла бы задумать и создать этотъ характеръ благородіе и прекраснѣе. Женскіе характеры Байрона, его Леила, Зулейка, Медора, Гюльнара, Паризина, Анджьолина, Ада, Мирра, Нейга, Гаиди, Марина, составляютъ вообще торжество женской красоты и вѣрности. Кромѣ «Сарданапала», въ 1821 году явилась еще трагедія «Двое Фоскари», венеціанская государственная драма,

наглядно воспроизводящая мрачное тиранство правительства республики; далѣе, глубокая мистерія «Каинъ», за которой, въ видѣ эпилога, слѣдовала мистерія «Небо и Земля» (Heaven and Earth), гдѣ Байронъ обрабатываетъ то же самое содержаніе, которое взято Муромъ въ его «Любви ангеловъ». «Каинъ» и «Сарданапалъ» даютъ новое убѣдительное доказательство о поэтическомъ могуществѣ и силѣ Байрона. Онъ бросаетъ свѣтъ своего гѣнія на обѣ пресловутыя личности мифа и исторіи, и вотъ онѣ являются не только въ другомъ освѣщеніи, но и существенно другими. Въ Равеннѣ же написалъ Байронъ блестящую сатиру «Видѣніе Суда» (Vision of judgement); онъ вызванъ былъ къ этому нелѣпнымъ произведеніемъ Соути *). Поэтъ не въ однихъ только стихахъ сочувствовалъ личной и народной свободѣ, но принималъ участіе въ замыслахъ и дѣйствіяхъ карбонаровъ и вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ для подавленія итальянской революціи, долженъ былъ оставить Равенну со своею милой и со своими друзьями, ея отцомъ

*) *Блюстителъ Сіона* и придворный поэтъ Соути въ предисловіи къ своему «Видѣнію Суда» жесточайшимъ образомъ напалъ на Байрона и его друзей и, кончивъ рѣчь о людяхъ, съ «больнымъ сердцемъ и развращающей фантазіей, которые возмущаются противъ священнѣйшихъ учрежденій человеческого общества» къ которому, разумѣется, принадлежитъ и жалованье придворнымъ господамъ и придворнымъ поэтамъ, и «съ ненавистью нападаютъ на откровенную религію», прибавилъ: Школа, основанная ими, можетъ быть собственно названа сатанинской школой, такъ какъ ихъ произведенія проникнуты духомъ Веліала въ ихъ

и братомъ, графами Гамба; онъ переселился въ Пизу, гдѣ имѣлъ несчастіе неожиданно потерять своего Шелли. Въ продолженіе 1822 года въ Пизѣ были написаны незначительная трагедія «Вернеръ» и странный драматическій отрывокъ «The deformed transformed». Переѣхавъ въ сентябрѣ 1822 года изъ Пизы въ Геную, онъ ознаменовалъ свое пребываніе тамъ политическою сатирой «Мѣдный вѣкъ» (The age of bronze) и поэтическимъ рассказомъ «Островъ», однимъ изъ лучшихъ произведеній его въ этомъ родѣ, открывающимъ райскій міръ острововъ Тихаго океана. Тутъ онъ принялъ живѣйшее участіе въ судьбахъ Греціи, гдѣ преданный европейскою дипломатіей народъ рѣшился самъ сломить турецкое иго. Байронъ предпринялъ, съ мечомъ въ рукѣ, помочь этому народу завоевать то, что онъ воспѣвалъ въ тысячахъ вдохновенныхъ стиховъ и отдать дѣлу новыхъ эллиновъ имущество, кровь и жизнь. Онъ собралъ все, что было у него денегъ, и 14-го іюля 1823 года отплылъ съ нѣсколькими вѣрными друзьями въ Грецію и при-

сладострастныхъ частяхъ и духомъ Молоха въ тѣхъ гнусныхъ образцахъ жестокостей и ужасовъ, которые имъ пріятно изображать, то наиболѣе характеристическую черту ихъ составляетъ сатанинскій духъ гордости и дерзновеннаго нечестія». Съ такою грубою нечестію и фанатизмомъ судили, да еще и до сихъ поръ часто судятъ, о Байронѣ въ его отечествѣ. Впрочемъ, картина появленія Сатаны, рисуемая Байрономъ въ его «Видѣніи Суда», кажется мнѣ — ужь конечно не въ смыслѣ Соути — вѣрнымъ во многихъ отношеніяхъ изображеніемъ байроновской музы.

былъ 5-го января 1824 года въ Миссолонги, гдѣ былъ принятъ съ радостью и торжествомъ. На собственный счетъ онъ составилъ бригаду сулютовъ и получилъ начальство надъ войсками, назначенными къ нападенію на Лепанто. Замедленіе этого предпріятія привело Байрона, жаждавшаго дѣятельности, въ лихорадочное напряженіе, быстро развившееся отъ простуды въ смертельную болѣзнь. Той пѣсни, которую написалъ онъ 5-го января и которая полна тяжолыхъ предчувствій, «Tis time this heart should be unmoved» (Приходитъ пора перестать биться этому сердцу), суждено было стать лебединою его пѣснью. Съ мужественнымъ сознаніемъ близкаго конца встрѣтилъ онъ смерть, похитившую его на тридцатьшестомъ году, 19-го апрѣля 1824 года, среди полного расцвѣта его генія. Тѣло его было привезено въ Англію, но англійское лицемѣріе и ханжество отказало ему въ могилъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Прахъ Байрона покоится въ церкви деревни Гокнелль.

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДИ. ¹

Нижеслѣдующія стихотворенія были сочинены по просьбѣ моего друга, Дугласа Киннэрда, чтобы служить текстомъ для собранія еврейскихъ мелодій², и изданы вмѣстѣ съ музыкой, аранжированной гг. Браганомъ и Натаномъ.

Январь 1815.

Вайронъ.

I.

ОНА ИДЕТЬ. 3

1.

Она идетъ въ красѣ своей,
Какъ ночь, горящая звѣздами,
И въ глубинѣ ея очей
Тьма перемѣшана съ лучами,
Преображаясь въ нѣжный свѣтъ,
Какого въ днѣ роскошномъ нѣтъ.

И много граціи своей
Краса бы эта потеряла,
Когда бы тьмы подбавить къ ней,
Когда бъ луча не доставало
Въ чертахъ и ясныхъ и живыхъ,
Подъ черной тѣнью косъ густыхъ.

И щоки рдѣютъ и горятъ,
Уста манятъ улыбкой нѣжной,
Черты такъ ясно говорятъ
О жизни свѣтлой, безмятежной,
О мысляхъ, зрѣющихъ въ тиши,
О непорочности души!

Д. Михаловскій.

2.

Она идетъ, блистая красотою,
 Цвѣтущая земли роскошной дочь,
 Одѣтая сіяніемъ и тьмою,
 Какъ дивная полуденная ночь;
 Исполнены плѣнительныя очи
 Небеснаго и тихаго огни,
 Какого нѣтъ у самой ясной ночи,
 У самаго блистательнаго дня.

Однимъ лучомъ, одною тѣнью болѣ —
 И безыменной нѣтъ уже красы,
 Что сладостно покоилось дотолѣ
 Въ волнахъ ея изнѣженной косы,
 И на челѣ возвышенномъ сіяла,
 Гдѣ крохкая и тихая мечта
 Таинственно для смертныхъ начертала,
 Что свѣтлая скрижаль ея чиста.

Она идетъ воздушною стопою
 Не по землѣ, а, мнится, въ небесахъ;
 Она идетъ, блистая красотою,
 Съ улыбкою привѣта на устахъ.
 Все чудно въ ней, торжественно и стройно,
 И хоть лицо горить у ней огнемъ,
 Но дѣвственное сердце въ ней спокойно
 И самая любовь—невинность въ немъ.

Н. Бергъ.

Мелодіей сладкой тѣхъ звуковъ чудесныхъ:
 Они, какъ отъ звѣздныхъ слетая круговъ,
 Лелѣютъ ихъ души небесными снами,
 Которыхъ не можетъ и солнце разрушить зла-
 тыми лучами. ⁶

Н. Гнѣдичъ.

III.

О, ЕСЛИ ТАМЪ ЗА НЕБЕСАМИ!

О, если тамъ, за небесами,
 Душа хранитъ свою любовь,
 И если съ милыми сердцами
 За гробомъ встрѣтимся мы вновь —
 То какъ манитъ тотъ міръ безвѣстный,
 Какъ сладко смерти сномъ заснуть,
 Оставить горе въ поднебесной
 И въ вѣчномъ свѣтѣ потонуть!

Не за себя мы, умирая,
 У края пропасти дрожимъ
 И, въ цѣли жизни припадая,
 Звенномъ послѣднимъ дорожимъ...
 О, буду счастливъ я мечтою,
 Что, вѣчной жизнію дыша,
 Безсмертье раздѣлитъ со мною
 Другая милая душа!

Д. Михаловскій.

IV.

ГАЗЕЛЬ.

Газель въ горахъ страны святой
 Живетъ въ блаженной долѣ,
 И пьетъ струи воды живой
 Счастлива и на волѣ;
 Красы и легкости полна,
 Среди тѣхъ горъ живетъ она.

Но обитательницъ другихъ
 Тѣ горы прежде знали,
 Стройнѣ станъ былъ дивный ихъ,
 Глаза свѣтлѣй сіяли.
 Тамъ кедръ растетъ — но юныхъ дѣвъ
 Ужъ не послышится напѣвъ.

И пальмы въ чудной той странѣ
 Цвѣтутъ въ уединеньи;
 Сто разъ блаженнѣе онѣ
 Еврейскихъ поколѣній:
 Нельзя имъ бросить край родной,
 Нельзя имъ цвѣсть въ странѣ чужой!

А мы скитаться вѣкъ должны,
 Несчастливы и унылы,
 И гдѣ отцы погребены
 Не ляжемъ мы въ могилы:
 Погибъ нашъ храмъ, погибъ Сіонъ —
 И съ ними палъ Солима тронъ.

П. Козловъ.

V.

О, ПЛАЧЬТЕ!

1.

О, плачьте надъ судьбой отверженныхъ племень,
 Блуждающихъ въ пустыняхъ Вавилона!
 Ихъ храмъ лежитъ въ пыли, ихъ врай порабощень,
 Унижено величіе Сіона:
 Гдѣ Богъ присутствовалъ, тамъ идолъ вознесенъ!

И гдѣ теперь Израиль злополучный
 Омоетъ потъ съ лица и кровь съ усталыхъ ногъ?
 Чѣмъ усладить часы неволи скучной?
 Въ какой странѣ его опять допустить Богъ
 Утѣшить слухъ Сіона пѣсню звучной? .

Народъ затерянный, разбросанный судьбой,
 Гдѣ ты найдешь надежное жилище?
 У птицы есть гнѣздо, у звѣря — лѣсъ густой;
 Тебѣ жъ одно осталось кладбище
 Прибѣжищемъ отъ бурь и горести земной!

С. Дуровъ.

2.

Ахъ! плачьте, какъ плакали мы на рѣкахъ ва-
 вилонскихъ!
 Отчизна въ плѣну, запустѣніе въ храмахъ сі-
 онскихъ...
 Ахъ! плачьте! о камень разбиты Іудины лиры;
 Въ обители Бога возносятся гордо кумиры...

Гдѣ нынѣ омоемъ свои истомленные ноги?
 Сионскія пѣсни смирятъ ли на сердцѣ тревоги?
 По прежнему ль лира Іуды нашъ слухъ очаруетъ?
 По прежнему ль сердце отъ звуковъ ея возликуетъ?

Въ чужбинѣ скитаться на вѣкъ осужденное племя,
 Гдѣ сбросишь на отдыхъ съ раменъ своихъ тяж-
 кое бремя?

Есть гнѣзда у горлицъ, нора у лукавой лисицы;
 Тебѣ же, Израиль, остались однѣ лишь гробницы!

Д. Минь.

VI.

НА БЕРЕГАХЪ ІОРДАНА.

Этотъ берегъ святой, гдѣ священный течетъ
 Іорданъ,

Попираетъ теперь аравійскихъ сыновъ караванъ;
 На Синаѣ Твоемъ ужъ Ваалу служенье творятъ—
 Боже! громы Твои нечестивыхъ почто не разятъ?

Въ этомъ мѣстѣ святомъ — Боже правый, ве-
 ликій, внемли!—

Позабыли Тебя нечестивыя чада земли;
 И не явишься Ты разгромить ихъ, разсвѣять,
 какъ дымъ,

Тамъ, гдѣ образъ Твой древлѣ сіялъ предъ на-
 родомъ Твоимъ.

Блещетъ молніей взоръ Твой, и гласъ Твой
рокочетъ, какъ громъ...

Скоро ль радость придетъ въ опустѣлый Изра-
иля домъ?

И тираны земли долго ль будутъ ругаться надъ
нимъ,

Надъ закономъ Твоимъ, надъ оставленнымъ
храмомъ Твоимъ?

Ө. Бергъ.

VII.

ДОЧЬ ІЕФВАЯ. ⁷

О! если народъ и Творецъ
Хотятъ моей смерти, отецъ;
Когда намъ дана за нее
Побѣда — вотъ сердце мое!

Рази! — я не стану рыдать...
Вамъ, горы, меня не видать!...
Сраженной любимой рукой
Не страшень ударъ роковой...

Отецъ мой! чиста моя кровь,
Какъ матери къ дѣтямъ любовь...
Пусть духъ твой меня осѣнитъ:
Последній мой часъ усладить!

Пусть слезы катятся рѣкой,
 Будь мужемъ и твердымъ судьей!
 Побѣду тебѣ я дала —
 Тебя и отчизну спасла...

Когда я погибну, когда
 Мой голосъ замретъ навсегда,
 Ты помни, что я умерла
 Съ улыбкой — ясна и смѣла...

Н. Гербель.

VIII.

УГАСНЕШЬ ТЫ.

Угаснешь ты весной своихъ цвѣтущихъ дней;
 Росистый дернъ безвременной могилы
 Покроютъ купы розъ, и кипарисъ надъ ней
 Раскинетъ вѣтви зелени унылой...

И блѣдная печаль на холмъ могильный твой
 Придетъ къ водамъ лазурнаго залива;
 Въ раздумьи горестномъ понизнувъ головой,
 Дни прошлые припомнить молчаливо
 И тихо прочь пойдетъ отъ урны гробовой...

Къ чему?... Напрасно все, и слезы, и печаль;
 Мы знаемъ: смерть не слушаетъ роптанья;
 Но схоронить, забыть любовь кому не жаль?...
 И хочешь ты улыбкой скрыть страданье,
 Но ты блѣдна, въ слезахъ очей твоихъ эмаль.

И. Крешевъ.

IX.

ДУША МОЯ МРАЧНА.

1.

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
 Вотъ арфа золотая:
 Пускай персты твои, промчавшия по ней,
 Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
 И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ —
 Онъ въ груди моей проснётся,
 И если есть въ очахъ застывшихъ капля слёзъ —
 Онъ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
 Мнѣ тягостны веселья звуки.
 Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
 Иль разорвется грудь отъ муки.
 Страданьями была упитана она,
 Томилась долго и безмолвно;
 И грозный часъ насталъ — таперь она полна,
 Какъ кубокъ смерти, яда полный.⁸

М. Лермонтовъ.

2.

Душѣ моей грустно. Спой пѣсню, пѣвецъ!
 Любезенъ гласъ арфы душѣ и унылой...
 Мой слухъ очаруй ты волшебствомъ сердцецъ,
 Гармоніи сладкой всемошною силой.

Коль искра надежды есть въ сердцѣ моемъ,
Ее вдохновенная арфа пробудить;
Когда хоть слеза сохранилася въ немъ —
Прольѣтся — и сердца сжигать мнѣ не будетъ.

Но пѣсни печали, пѣвецъ, мнѣ воспой:
Для радости сердце мое ужь не бьется;
Заставь меня плакать — иль, долгой тоской
Гнетомое, сердце мое разорвется.
Довольно страдалъ я, довольно терпѣлъ —
Усталъ я... Пусть сердце или сокрушится
И кончитъ земной мой несносный удѣлъ,
Иль съ жизнію арфой златой примирится.

Н. Гнѣдичъ.

Х.

Ты плакала
ТЫ ПЛАКАЛА.

Ты плакала: когда слеза
Лазурь очей твоихъ покрыла,
Казалось, свѣтлая роса
На землю съ неба нисходила.
Ты улыбалась — и алмазь
Померкнулъ передъ этимъ взглядомъ:
Съ живымъ огнемъ лучистыхъ глазъ
Не могъ достойно стать онъ рядомъ.

Какъ солнце тучамъ цвѣтъ даетъ,
Ихъ нѣжнымъ блескомъ проникая,
Который съ гаснущихъ высотъ
Не вдругъ прогнать тьма ночная,

Такъ ты улыбкою своей
 Веселье въ душу проливаешь
 И свѣтомъ радостныхъ очей
 Мракъ темный гора озаряешь.

Д. Михаловскій.

XI.

ТЫ КОНЧИЛЪ ТРУДНЫЙ ПУТЬ.

Ты кончилъ трудный путь земной
 И началъ путь теперь иной,
 О, сынъ отчизны, сынъ избранный!
 Ты мечъ и жизнь ей посвящалъ,
 Ты ей свободу даровалъ:
 Она поетъ твой подвигъ славный.

Ты умеръ; но доколѣ есть
 У насъ свобода, слава, честь,
 Дотоль душа твоя пребудетъ
 Душой всѣхъ насъ — и кровь, тобой
 Пролитая, въ землѣ родной
 Струей живительною будетъ.

Когда жъ мы на врага поидемъ —
 Твое мы имя воззовемъ;
 Про твой конецъ благословенный
 Всѣ наши дѣвы будутъ пѣть,
 И злобный врагъ не будетъ смѣть
 Попрать твой край стопой надменной.

С. Славутинскій.

XII.

ПѢСНЬ САУЛА ПРЕДЪ ПОСЛѢДНИМЪ БОЕМЪ.

Когда, пораженный мечомъ иль стрѣлой,
 Паду я, ведя рать господнюю въ бой,
 Мой трупъ да не будетъ препоною вамъ!
 Вожди и герои, смерть нашимъ врагамъ!

Ты, ратникъ, что носишь за мною мой щитъ,
 Когда моя рать отъ врага побѣжитъ —
 Убей меня! Пусть совершится судьба,
 Съ которой врагу не по силамъ борьба.

Прощайте! — но я не прощаюсь съ тобой,
 Мой сынъ и наслѣдникъ! возлюбленный мой!
 Иль власть безъ границы и царскій вѣнецъ,
 Иль въ битвѣ грядущей геройскій конецъ!

Н. Гербель.

XIII.

САУЛЪ.⁹

1.

Чаръ твоихъ могучихъ сила
 Можетъ мертвыхъ подымать:
 Тѣнь пророка Самуила
 Я молю тебя призвать.
 «Самуиль, возстань изъ гроба!
 Царь, вотъ онъ передъ тобой!»

И разверзлася утроба
 Мрачной пропасти земной;
 Подъ могильной пеленою
 Призракъ въ облакъ стоялъ;
 Свѣтъ померкнулъ передъ тьмою
 И предъ саваномъ бѣжалъ.
 Неподвижный взоръ могилы...
 Очи — будто изъ стекла;
 Желты руки; сухи жилы,
 И нога, какъ кость, бѣла:
 Въ темнотѣ она блистала,
 Обнаженна и мертва...
 Это тѣло не дышало...
 Изъ недвижныхъ губъ слова
 Предъ трепещущимъ Суаломъ
 Пронеслись подземнымъ гуломъ,
 Вѣтра ропотомъ глухимъ.
 И Саулъ упалъ, смущенный,
 Въ прахъ, какъ вѣрпкій дубъ, сраженный
 Вдругъ ударомъ громовымъ.

«Кто мой сонъ смутилъ отрадный,
 Вызвалъ тѣнь изъ нѣдръ земныхъ?
 Царь, взгляни: я призракъ хладный,
 Крови въ жилахъ нѣтъ моихъ.
 Завтра будетъ то жъ съ тобою:
 Прежде чѣмъ на небесахъ
 День погаснетъ — подъ землю
 Будетъ твой гнѣющій прахъ.
 Завтра этотъ міръ оставишь:
 Ты подъ тучей стрѣлъ въ бою
 Упадешь — и самъ направишь

Мечъ тяжелый въ грудь свою.
 Близко, близко это время!
 Смерть лишитъ тебя вѣнца —
 И Саулово все племя
 Истребится до конца!»

Д. Михаловскій.

2.

Вызываешь мертвыхъ ты —
 Призови пророка мнѣ.
 «Самуилъ, возстань, приди!
 Царь, вотъ призракъ весь въ огнѣ!»

Земля разверзлась; въ облакъ предсталъ
 Пророка призракъ: онъ въ огнѣ сіялъ.
 Застыла смерть во взорѣ недвижимомъ
 Въ величїи своемъ непостижимомъ;
 Изсохли жилы; руки такъ блѣдны,
 И кости ногъ совсѣмъ обнажены.
 Глухіе звуки раздаваться стали —
 И мертвыя уста залепетали:
 Какъ-будто вѣтръ подземный потянулъ,
 Иль раздался далекой бури гулъ.
 И палъ Саулъ простершись: дубъ могучій
 Такъ падаетъ предъ молніей летучей.

«Кто сонъ мой вѣчный прерываетъ?
 Кто онъ — что мертвыхъ вызываетъ?
 Не ты ли, царь? Гляди, гляди!

Гнѣздится смерть въ моей груди
 И члены смерть оледенила:
 И прежде чѣмъ блеснетъ закатъ
 Померкнетъ твой надменный взглядъ,
 Умретъ твоя надежда, сила —
 Умретъ твой сынъ. Одинъ лишь день —
 И будешь ты лишь персть и тѣнь...
 Мой прахъ съ твоимъ смѣшаютъ прахомъ.
 Погибнешь ты средь вражьихъ тѣлъ
 Отъ филистимскихъ мѣткихъ стрѣлъ;
 Гонимъ отчаяньемъ и страхомъ,
 Ты поразишь себя мечомъ;
 Падутъ въ ступенямъ шаткимъ трона
 Саула сынъ, Саула домъ,
 Глава Саула и корона!»

Э. Вергъ.

XIV.

«ВСЕ СУЕТА, СКАЗАЛЪ УЧИТЕЛЬ».

Со славой и мудростью взялъ я въ удѣлъ
 Здоровье и силу и младость?
 Виномъ драгоценнымъ мой кубокъ блестялъ,
 Въ любви упоенье и радость
 Мнѣ щедро дарились: старался искать
 Я въ женщинахъ нѣги и счастья;
 Во всемъ мнѣ блаженство дарилось вкушать,
 Во всемъ находилъ я участие.

Но тщетно стараюсь вернуть я тѣ дни,
 Тѣ сладкія сердцу мгновенья,

Когда я былъ счастливъ: умчались они —
 И счастья нѣтъ въ наслажденьи.
 Увы! уже прежняго счастья вкусить
 Не дастся мнѣ снова судьбою!
 Страданье не кончитъ мнѣ душу томить
 И сердце не кончитъ съ тоскою!

У змѣй смертоносныхъ весь ядъ заглушать
 Способно волхва заклинанье;
 Но муки души охлажденной смирять
 Не въ силахъ ничье волхвованье.
 Уму человѣка та власть не дана,
 Ни музыки сладостнымъ звукамъ...
 Больная душа, словно полночь, мрачна —
 И нѣту конца ея мукамъ.

П. Козловъ.

XV.

КОГДА НАШЪ ТЕПЛЫЙ ТРУПЪ...

Когда нашъ теплый трупъ по смерти остываетъ,
 Какой безвѣстный путь душа должна избрать?
 Оставивъ пыльный слѣдъ, отъ взоровъ исчезаетъ,
 Но какъ, куда, зачѣмъ — кто можетъ въ мѣрѣ
 знать?

И ятѣ съ душой тогда?—свободна и безпечна,
 Нейдетъ ли по путямъ невѣдомыхъ планетъ?
 Не расплывается ли окомъ безконечнымъ
 Вездѣ и вдругъ, и ей преграды нѣтъ?

Безъ формы, безъ конца и вѣчно-юна въ силѣ,
 Невидима сама въ надъ облачной тиши,
 Все тó, что небеса съ землей въ себѣ вмѣстили,
 Представится очамъ и памяти души;
 Прошедшее само, съ загадочнымъ нарядомъ,
 Исполненное тайнъ, смѣсь свѣта и тѣней,
 Раскроется тогда передъ могучимъ взглядомъ,
 Раздвинется сполна картиною предъ ней.

Духовный взоръ ея взлетитъ до дней печаль-
 ныхъ,

Въ хаосъ довременный, гдѣ Богъ творить взялся,
 Онъ за рубежъ небесъ проникнетъ самыхъ даль-
 нихъ

И въ ихъ теченіи изучитъ небеса.

Иль вызоветъ душа грядущее къ свиданью,
 И вскроется оно понятно, ясно ей,
 И, видя какъ падутъ системы мірозданья,
 Недвижно въ вѣчности останется своей.

Поверхъ тревожныхъ чувствъ она установится,
 Блаженна и чиста, въ ней страсть не задрожитъ,
 И передъ нею вѣкъ, какъ годъ земной, про-
 мчится,

А годъ земной, какъ мигъ волшебный, пробѣжитъ.
 Всегда свободная въ поступкѣ и желаньи,
 Безъ крыльевъ, безъ труда — куда и какъ летѣть?
 Таинственный жилецъ безъ формы, безъ названья,
 Забывшій даже тó, что значить умереть.

К. Случевскій.

XVI.

ВИДѢНІЕ ВАЛТАСАРА.

Пируетъ царь. Вокругъ владыки
 Сатрапы пьяные сидятъ —
 И длится пиръ, и льются клики
 При свѣтѣ тысячи лампадъ.
 Сосуды золота литова,
 Въ Солимѣ чтимые святомъ,
 Кипятъ безбожника виномъ —
 Твои сосуды, о Егова!

Тогда средь праздничнаго зала
 Рука явилась предъ царёмъ:
 Она сіяла и писала,
 Какъ на песокъ береговомъ;
 Она сіяла и водила
 По буквамъ огненнымъ перстомъ,
 И, словно огненнымъ жезломъ,
 Тѣ знаки дивные чертила.

И видя грозное явленье,
 Владыка выронилъ бокаль,
 Лицо померкло на мгновенье
 И громкій голосъ задрожалъ:
 «Созвать волхвовъ со всей вселенной,
 «Первѣйшихъ въ мірѣ мудрецовъ —
 «Пусть объяснятъ значенье словъ,
 «Прервавшихъ пиръ нашъ вождедѣнный!»

Умны халдейскіе пророки:
 Имъ тайны вѣдомы земли;
 Но объяснить святыи строки
 Жрецы Ваала не могли.
 Учны старцы Вавилона,
 Пытливъ ихъ умъ и зорокъ глазъ,
 Но и они на этотъ разъ
 Не послужили имъ у трона.

Тогда явился отрокъ плѣнный
 И письма тѣ прочиталъ,
 И тотчасъ смыслъ ихъ сокровенный
 Уразумѣлъ и разгадалъ.
 Огнями храмина сіяла...
 Предъ нимъ божественный глаголъ...
 Онъ въ ту же ночь его прочолъ —
 Заря пророка оправдала:

«Зіяетъ царская могила...»
 «Владыка взвѣшенъ на вѣсахъ...»
 «Но гдѣ же власть его и сила,
 «Когда онъ лёгокъ, словно прахъ?»
 «Порфиру смѣнить саванъ бранный,
 «Могила — царственный намётъ...»
 «Уже мидіецъ у воротъ,
 «Ужъ персъ на тронѣ полвселенной!...»

Н. Гербель.

XVII.

О СОЛНЦЕ ГЛАЗЪ БЕЗСОННЫХЪ!

1.

О Солнце глазъ безсонныхъ! Звѣздный лучъ,
Какъ слезно ты дрожишь межъ дальнихъ тучъ...
Сопутникъ мглы, блестящій стражъ ночной,
Какъ по быломъ тоска сходна съ тобой...
Такъ свѣтитъ намъ блаженство давнихъ лѣтъ,
Горить, а все не грѣетъ этотъ свѣтъ;
Подруга думъ воздушная видна,
Но далеко — ясна, но холодна.

А. Фетъ.

2.

Безсонное солнце, въ туманѣ луна!
Горишь ты далёко, грустна и блѣдна.
При тускломъ мерцаньи мракъ ночи страшнѣй,
Какъ въ памяти радость утраченныхъ дней.
Минувшее блещетъ межъ горестныхъ тучъ;
Но сердца не грѣетъ томительный лучъ,
И радость былая, какъ ночью луна,
Видна, но далёко, ярка, но хладна.

И. Козловъ.

XVIII.

БУДЬ Я ТАКЪ ПОРОЧЕНЪ, КАКЪ ТЫ ГОВОРИШЬ.

Будь я такъ порочень, какъ ты говоришь съ
укоризной,
Я здѣсь не блуждалъ бы, на вѣкъ разлучонный
съ отчизной;
Мнѣ стоило бь только отречься отъ вѣры отцовъ,
Чтобъ смыть поношенье, удѣль Іудей сыновъ.

Когда не гнетѣтъ тебя злоба — ты небу угодень,
Когда въ тебѣ рабъ провинится — ты чистъ и
свободень!

Когда суждено намъ Всевышнимъ отчизны не
зрѣть —

Живи въ своей вѣрѣ: хочу я въ своей умереть!

Я отдалъ всѣ блага за вѣру — и Богъ это знаетъ,
Что терпитъ тебя, ликовать на землѣ попускаетъ;
Въ рукъ Его — сердце, святая надежда моя —
И жизнью и родиной жертвую радостно я.

Н. Гербель.

XIX.

ПЛАЧЪ ПРОДА ПО МАРИАМНЪ.¹⁰

О Маріамна! другъ! то сердце, что рѣшилось
Пролить родную кровь, само теперь разбилось;
Вопль мщенья заглушонъ сердечною тоской;
Свирѣпный взглядъ горитъ раскаянья слезой.

Гдѣ ты, моя любовь? Когда бѣ мое моленье
 Могла услышать ты — я бѣ вымолилъ прощенье,
 Хотя бѣ самъ Егова, Творецъ вселенной самъ
 Остался глухъ къ моимъ рыданьямъ и мольбамъ.

Да умерла ль она? Уже ль мои велѣнья
 Исполнены — порывъ слѣплого изступленья?
 Мой гнѣвъ свой приговоръ исполнилъ надо мной...
 Кровавый мечъ виситъ надъ этой головой...
 Но безотвѣтна ты — и тщетно сердце таетъ
 По той, что въ вышинѣ надъ тучами витаетъ
 И о душѣ моей, погрязнувшей въ грѣхахъ,
 Не хочетъ пожалѣть въ заоблачныхъ странахъ.

Нѣтъ той, что мой вѣнецъ и власть со мной дѣлила;
 Все счастье мое взяла ея могила.
 Я самъ цвѣтокъ полей, что пышно расцвѣталъ
 Для одного меня, безжалостно сорвалъ.
 Геена ждетъ меня; удѣлъ мой — преступленья,
 А съ ними вѣчный стыдъ и вѣчныя мученья.
 Страданія свои я заслужилъ вполне:
 Не будетъ имъ конца, какъ и моей винѣ.
 Н. Гербель.

XX.

НА РАЗОРЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА ТИТОМЪ.

Съ холма, гдѣ путники прощаются съ Сіономъ,
 Я видѣлъ градъ родной въ его послѣдній часъ:
 Пылалъ онъ, отданный свирѣпымъ легионамъ,
 И зарево его охватывало насъ.

И я искалъ нашъ храмъ, искалъ свой бѣднѣйшій домъ,
 Но видѣлъ лишь огня клокочущее море...
 Я на руки свои, въ отчаяннѣи нѣмомъ,
 Взглянулъ: онъ въ цѣпяхъ! и мщенья нѣтъ! о горе!

Ахъ! съ этого холма, бывало, я глядѣлъ
 На городъ въ этотъ часъ: ужъ мракъ надъ нимъ
 клубился,

И только храмъ еще въ лучахъ зари горѣлъ,
 И розовый туманъ на высихъ горъ свѣтился.

И вотъ я тамъ же былъ и въ тотъ послѣднѣйшій часъ;
 Но не манилъ меня заката блескъ пурпурный.
 Я ждалъ, чтобъ Егова, во гнѣвѣ ополчасъ,
 Ударилъ молніей и вихрь послалъ свой бурный...

Но нѣтъ... въ твой храмъ святой, гдѣ Ты, Гос-
 подь, царилъ,

Не сядутъ, не войдутъ языческіе боги!
 Твой зримый храмъ упалъ, но въ сердцѣ сохранилъ
 На вѣки твой народъ, Господь, тебѣ чертоги!

А. Майковъ.

XXI.

У РѢКЪ ВАВИЛОНСКИХЪ.

У рѣкъ вавилонскихъ мы, сидя съ тоской,
 Въ слезахъ вспоминали тотъ день роковой,
 Какъ рать Вавилонянъ, отмщенъемъ томима,
 Во прахъ сокрушила твердыни Солима,
 И дѣвы Сіона, съ слезами въ очахъ,
 Себя увидали въ далѣкихъ земляхъ.

Въ то время, какъ, мыслей нерадостныхъ полны,
 Мы съ грустью слѣдили бѣжавшія волны,
 Враги заставляли насъ пѣть и играть:
 Напрасно! — имъ пѣсенъ святыхъ не слышать!
 Пусть прежде отсохнетъ рука надъ струнами,
 Чѣмъ радостный звукъ извлечетъ предъ врагами!

Сіонъ, твои арфы висятъ на вѣтвяхъ!
 Свободная пѣсня въ свободныхъ струнахъ —
 Намъ стала завѣтомъ години кровавой,
 Видавшей конецъ твой, увѣнчанный славой...
 Нѣтъ, звуковъ твоихъ мы вовѣкъ не сольёмъ*
 Съ безумною пѣсней, сложонной врагомъ!

Н. Гербель. .

XXII.

ПОРАЖЕНІЕ СЕННАХЕРИМА.

1.

Какъ волки на стадо, враги набѣжали...
 Ихъ орды багрянцемъ и златомъ сіяли;
 Какъ на морѣ звѣзды, горѣли мечи,
 Когда ихъ волна отражаетъ въ ноці.

Какъ листья дубравы весной, на закатѣ
 Виднѣлись знамена безчисленной рати;
 Какъ листья дубравы осенней порой,
 Валялись ихъ трупы съ наставшей зарей.

Занѣ восшумѣло крыло Азраила:
 Въ лицо нечестивымъ онъ смертью дохнулъ —
 И сонъ непробудный имъ очи сомкнулъ,
 И, дрогнувъ, въ нихъ сердце на вѣки застыло.

Здѣсь конь безобразною грудой лежитъ:
 Дыханье раздутыхъ ноздрей не живить,
 И пѣна, застывши съ послѣднимъ храпѣньемъ,
 Бѣлветъ, какъ брызги прибоя къ каменьямъ.

Здѣсь всадникъ безгласный лежитъ въ сторонѣ:
 Роса на челѣ его, ржа на бронѣ;
 И въ ставкахъ не слышно ни шума, ни звона;
 Труба безглагольна; недвижны знамена.

И вдовы Ассира взываютъ въ слезахъ...
 Кумиры Ваала повержены въ прахъ...
 И рать ихъ безъ битвы, неся намъ оковы,
 Растаяла снѣгомъ отъ взора Егобы.

Н. Гербель.

2.

Ассирияне шли, какъ на стадо волки:
 Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки;
 И сіяли ихъ копья далѣко окрестъ,
 Какъ въ волнахъ галилейскихъ мерцаніе звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
 Еще вечеромъ такъ красовались они;
 Словно листья дубравные въ вихрѣ зимы,
 Ихъ къ разсвѣту лежали разсѣяны тмы.

Ангель смерти лишь на вѣтеръ крылья простёръ
Идохнулъ имъ въ лицо — и померкнулъ ихъ взоръ,
И на мутныя очи сонъ палъ безъ конца,
И лишь разъ поднялись — и остыли сердца.

Вотъ, расширившій ноздри, повергнутый конь;
Но не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,
И какъ хладная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ бѣлветъ предсмертная пѣна на нёмъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый во прахъ:
На бронѣ его ржа, и роса на власахъ;
Безотвѣтны шатры; у знамѣнъ ни раба;
Не свистѣло копьё, не трубила труба.

И Ассиріи вдовъ слышенъ плачъ на весь міръ,
И во храмѣ Ваала низверженъ кумиръ,
И народъ, не сраженный мечомъ до конца,
Весь растаялъ, какъ снѣгъ передъ блескомъ Творца.

Графъ А. Толстой.

XXIII.

МНѢ ПРИЗРАКЪ ЯВИЛСЯ.

(Изъ Іова.)

Мнѣ призракъ явился — и я безъ покрова
Безсмертье увидѣлъ... На смертныхъ палъ сонъ,
Лишь я отвратить отъ пришельца святова
Не могъ своихъ глазъ, хоть безплотенъ былъ онъ...

И дрогнуло тѣло, и дыбомъ сталъ волосъ...
И слуха коснулся божественный голосъ:

«Уже ль человекъ справедливѣ Бога,
«Когда серафимы — подножье Его?
«Васъ червь долговѣчнѣй, вы прахъ отъ порога,
«А лучше ль, правдивѣ ль вы отъ того?
«Созданіе дня, вы живете до ночи:
«Предъ мудрости свѣтомъ слѣпотствуютъ очи...»¹¹

Н. Гербель.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЕвРЕЙСКИМЪ МЕЛОДІЯМЪ.

1) Лордъ Байронъ никогда не относился особенно снисходительно къ этимъ Мелодіямъ. Когда, однажды, Муръ посѣялся въ его присутствіи надъ тѣмъ, какъ нѣкоторыя изъ нихъ были положены на музыку, Байронъ вскричалъ: «Что вы все надѣдаете мнѣ съ этими еврейскими плаксивыми причитаньями? Сколько разъ уже я говорилъ вамъ, что все это — дѣло Киннэрда и излишней легкости моего характера».

2) «Ни у древнихъ, ни у новыхъ Евреевъ», говоритъ докторъ Бёрней, «музыка не имѣла особаго, опредѣленнаго характера; мелодіи, употреблявшіяся въ ихъ религіозныхъ церемоніяхъ, всегда переходили по преданію и предоставлялись на произволъ пѣвцовъ». Каллбреннеръ, въ своей «Histoire de la Musique» (т. I, стр. 34) говоритъ: «Испанскіе евреи читаютъ и поютъ свои псалмы совсѣмъ не такъ, какъ евреи голландскіе; евреи римскіе — не такъ какъ прусскіе и гессенскіе, и всѣ они думаютъ, что поютъ такъ, какъ пѣли въ іерусалимскомъ храмѣ!»

3) Эти стансы были написаны Байрономъ по возвращеніи съ бала, на которомъ онъ встрѣтилъ г-жу Вильмотъ-Гортонъ, жену своего родственника, впослѣдствіи губернатора Цейлона. По этому случаю г-жа Гортонъ надѣла на слѣдующее утро платье, усыпанное золотыми блестками.

4) «Въ царствованіе Давида музыка пользовалась у евреевъ величайшимъ уваженіемъ. Музыкальныя способности этого царя и его ревностныя занятія этимъ искусствомъ, а также и большое число музыкантовъ, которыхъ онъ дер-

жалъ для приданія большаго величія религиознымъ обрядамъ и церемоніямъ, не могли не оказать вліянія на распространеніе и усовершенствованіе этого искусства; именно въ этотъ періодъ еврейской исторіи музыканты удостоились чести быть допущенными къ совершенію жертвоприношеній и служенію у кивота завѣта». *Берней*.

5) «Когда лордъ Байронъ отдалъ мнѣ это стихотвореніе, оно оканчивалась этимъ стихомъ. Но такъ какъ строфа оказывалась такимъ образомъ недоконченною, то я попросилъ его о продолженіи ея для того, чтобы ее легче было положить на музыку. «Помилуйте», возразилъ онъ: «я оставилъ васъ въ этомъ стихѣ на небѣ...» Въ это время со мной заговорилъ кто-то другой, но лордъ черезъ нѣсколько минутъ подошелъ ко мнѣ и, сказавъ: «вотъ, Натанъ, я уладилъ ваше дѣло», отдалъ мнѣ удивительные стихи, заканчивающіе строфу». *Натанъ*.

6) «Гимны Давида отличаются столько же возвышенностью и изяществомъ слова, сколько глубиною и чистотою религиознаго чувства. Въ сравненіи съ ними, священныя пѣсни всѣхъ другихъ народовъ оказываются посредственными. Они до такой степени воплотили въ себѣ всемірный языкъ религиознаго чувства, что (за исключеніемъ немногихъ пламенныхъ и гнѣвныхъ мѣстъ, естественныхъ въ воинственной повзій божѣ суроваго времени) вошли въ христіанское богослуженіе и получили въ немъ право безспорнаго господства. Пѣсни, которыми еврейскій народъ оглашалъ пустынные пещеры свои или которыя вылетали изъ устъ его въ то время, какъ онъ странствовалъ по равнинамъ и холмамъ Іудей, всегда повторялись и повторяются во всѣхъ странахъ обитаемаго міра: на отдаленнѣйшихъ островахъ океана, въ дѣсахъ Америки, въ песчаныхъ степяхъ Африки. Сколько человѣческихъ сердецъ было успокоено, очищено, облагорожено этими пѣснями! сколько несчастнымъ послужили онѣ тайнымъ утѣшеніемъ! на сколько общинъ онѣ низвели благословеніе божественнаго Провидѣнія тѣмъ, что гармонически соединили въ себѣ нѣжную любовь съ глубокимъ религиознымъ чувствомъ!» *Мильманъ*.

7) «Исрааиль, незаконнорожденный сынъ Гилеада, будучи выгнанъ отцомъ изъ дома, ушелъ въ дикую страну и сдѣлался знаменитымъ атаманомъ разбойниковъ. Его соотечественники, мучившіеся подъ чужеземнымъ игомъ, обратили вниманіе на этого доблестнаго, хотя не признававшего никакихъ законовъ, человѣка, ремесло котораго, по ихъ понятіямъ, не было безчестіемъ ремесла пирата въ славнѣйшіе дни Греціи. Они послали за нимъ и сдѣлали его начальникомъ своего города. Передъ выступленіемъ въ походъ противъ аммонитовъ, онъ далъ извѣстный обѣтъ — въ случаѣ одержанія побѣды принести въ жертву Богу первую личность, которую онъ встрѣтитъ при обратномъ вѣздѣ въ родной городъ. Онъ одержалъ блистательную побѣду. Узнавъ объ этомъ, единственная дочь его пришла въ восторгъ и, танцуя, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправилась за городъ — привѣтствовать освободителя націи. Несчастный отецъ въ отчаяніи разодралъ свои одежды; но благородная дѣвушка не хотѣла и слышать о нарушеніи обѣта. Она только попросила позволенія уйти на нѣкоторое время въ горы, чтобы тамъ, подобно Антигонѣ Софокла, оплакать свою судьбу, судившую ей умереть безъ надежды сдѣлаться женою и матерью, — и потомъ покорила свой участію». *Мильманъ*.

8) Въмъ было извѣстно, что у лорда Байрона являлись иногда странности, довольно близкія къ помѣшательству; и дѣйствительно одно время утверждали, что онъ на самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума. Байрона очень забавляли эти слухи. Разъ онъ объявилъ, что хочетъ посмотреть, какъ сумасшедшій человѣкъ можетъ писать; схвативъ перо съ видомъ помѣшаннаго, онъ дико и величественно устремилъ глаза вдаль и, въ порывѣ вдохновенія, разомъ написалъ эти стихи, не сдѣлавъ ни одной помарки». *Натанъ*.

9) «Томимый ненаемнымъ желаніемъ проникнуть въ тайны будущаго — желаніемъ, вѣчно-томящимъ необразованнаго человѣка — Саулъ не зналъ къ кому обратиться за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Жрецы, оскорбленные его жестокостью, оставили его; пророки держали себя въ отдаленіи отъ него; онъ преслѣдовалъ даже неофициальныхъ

волхвовъ. Наконецъ онъ услышалъ объ одной женщинѣ— предсказательницѣ, жившей въ Эндорѣ, и, переодѣвшись въ чужое платье, явился къ ней въ пещеру. Онъ велѣлъ ей вызвать духъ Самуила. Услыхавъ это требованіе, женщина тотчасъ же узнала, или сказала, что узнала, своего царственнаго посѣтителя. «Кого ты видишь?» спросилъ царь. — «Могущественнаго человѣка, выходящаго изъ земли». — «Каковъ онъ собой?» — «Это старикъ, укутанный въ плащъ». Саулъ въ ужасѣ склонился головой къ землѣ и, не смѣя поднять глазъ, выслушалъ, казалось, отъ привидѣнія торжественное объявленіе о своемъ близкомъ пораженіи и смерти...» *Мильманъ.*

10) «Маріамна, жена Ирода Великаго, будучи заподозрѣна въ измѣнѣ мужу, была умерщвлена по его приказанію. Она была женщина необыкновенной красоты и высокаго ума, но по несчастію сдѣлалась предметомъ страстной, почти бѣшеной, любви человѣка, который болѣе или менѣе способствовалъ убіенію ея дѣда, отца, брата и дяди и два раза приговаривалъ ее къ смерти. Послѣ казни, Ирода не переставалъ мучить образъ убитой Маріамны; наконецъ нравственное разстройство повлекло за собою разстройство тѣла, а соединеніе того и другого сдѣлалось причиною временнаго помѣшательства». *Мильманъ.*

11) «Еврейскія Мелодіи, очевидно уступающія въ достоинствѣ другимъ сочиненіямъ лорда Байрона, отличаются однако такимъ искуснымъ стихосложеніемъ и такимъ мастерскимъ изображеніемъ, какія доставили бы второклассному поэту громкую извѣстность». *Жеффрей.*

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Зáмокъ Шильонъ, въ которомъ съ 1530 по 1537 годъ заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма, находится между Клараномъ и Вильневоиъ, у самыхъ восточныхъ береговъ озера Лемана. Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина, ведущая къ Сен-Морицу и Маргини, снѣжныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мельери, а съ другой—Монтре, Шателаръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и замковъ; передъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ, какъ свѣтлыя точки, сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль, а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, такъ-какъ совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончается поверхность озера, тамъ начинаются

крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ; своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бонивара; на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытопанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Не подалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, не далеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана: онъ не примѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ,
Не страхъ незапный въ ночь одну
До срока даль мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой,
Но не труды, не хладъ, не зной.
Тюрьма разрушила меня.
Лишонный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть; пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины —

И двухъ сожрала глубина;
 Лишь я, развалина одна,
 Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
 Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водѣ стоитъ Шильонъ;
 Тамъ, въ подземельѣ, семь колоннъ
 Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ;
 На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ,
 Лучъ ненарокомъ съ вышины
 Упавшій въ трещину стѣны
 И заронившійся во мглу.
 И на сыромъ тюрьмы полу
 Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
 Какъ надъ болотомъ огонёкъ,
 Во мракѣ вѣющій ночью.
 Колонна каждая съ кольцомъ;
 И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ,
 И тѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ;
 Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
 Не будетъ ввѣкъ истреблено
 Клеймо, надавленное имъ.
 И день тяжолъ глазамъ моимъ,
 Отвыгнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
 Глядѣть на радующій свѣтъ;
 И къ волѣ я душой остылъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
 Убитъ неволей предо мной
 И рядомъ съ мертвымъ я живой
 Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
 Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
 Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
 Мы шагу не могли ступить,
 Въ глаза другъ друга различить:
 Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ ,
 Онъ намъ лицо чужое далъ —
 И братъ сталъ брату незнакомъ.
 Была услада намъ въ одномъ:
 Другъ другу голосъ подавать,
 Другъ другу сердце пробуждать
 Иль былью славной старины,
 Иль звучной пѣснію войны...
 Но скоро то же и одно
 Во мглѣ тюрьмы истощено;
 Нашъ голосъ страшно одичалъ;
 Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
 Глухой тюремныя стѣны;
 Онъ не былъ звукомъ старины
 Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
 Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
 Мечта ль?... но голосъ ихъ и мой
 Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
 Я жребій собственный забылъ,
 Дыша заботою одной,
 Чтобъ имъ не дать упасть душой.
 Нашъ младшій братъ—любовь отца...

Увы! черты его лица
 И глазъ умильная краса,
 Лазоревыхъ, какъ небеса,
 Напоминали нашу мать.
 Онъ былъ мнѣ все, и увядать
 При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
 Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
 Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
 Въ которомъ я на волѣ жилъ.
 Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ,
 Умомъ младенчески-игривъ,
 Безпечно-веселъ самъ съ собой...
 Но передъ горестью чужой
 Изъ голубыхъ его очей
 Бѣжали слѣзы какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
 Но духъ имѣлъ онъ боевой:
 Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
 И въ первый рядъ на смерть готовъ...
 Но безъ терпѣнья для оковъ.
 И онъ отъ звука ихъ завялъ!
 Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
 Какъ медленно въ печали гасъ
 Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
 Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
 Гонитель вепрей и волковъ —
 И гробъ тюрьма ему была:
 Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окружонъ,
 И водъ его со всѣхъ сторонъ
 Неизмѣрима глубина;
 Въ двойную волны и стѣна
 Тюрьму совокупились тамъ;
 Печальный сводъ, который намъ
 Могилой заживо служилъ,
 Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
 И день и ночь была слышна
 Въ него бѣющая волна
 И шумъ надъ нашей головой
 Струй, отшибаемыхъ стѣной.
 Случалось, бурей до окна
 Бывала взброшена волна
 И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
 Случалось, вихорь бушевалъ—
 И содрогалася скала;
 И съ жадностью душа ждала,
 Что рухнетъ и задавить насъ:
 Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Средній братъ нашъ — я сказалъ —
 Душой скорбѣлъ и унывалъ.
 Унылъ, угрюмъ, ожесточёнъ,
 Отъ пищи отказался онъ:
 Ъда тюремная жестка;
 Но для могучаго стрѣлка

Нужду переносить легко.
Намъ козъ альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда,
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы,
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда бъ и нѣгой окружонъ
Безъ воли былъ... Зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ... я жь ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и — былъ далѣкъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ.
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы...
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:

Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробъ онъ.
 «Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
 «Не тихъ...» Но былъ отвѣтъ слезамъ
 Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ,
 Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
 И въ головахъ его виситъ
 Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей —
 Убийцъ достойный мавзолей!

VIII.

Но онъ — нашъ милый, лучший цвѣтъ,
 Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
 Сокровище семьи родной,
 Онъ — образъ матери душой
 И чистой прелестью лица,
 Мечта любимая отца,
 Онъ — для кого я жизнь щадилъ,
 Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
 Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть...
 Увы! онъ долго могъ сносить
 Съ младенческою тишиной,
 Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой.
 Не я ему — онъ для меня
 Подпорой былъ... Вдругъ день отъ дня
 Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
 Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
 О Боже! Боже! страшно зрѣть,
 Какъ силится преодолѣть
 Смерть человѣка... Я видалъ,
 Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;

Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
 Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
 Съ надеждой гибнущей своей;
 Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
 Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
 Съ богохуленьемъ на устахъ,
 Пока ихъ смерть не заперла:
 Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скорбь была,
 Болѣзнь глубокая души.
 Смираннымъ ангеломъ въ тиши
 Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
 Столь безнадежно-терпѣливъ,
 Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
 Безъ слёзъ, лишь помня о своихъ
 И обо мнѣ... увы! онъ гасъ,
 Какъ радуга, плѣняя насъ,
 Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
 Ни вздоха скорби на устахъ,
 Ни ропота на жребій свой;
 Лишь слово изрѣдка со мной
 О нашихъ прошлыхъ временахъ,
 О лучшихъ будущаго дняхъ,
 О ѣхъ упованьи... но, объять
 Сей тратой, горшею изъ тратъ,
 Я былъ въ свирѣпомъ забытѣи.
 Вотще, кончаясь, онъ свои
 Терзанья смертныя скрывалъ...
 Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
 Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ...
 Молчаньемъ страннымъ пробуждѣнъ,
 Я вслушиваюсь — тишина!
 Кричу, какъ бѣшенный — стѣна!

Откликнулась... и умерь гуль!
 Я цѣпь отчаянно рвануль
 И вырваль... къ брату... брата нѣтъ!
 Онъ на столбѣ — какъ вешній цвѣтъ,
 Убитый хладомъ — предо мной
 Висѣлъ съ поникшей головой.
 Я руку тихую поднялъ;
 Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
 Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты,
 И, мнилось, были отняты
 Всѣ силы у души моей;
 Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
 Я дико по тюрьмѣ бродилъ —
 Но въ ней покой ужасный былъ;
 Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
 Какой-то холодъ гробовой;
 И взоръ на мертваго вперивъ
 Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
 О! сколько муки въ знаньи томъ,
 Когда мы тутъ же узнаёмъ
 Что милому уже не быть.
 И мигъ сей могъ я пережить!
 Не знаю, вѣра ль то была,
 Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

IX.

Но что потомъ сбылось со мной —
 Не помню... Свѣтъ казался тьмой,
 Тьма — свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
 Въ оцѣпенѣннн стоялъ,

Безъ памяти, безъ бытія,
 Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
 И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
 Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
 Все въ мутную слилося тѣнь;
 То не было ни ночь, ни день,
 Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
 Столь ненавистный для очей:
 То было — тьма безъ темноты;
 То было — бездна пустоты
 Безъ протяженья и границъ;
 То были образы безъ лицъ;
 То страшный міръ какой-то былъ,
 Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
 Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
 Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
 Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ,
 Какъ океанъ безъ береговъ,
 Задавленный тяжелой мглой,
 Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ незапный посѣтилъ
 Мой умъ... то голосъ птички былъ.
 Онъ умолкалъ, онъ снова пѣлъ,
 И мнилось, съ неба онъ летѣлъ —
 И былъ утѣшно сладокъ онъ.
 Имъ очарованъ, оживленъ,
 Заслушавшись, забылся я;
 Но не надолго... мысль моя

Стезѣй привычною пошла —
И я очнулся... И была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде блѣдною струѣй
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днѣмъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣсни той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинуть былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ,
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?... Мнѣ думалось порой,

Что у меня былъ не земной,
 А райскій гость; что братнй духъ
 Порадовать мой взоръ и слухъ
 Примчался птичкою съ небесъ...
 Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
 Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
 Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ: меня
 Покинуть такъ не могъ бы онъ,
 Чтобъ я, съ нимъ дважды разлучонъ,
 Остался вдвое одинокъ,
 Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
 Къ душѣ тюремныхъ сторожей
 Какъ-будто жалость путь нашла;
 Дотолъ ихъ душа была
 Безчувственнй желѣзъ моихъ;
 И что разжалобило ихъ?
 Что милость вымолило мнѣ?
 Не знаю... но опять къ стѣнѣ
 Уже прикованъ не былъ я;
 Оборванная цѣпь моя
 На шеѣ билася моей;
 И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
 Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
 Не смѣя братнихъ лишъ могилъ
 Дотронуться моей ногой,
 Чтобы послѣднй земной
 Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
 Ступени удалось въ стѣнѣ;
 Но воля не входила мнѣ
 И въ мысли... я былъ сирота,
 Мнѣ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
 Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
 Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
 Все, что знавалъ, все, что любилъ,
 Невозвратно схоронилъ,
 И въ области веселой дня
 Никто ужъ нѣ жилъ для меня;
 Безъ мѣста на пиру земномъ,
 Я былъ бы лишній гость на нѣмъ,
 Какъ облако, при ясномъ днѣ
 Потерянное въ вышинѣ,
 И въ радостныхъ его лучахъ
 Ненужное на небесахъ.
 Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
 На красоту знакомыхъ горъ,
 На ихъ утесы, ихъ лѣса,
 На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
 Всѣ были тѣ жъ: на вышинѣ
 Вѣковъ созданіе снѣга,
 Подъ ними Альпы и луга,
 И бездна озера у ногъ,
 И Роны блестящій потокъ

Между зеленыхъ береговъ;
 И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьѣвъ,
 Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
 И по лазоревымъ водамъ
 Сверкали ясны облака;
 И быстрый парусъ челнока
 Между небесъ и водъ летѣлъ;
 И хижины веселыхъ селъ,
 И кровы свѣтлыхъ городовъ
 Сквозь паръ мелькали вдоль береговъ...
 И я примѣтилъ островокъ:
 Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
 Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
 Цвѣли три дерева на немъ;
 И горный воздухъ вѣялъ тамъ
 По муравѣ и по цвѣтамъ,
 И воды были тамъ живѣй,
 И обвивалися нѣжнѣй
 Кругомъ родныхъ береговъ онѣ.
 И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
 Челнокъ съ пловцами приставалъ,
 Гостилъ у берега, отплывалъ
 И, при свободномъ вѣтерѣ
 Летя, скрывался въ далекѣ;
 И въ облакахъ орелъ игралъ,
 И никогда я не видалъ
 Его столь быстрымъ: то къ окну
 Спускался онъ, то въ вышину
 Взлеталъ — за нимъ душа рвалась;
 И слезы новыя изъ глазъ
 Пошли, и новая печаль
 Мнѣ сжала грудь... мнѣ стало жаль

Моихъ покинутыхъ цѣпей.
 Когда жь на дно тюрьмы моей
 Опять сойти я долженъ былъ —
 Меня, казалось, обхватилъ
 Холодный гробъ; казалось, вновь
 Моя послѣдняя любовь,
 Мой милый братъ передо мной
 Былъ взять несытою землей;
 Но какъ ни тяжело ныла грудь —
 Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
 Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ — день уходилъ —
 Шли годы — я ихъ не считалъ,
 Я, мнилось, память потерялъ
 О перемѣнахъ на земли.
 И люди, наконецъ, пришли
 Мнѣ волю бѣдную отдать.
 За что и какъ — о томъ узнать
 И не помыслилъ я: давно
 Считать привыкъ я за одно —
 Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ:
 Я безнадежность полюбилъ;
 И имъ я холодно внималъ,
 И равнодушно цѣпь скидалъ,
 И подземелье стало вдругъ
 Мнѣ милой кровлей... тамъ же другъ,
 Все однодомецъ было мой:
 Паукъ темничный надо мной

Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку приучилъ;
И... столь себѣ навѣрны мы!...
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

В. Жуковскій.

ОСКАРЪ АЛЬВСКІЙ. · .

ОСКАРЪ АЛЬВСКІЙ. ¹

Луна плыветъ на небесахъ,
Сребрится берегъ Лоры,
Въ туманныхъ, дикихъ красотахъ
Вдали чернѣютъ горы.
Умолкло все — окрестность спитъ;
Промчалось время боевъ:
Въ чертогахъ Альвы не гремитъ
Оружіе героевъ.

Какъ часто звѣздные лучи
Изъ тучъ, въ часы ночные,
Сребрили копья и мечи
И панцыри стальные,
Когда, презрѣвши тишину,
Пылая духомъ мести,
Они летѣли на войну
Искать трофеевъ чести!

Какъ часто въ бездны этихъ скалъ,
Вѣками освященныхъ,
Воитель мощный увлекалъ
Героевъ побѣжденныхъ!

Быстрѣ сыпало тогда
 Свой блескъ свѣтило ночи,
 И муки смерти навсегда
 Смежали храбрыхъ очи.

Въ послѣдній разъ на милый свѣтъ
 Изъ тьмы они взирали,
 Въ послѣдній разъ лунѣ привѣтъ
 Изобразить желали.
 Они любили — имъ луна
 Бывала утѣшеньемъ;
 Они погибли — имъ она
 Отрадой и мученьемъ.

Исчезла слава прежнихъ лѣтъ,
 И сильные владыки,
 И замокъ Альва, храмъ побѣдъ,
 Добыча павлики.
 Въ забвеньи сладостныхъ пѣвцовъ —
 И воиновъ чертоги;
 И бродятъ лани вокругъ зубцовъ
 И серны быстроноги.

Въ тяжелыхъ шлемахъ и щитахъ
 Героевъ знаменитыхъ,
 Въ пыли висящихъ на стѣнахъ,
 И лаврами обвитыхъ,
 Гнѣздится дикая сова
 И вѣтръ пустынный свищетъ;
 На полѣ битвъ растетъ трава
 И вепрь свирѣпый рыщетъ.

О, древній Альва! миръ тебѣ,
 Ничтожности свидѣтель!
 Со славой отдашь долгъ судьбѣ
 Послѣдній твой владѣтель.
 Погасъ его могучій родъ:
 Нѣтъ ужаса народовъ!
 И звукъ мечей не потрясѣтъ
 Твоихъ желѣзныхъ сводовъ.

Когда зажгутся небеса,
 Разстелются туманы,
 И громъ, и вихри, и гроза
 Взбунтуютъ океаны,
 Какой-то голосъ роковой,
 Какъ бури завыванье,
 Иль голосъ тѣни гробовой,
 Твое колеблетъ зданье.

Оскаръ! вотъ твой мѣдяный щитъ,
 Воюющій съ громами,
 Носясь по воздуху, звучитъ
 Надъ альвскими стѣнами!
 Вотъ твой колеблется шоломъ,
 На тѣни раздражённой,
 Какъ черной ночью, крыломъ
 Орлиный осенённый.

Ходили чаши по рукамъ
 Въ рожденіе Оскара;
 Взивался пламень къ облакамъ
 Веселаго пожара: ²

Владыка Альвы ликовалъ
 Въ кругу своихъ героевъ,
 И бардъ избранный воспѣвалъ
 И громъ и вихри боевъ.

Ловецъ пернатою стрѣлой
 Разилъ въ стремнинахъ ланей,
 И рогъ гремящій, боевой
 Сзывалъ питомцевъ браней.
 Призывный рогъ плѣнялъ ихъ слухъ,
 И арфы золотыя
 Восторгомъ зажигали духъ,
 Какъ дѣвы молодыя.

«О, будь невинное дитя»,
 Пророчилъ старый воинъ:
 «Могучъ, безтрепетенъ, какъ я,
 «Будь Ангуса достоинъ!
 «Да будутъ дѣвы прославлять
 «Копье и мечъ Оскара!
 «Да будетъ злобный трепетать
 «Оскарора удара!»

Проходить годъ — и снова пиръ:
 У Ангуса два сына;
 И весель онъ при звукѣ лиръ,
 И радостна дружина.
 Копье ли учать ихъ метать —
 Ихъ дикій вепрь трепещеть;
 Стрѣлу ли меткую пускать —
 Никто вѣрнѣй не мѣщеть.

Еще младенцы по лѣтамъ —
 Они въ рядахъ героевъ:
 По грознымъ, пагубнымъ мечамъ
 Ихъ знаютъ въ вихрѣ боевъ.
 Кто первый грянулъ на враговъ?
 Чьихъ странъ герои эти?
 То цвѣтъ Морвенowychъ сыновъ,
 То Ангусовы дѣти.

Черныя вранова крыла,
 Съ небрежной красотою,
 Вокругъ Оскарова чела
 Власы вились волною;
 Ихъ вѣтръ вздымалъ на раменахъ
 Угрюмаго Аллана.
 Оскаръ былъ мѣсяцъ въ облакахъ;
 Алланъ, какъ тѣнь тумана.

Оскаръ съ безтрепетной душой
 Чуждался зла и лести;
 Всегда волнуемый тоской,
 Алланъ былъ склоненъ къ мести.
 Оскаръ, какъ искренность, не зналъ
 Притворствовать искусства;
 Алланъ въ душѣ своей скрывалъ
 Завистливыя чувства.

Съ блестящей утренней звѣздой
 Въ лазури небосклона
 Равнялась гордой красотой
 Царица Сутгантона.

И не одинъ герой искалъ
 Супругомъ быть прекрасной —
 И къ дѣвѣ милой запылалъ
 Оскаръ любовью страстной.

Кеннетъ и царственный вѣнецъ
 Приданнымъ къ сочтанью,
 И, въ думѣ радостной, отецъ
 Внималъ его желанью;
 Ему пріятенъ былъ союзъ
 Съ колѣномъ Гленнальвона:
 Онъ мнилъ посредствомъ брачныхъ узъ
 Соединить два трона.

Я слышу рокоты роговъ
 И свадебные клики —
 То сонмы старцевъ и пѣвцовъ
 Лижуютъ вокругъ владыки.
 Персты летаютъ по струнамъ;
 Пылаетъ дубъ столѣтній,
 И ходить быстро по рукамъ
 Стаканъ отцовъ завѣтній.

Въ одеждахъ пышныхъ и цвѣтныхъ
 Герои собралися,
 И въ Альвѣ пѣсни дѣвъ молодыхъ
 И цитры раздалися.
 Кипитъ въ сердцахъ восторгъ живой:
 Всѣ пьютъ блаженства сладость —
 И Мора въ ткани золотой
 Таитъ невольню радость.

Но гдѣ Оскаръ? Ужь меркнетъ день,
 Клубятся въ небѣ тучи,
 Покрыла лѣсъ и горы тѣнь...
 Приди, ловець могучій!
 Луна лиетъ дрожащій свѣтъ
 Изъ облака тумана;
 Невѣста ждетъ — и нѣтъ ихъ, нѣтъ
 Оскара и Аллана.

Пришелъ Алланъ, съ невѣстой сълъ
 И въ думу погрузился.
 И вотъ отецъ его узрѣлъ:
 «Куда Оскаръ сокрылся?
 «Гдѣ были вы во тѣмѣ ночной?»
 — Гоняя лютыхъ вепрей,
 Давно разстался онъ со мной
 Въ кустахъ дремучихъ дебрей.

— Гроза ревѣтъ; быть можетъ, онъ
 Зашолъ далеко въ горы:
 Ему пріятнѣй звѣря стонъ
 Руки прелестной Мору? —
 «Мой сынъ! любезной мой Оскаръ!»
 Вскричалъ отецъ унылой:
 «Гдѣ ты? гдѣ ты? какой ударъ
 «И мнѣ, и Морѣ милой!

«Скорѣй, о войны-друзья,
 «Обрѣсть его теките!
 «Спокойте Мору и меня,
 «Оскара приведите!

«Ступай, Алланъ, ищи его,
 «Пройди лѣса долины!
 «Отдайте сына моего,
 «Мнѣ вѣрныя дружины!»

Въ смятены все. — «Оскаръ, Оскаръ!»
 Взываютъ звѣроловы,
 И грозно вторитъ имъ ударъ
 Въ поднёбесьи громовый.
 «Оскаръ!» отвѣтствуютъ лѣса;
 «Оскаръ!» грохочутъ волны —
 И воютъ буря и гроза —
 И всѣ опять безмолвны.

Денница гонитъ мракъ ночной;
 Сводъ неба прояснился.
 Проходитъ день, прошолъ другой —
 Оскаръ не возвратился;
 Приди, Оскаръ! невѣста ждетъ,
 Ждутъ дѣвы молодья,
 И нѣтъ его — и Августъ рвѣтъ
 Власы свои сѣдые.

«Оскаръ! предметъ моей любви!
 Оскаръ, мой свѣтлый геній!
 Уже ли ты съ лица земли
 Низшолъ въ обитель тѣней?
 О, гдѣ ты, сына моего
 Убійца потаенной?
 Открой его, открой его,
 Властитель надъ вселенной!»

«Быть можетъ, жертва злобы, онъ
 Лежить безъ погребенья —
 И трупъ героя обречонъ
 Звѣрямъ на расхищенье;
 Быть можетъ, змѣй въ его костяхъ
 Бѣлвющихъ таится,
 И на скалѣ Оскаровъ прахъ
 Луною серебрится.

«Не съ честью онъ, не въ битвѣ палъ,
 Но отъ руки поносной:
 Сразилъ могучаго кинжалъ —
 Не мечъ побѣдоносной.
 Никто слезой не оросить
 Оскаровой могилы,
 И славы холмъ не посѣтитъ
 Въ часъ полночи унылый.

«Оскаръ, Оскаръ! смежилъ ли ты
 Плѣнительные взоры?
 Правдивы ль Ангуса мечты
 И Вышнему укоры?
 Погибъ ли ты, сынъ милый мой,
 Души моей отрада?
 Сдружися, смерть, сдружися со мной,
 Небесъ благихъ награда!»

Такъ старецъ, мучимый тоской,
 Излилъ свое волненье —
 И чуждъ души его покой,
 И чуждо утѣшенье.

Повсюду горестный влачить
 Губительное время,
 И рѣдко духъ его живить
 Цѣлительное время.

«Оскаръ мой живъ!» — онъ льститъ себя
 Надежду пріятной,
 И снова мнить: «несчастенъ я:
 Погибъ онъ невозвратно!»
 Какъ звѣзды яркія во мглѣ
 То меркнутъ, то пылаютъ,
 Печаль съ отрадой на челѣ
 У Ангуса сіяютъ.

Бѣгутъ за днѣмъ другіе дни
 Чредою постоянной,
 И кроютъ будущность они
 Завѣсою туманной.
 Плыветъ луна; проходитъ годъ —
 «Оскаръ не возвратится!» —
 И рѣже старецъ слѣзы льѣтъ,
 И менѣе крушится.

Оскара нѣтъ; Алланъ при немъ:
 Онъ дней его опора,
 И тайнымъ, пламеннымъ огнѣмъ
 Къ нему дылаетъ Мора.
 Подобный брату красотой,
 И дѣвъ очарованье,
 Привлекъ онъ Моря молодой
 Летучее вниманье.

«Оскара нѣтъ, Оскаръ убить —
 «И ждать его напрасно»,
 Стыдливо дѣва говорить,
 Старая нѣгой страстной:
 «Когда жь онъ живъ, то, можетъ быть,
 «Я — жертвою обмана...
 «Люблю его, клянусь любить
 «Прелестнаго Аллана!»

— Алланъ и Мора! годъ одинъ,
 Имъ старецъ отвѣчаетъ:
 — Продлите годъ: погибшій сынъ
 Мнѣ сердце сокрушаетъ!
 Чрезъ годъ и ваши и мои
 Исполнятся желанья:
 Я самъ назначу день любви
 И бракосочетанья. —

Проходитъ годъ. Ночная тѣнь
 Туманитъ лѣсъ и горы —
 И вотъ насталъ желанный день
 Для юноши и Моры.
 Пышнѣе на небѣ блеститъ
 Свѣтило золотое;
 Быстрѣй во взорахъ ихъ горитъ
 Веселіе живое.

Я слышу рокоты роговъ
 И свадебные клики:
 То сонмы старцевъ и пѣвцовъ
 Ликують вокругъ владыки.

Персты летаютъ по струнамъ,
 Пылаетъ дубъ столѣтній,
 И ходить быстро по рукамъ
 Стаканъ отцовъ завѣтній.

Въ одеждахъ пышныхъ и цвѣтныхъ
 Герои собралися,
 И въ Альвѣ пѣсни двѣхъ молодыхъ
 И цитры раздалися.
 Забыта горестъ прежнихъ дней:
 Всѣ пьютъ блаженства сладость —
 И, средь торжественныхъ огней,
 Таитъ невѣста радость.

Но кто сей мужъ? — Невольный страхъ
 Черты его вселяютъ:
 Вражда и месть въ его очахъ,
 Какъ молніи, сверкаютъ.
 Незнаемъ онъ, не Альвы сынъ,
 Свирѣпый и угрюмый —
 И слѣзъ отъ всѣхъ вдали одинъ,
 Исполненъ тяжелой думы.

Окрестъ раменъ его обвить
 Плащъ черный и широкій;
 Перо багровое сѣнить
 — Шеломъ его высокій.
 Слова его — какъ гуль вдали,
 Какъ громъ передъ грозою;
 Едва касается земли
 Онъ легкою стопою.

Ужь полночь. Гости за столомъ;
 Живѣе арфы звуки;
 И кубокъ съ дѣдовскимъ виномъ
 Изъ рукъ летаетъ въ руки.
 Желаютъ счастья молодымъ,
 Поютъ во славу Моря,
 Стремятся радостныя къ нимъ
 Привѣтствія и взоры.

И вдругъ, какъ бурная волна,
 Воспрянулъ неизвѣстный—
 И воцарилась тишина,
 И трепеть повсемѣстный.
 Умолкъ веселый шумъ рѣчей
 И свадебные клики;
 И страхъ проникъ въ сердца гостей
 И Моря и владыки.

«Старикъ», сказалъ онъ: «вкругъ тебя,
 «Какъ звѣзды вкругъ тумана,
 «Пируютъ вѣрные друзья
 «И славятъ бракъ Аллана.
 «Я пилъ за здравіе его —
 «Счастливаго супруга:
 «Пей ты за здравье моего
 «Товарища и друга.

«Скажи мнѣ, старецъ, для чего
 «Оскаръ не раздѣляетъ
 «Веселья брата своего?
 «Зачѣмъ не поминаетъ

«Никто о доблестномъ ловцѣ?
 «Гдѣ Альвы украшенье?
 «Зачѣмъ не здѣсь онъ — при отцѣ?
 «Рѣши мое сомнѣнье!»

— Оскаръ гдѣ? — Агнусъ отвѣчалъ —
 И сердце въ немъ забилося,
 И въ золотой его бокаль
 Слеза изъ глазъ скатилась.
 — Давно, мой другъ, Оскара нѣтъ!
 Гдѣ онъ — никто не знаетъ;
 Лишь онъ одинъ на склонѣ лѣтъ
 Меня не утѣшаетъ. —

«Лишь онъ одинъ тебя забылъ?»
 Съ улыбкою ужасной
 Свирѣпый воинъ возразилъ:
 «А можетъ быть, напрасно
 «Ты плачешь каждый день о нёмъ —
 «И намъ бы о героѣ
 «Бесѣдовать, какъ о живомъ,
 «Въ пиру, при шумномъ роѣ.

«Наполни кубокъ свой виномъ —
 «И пусть онъ переходитъ
 «Изъ рукъ въ другія за столомъ:
 «Оскара онъ приводитъ
 «На память любящимъ его.
 «И такъ — провожлашаю:
 «За здоровье друга моего
 «Оскара выпиваю!»

— Я пью, отвѣтствуетъ старикъ,
 За здравіе Оскара! —
 И загремѣлъ всеобщій кликъ:
 «За здравіе Оскара!»
 — Оскаръ въ душѣ моей живетъ,
 Сказалъ старикъ, какъ прежде,
 И если живъ онъ — то придетъ:
 Я вѣрю сей надеждѣ. —

«Придетъ иль нѣтъ — но что жъ Алланъ
 «Не пьетъ вина со мною,
 «И держитъ полный свой стаканъ
 «Дрожащею рукою?
 «И отчего, Оскаровъ братъ,
 «Въ лицѣ твоємъ смущенье?
 «Иль ты не можешь и не радъ
 «Исполнить предложенье?

«Какой тебя волнуетъ страхъ?
 «Мы пили — не робѣли?»
 И быстро розы на щекахъ
 Аллана помертвѣли.
 Течетъ съ лица холодный потъ;
 На всѣхъ взоръ дикій мечетъ;
 Къ устамъ подносить и не пьетъ —
 И въ ужасѣ трепещетъ.

«Не пьешь, Алланъ! прекрасно! такъ!
 «Любви весьма нелестной
 «Ты показалъ намъ явный знакъ!»
 Воскликнулъ неизвѣстной.

«Я вижу — хочешь честь воздать
 «Геройскому ты праху;
 «Но на чель твою печать
 «Не радости, а страху.»

Аланъ невѣрною рукой,
 Предъ воиномъ грозящимъ,
 Подносить кубокъ круговой
 Къ устамъ своимъ дрожащимъ.
 — Я пью, сказалъ, за моего
 Любезнаго Оскара! —
 И кубокъ палъ изъ рукъ его,
 Какъ-будто отъ удара.

«Я слышу голосъ: это онъ —
 «Братоубійца злобный!»
 Раздался вдругъ протяжный стонъ,
 И вопль громоподобный.
 «Убійца мой?» отозвалось
 По всѣмъ концамъ собранья,
 И съ страшнымъ гуломъ потряслось
 Стремительно все зданье.

Померкъ румяный свѣтъ огней,
 Загрохотали громы,
 И сталъ незримъ въ кругу гостей
 Чудесный незнакомый,
 И отвратительный фантомъ,
 Въ молчаніи суровомъ,
 Предсталъ, одѣянный плащомъ
 Широкимъ и багровымъ.

Изъ-подъ полы огромный мечъ,
 Кинжалъ и рогъ блистають,
 И перья черныя до плечъ
 Съ шелома упадають ;
 Зіяетъ рана на его
 Груды окровавленной,
 И страшны блѣдное чело
 И взоръ окамененной.

Съ привѣтомъ хладнымъ и нѣмымъ
 На старца онъ взираетъ,
 И, взоръ ослабивъ, передъ нимъ
 Колѣно прѣклоняетъ ,
 И грозно кажетъ на груди
 Запекшуюся рану —
 Безъ чувствъ простертому , среди
 Друзей своихъ, Аллану.

Вновь громы въ мрачныхъ облакахъ
 Надъ Альвой загремѣли:
 Щиты и латы на стѣнахъ
 Протяжно зазвенѣли
 И тѣнь въ ужасной красотѣ,
 Одѣянная тучей
 Взвилась и скрылась въ высотѣ,
 Какъ метеоръ летучій.

Разстроены пирь. Соборъ гостей
 Умолкъ, безмолвенъ въ страхѣ.
 Но кто — не Ангусъ ли? — кто сей,
 Поверженный во прахѣ?

Нѣтъ, дни владыки спасены:
 Онъ жить не перестанетъ;
 Но дни Аллана сочтены:
 Онъ болѣе не встанетъ.

Безъ погребенья брошенъ былъ
 Убійцей трупъ Оскара,
 И вѣтръ волосы его носилъ
 Въ долину Глентонара.
 Не въ битвѣ жизнь окончилъ онъ,
 Не мощною рукою,
 Вѣнчанный славой, пораженъ,
 Но братнею стрѣлою.

Какъ въ лѣтній зной увядшій цвѣтъ,
 Онъ палъ, войны питомецъ;
 Ему и памятника нѣтъ.
 Ужасный незнакомецъ,
 Никѣмъ неузнанный, исчезъ.
 Другое привидѣнье,
 Какъ было признано — съ небесъ
 Оскарово явленье.

Прошли твои златые дни
 Невѣста гроба, Мора!
 Не узрять болѣе они
 Имъ пагубнаго взора.
 Живи, снѣдаема тоской,
 Печальна и уныла!
 Взгляни сюда: сей холмъ крутой —
 Алланова могила!

Какіе барды воспюютъ
На арфѣ громогласной
И позднимъ лѣтамъ предадутъ
Конецъ его ужасной?
Какой возвышенный пѣвецъ
Возвышенныхъ дѣяній
Возложитъ риторскій вѣнецъ
На урну злодѣяній?

Пади вѣнокъ поэта въ прахъ!
Ты — не награда злобъ:
Одно добро живетъ въ вѣкахъ;
Порокъ ислѣдетъ въ гробъ.
Напрасно жалости злодѣй
У менестреля просить:
Проклятѣя брата и людей
Мольбы его разноситъ.

А. Полежаевъ.

ПРИМЪЧАНІА БЪ ОСКАРУ АЛЬВСКОМУ.

1) Трагическая развязка этой легенды помѣщена въ исторіи Иеронимо и Лоренцо, разсказанной Шиллеромъ въ первой книгѣ «Духовидца». (См. «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей», т. VIII, стр. 117—131.) Она также имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстной сценой изъ перваго дѣйствія «Макбета».

2) Древніе бритты имѣли обыкновеніе зажигать дубы во время празднествъ.

СМЕРТЬ КОЛМАРА И ОРЛЫ.

СМЕРТЬ КОЛМАРА И ОРАЫ. ¹

(Подражаніе «Оссіану» Макерсона.) ²

Прекрасны дни юности! При воспоминаніи о нихъ старецъ уносится далеко, сквозь туманъ времени; среди сумерекъ онъ видитъ снова свѣтлые часы утренней зари. Дрожащею рукою подымаетъ онъ копье. «Не такъ прежде гремѣлъ я оружіемъ передъ лицомъ отцовъ моихъ!» Не стало племени героевъ, но струны арфы пробуждаютъ ихъ славу; ихъ души носятъ на крыльяхъ вѣтра; они внимаютъ ихъ звукамъ среди завыванья бури и наслаждаются ими въ своихъ заоблачныхъ чертогахъ. Таковъ Колмаръ. Сѣрый камень означаетъ его тѣсное жилище. Онъ взираетъ долу изъ обители ревущихъ бурь; его призракъ, окутанный вихремъ, носится надъ вершиною горы.

Вождь жилъ въ Морвенѣ. Онъ былъ боевымъ перуномъ Фингала. Его путь на полѣ битвы обозначался кровью. Сыны Лохлина бѣжали чередъ его ненасытнымъ копьемъ. Глаза же Колмара блистали кротостью, а бѣлокурые его волосы нѣжно извивались и блистали какъ ночные метеоры. Ни одна дѣва не извлекла

вздоха изъ его сердца; всѣ его помышленія принадлежали дружбѣ — чернокудруму Орлѣ, истребителю героевъ. Ихъ мечи одинаково разили въ битвѣ; но неукротимъ былъ гордый Орла, кроткій только съ Колмаромъ. Они жили вмѣстѣ въ ойтонской пещерѣ.

Сваранъ плыветъ изъ Лохлина по синимъ волнамъ. Сыны Эрина погибаютъ подъ ударами его могущества. Фингалъ возбуждаетъ вождей своихъ къ битвѣ. Ладьи ихъ покрываютъ океанъ. Ихъ ряды смыкаются на зеленыхъ холмахъ. Они спѣшатъ на помощь Эрину.

Темная ночь нисходитъ на землю. Тьма окутываетъ оба войска, но пылающіе дубы освѣщаютъ долину. Сыны Лохлина почили — и снятся имъ кровавые сны. Они мысленно потрясаютъ копья — и Фингалъ бѣжитъ. Не то въ войскѣ Морвена. Орла былъ на стражѣ. Колмаръ стоялъ съ нимъ рядомъ. Въ рукахъ ихъ блистали копья. Фингалъ созвалъ вождей своихъ: они окружили его. Царь былъ въ срединѣ. Бѣлы его волосы, но сильна рука царя. Старость не подточила его силъ. «Сыны Морвена!» сказалъ герой: «завтра мы ударимъ на врага. Но гдѣ Кутуллинъ, щитъ Эрина? Онъ покоится въ чертогахъ Турны; онъ не знаетъ, что мы здѣсь. Кто согласенъ пройти сквозь станъ лохлинскій и призвать героя къ оружію? Путь лежитъ сквозь мечи враговъ; но у меня много героевъ. Они — перуны въ битвахъ. Говорите, герои! кто рѣшится на подвигъ?»

«Сыны Тренмора! этотъ подвигъ совершу я»,

сказалъ чернокудрый Орла: «и я одинъ! Что для меня смерть? Мнѣ завиднѣе сонъ храбрыхъ; да не велика и опасность: сыны Лохлина опочили. Я отыщу колесниченоснаго Кутуллина. Если же погибну — воспойте пѣсни бардовъ и положите меня у потока Любара.»

«И ты хочешь пасть одинъ?» спросилъ златокудрый Колмаръ: «хочешь покинуть своего друга? Вождь Ойтоны! не слаба рука моя въ битвахъ. Могу ли я видѣть тебя мертвымъ — и не поднять своего копья? Нѣтъ, Орла! мы вмѣстѣ ходили на охоту за дикими козами и на пиръ раковинъ, вмѣстѣ пойдемъ и путемъ опасности; вмѣстѣ жили мы въ ойтонской пещерѣ, вмѣстѣ сойдемъ и въ тѣсное жилище на берегахъ Любара.»

«Колмаръ!» отвѣчалъ вождь Ойтоны: «зачѣмъ твоимъ златистымъ кудрямъ омрачатся прахомъ Эрина? Пусть я одинъ паду! Мой отецъ обитаетъ въ воздушныхъ чертогахъ: онъ радостно встрѣтитъ своего сына, тогда какъ голубокобая Мора готовитъ пиръ для своего сына въ Морвенѣ. Она прислушивается къ шагамъ звѣролова въ кустарникъ и думаетъ: «это шаги Колмара!» Не заставь его сказать: «Колмаръ палъ подъ ударами Лохлина; онъ погибъ вмѣстѣ съ сумрачнымъ Орлою, грознымъ вождемъ!» Къ чему слезамъ омрачать лазурныя очи Моры? къ чему устамъ ея проклинать Орлу, сгубившаго Колмара? Живи, Колмаръ! живи, чтобы поставить надо мною мшистый камень и омыть его кровью Лохлина! Соедини свой голосъ съ пѣс-

нями бардовъ надъ моею могилою! Отраднѣе будетъ Орлѣ пѣснь смерти изъ устъ Колмара. Моя тѣнь станетъ улыбаться, внимая хвалебныя звуки.»

«Орла!» сказалъ сынъ Моры: «могу ли я вознестъ пѣснь смерти въ честь моего друга? могу ли я предать славу его вѣтрамъ? Нѣтъ! мое сердце излилось бы въ стонахъ. Слабы и прерывисты звуки печали. Орла! наши души будутъ вмѣстѣ внимать эту пѣсню. Одно облако должно служить намъ обоимъ въ пространствѣ; барды соединять имена Орлы и Колмара.»

Они оставляютъ кругъ вождей. Они направляютъ свои шаги къ стану Лохлина. Умиращее пламя дуба печально мерцаетъ среди ночи. Полярная звѣзда указываетъ путь къ Турнѣ. Сваранъ, царь, покоится на уединенномъ холмѣ. Кругомъ спятъ ратники: они хмурятся во снѣ. Щиты подъ ихъ головами. Ихъ мечи, сложенные въ кучи, сверкаютъ не вдалекѣ. Огни чуть мерцаютъ и горячая зола разсѣвается дымомъ. Повсюду тишина; только вѣтеръ вздыхаетъ на вершинахъ утесовъ. Тихо пробираются герои среди спящихъ воиновъ. Уже половина пути была совершена, когда глаза Орлы встрѣчаются съ Матономъ, спавшимъ на щитѣ. Они воспламеняются и сверкаютъ во мракѣ. Онъ подыметъ копье свое.

«Чего хмуришь чело свое, вождь Ойтоны?» сказалъ пышно-кудрый Колмаръ: «мы посреди враговъ: время ли медлить?»

«Но время мстить!» отвѣчалъ Орла, хмурия че-

ло: «Матонъ лохлинскій спитъ. Видишь ли это копье? Его остріе обагрено кровью моего отца; на моемъ же будетъ дымиться кровь Матона. Но неужели я убью его соннаго, сынъ Моры? Нѣтъ! онъ долженъ почувствовать свою рану. Моя слава не воспаритъ съ кровью спящаго. Встань, Матонъ, встань! сынъ Коннала взываетъ къ тебѣ! Твоя жизнь принадлежитъ ему: встань — и сражайся!»

Матонъ просыпается и встаетъ; но — встаетъ ли онъ одинъ? Нѣтъ! Вожди быстро собираются въ долину. «Бѣги, Колмаръ, бѣги!» говоритъ чернокудрый Орла: «Матонъ — мой и я умру съ радостью! Но сыны Лохлина окружаютъ насъ: скройся въ сумракъ ночи!»

Орла нападаетъ. Шлемъ Матона сокрушается; щитъ выпадаетъ изъ руки его; истекая кровью, онъ шатается и падаетъ у горящаго дуба. Струмонъ видитъ его паденіе. Ярость его воспламеняется; его оружіе сверкаетъ надъ головою Орлы, но копье поражаетъ его въ глазъ. Мозгъ брызнулъ изъ раны и дымится на копѣѣ Колмара. Какъ волны океана набѣгаютъ на ладьи сѣвера, такъ воины Лохлина устремляются на вождей. Какъ ладьи Сѣвера, разсѣвая шумящія волны, гордо несутся далѣе, такъ вожди Морвена пролагаютъ себѣ путь сквозь разсѣянные перья лохлинскихъ шлемовъ. Звукъ оружія достигаетъ слуха Фингала. Онъ ударяетъ въ щитъ свой; сыновья окружаютъ его; воины рассыпаются по долину. Рино прыгаетъ отъ радости. Оссіанъ идетъ во всеоружіи. Оскаръ потрясаетъ

копье. Орлиное крыло на шлемъ Филлана играетъ съ вѣтромъ. Ужасенъ голосъ смерти! Много будетъ вдовъ въ Лохлинѣ. Побѣда слѣдуетъ за Морвеномъ.

Утренняя заря румянитъ холмы. Ни одного живаго врага не видно вокругъ; но много почившихъ: обезображенные, лежатъ они во прахѣ Эрина. Дыханье океана шевелитъ ихъ кудри; но они не проснутся. Коршуны съ крикомъ носятся надъ добычей.

Чьи золотистыя кудри волнуются на груди вождя? Блестящія, какъ чужеземное золото, они смѣшались съ темными, дружескими волосами. Это — Колмаръ: онъ покоится на груди Орлы. Оба кровавые ручья соединились въ одинъ. Грозенъ взглядъ сумрачнаго Орлы. Онъ не дышетъ, но глаза его еще пламенѣютъ: открытые, они грозно смотрятъ и въ смерти. Рука его — въ руку Колмара; но Колмаръ живъ — онъ живъ, но слабъ.

«Встань», сказалъ царь: «встань, сынъ Моры! Мое дѣло — исцѣлять раны героевъ. Колмаръ еще будетъ носиться по холмамъ Морвена.»

«Нѣтъ! Колмаръ не будетъ болѣе преслѣдовать козъ вмѣстѣ съ Орлюю въ лѣсахъ Морвена!» отвѣчалъ герой: «И что мнѣ въ охотѣ безъ Орлы? Кто раздѣлитъ добычу съ Колмаромъ? Орла почилъ. Сурова была душа твоя, Орла! и вмѣстѣ нѣжна, какъ утренняя роса. Для другихъ она сверкала молніей, для меня же серебрянымъ лучемъ ночи. Отдайте мечъ мой голубоокой Морѣ: пусть виситъ онъ въ моихъ осиротѣлыхъ

чертогахъ. Онъ весь въ крови, но не могъ спасти Орлы. Положите меня рядомъ съ моимъ другомъ; прославьте въ пѣсняхъ, когда меня не будетъ.»

Ихъ похоронили у потока Любара. Четыре сѣрые камня означаютъ мѣсто, гдѣ покоятся Орла и Колмаръ.

Когда Сваранъ отплылъ, паруса наши заблѣлись на синихъ волнахъ. Вѣтры несли наши ладьи къ Морвену. Барды сложили пѣсню:

«Чей призракъ возносится на гремящихъ облакахъ? Чья тѣнь блистаетъ среди богровыхъ огней грозы? Его голосъ гремитъ надъ громами. Это — Орла, сумрачный вождь Ойтоны. Онъ не находилъ себѣ равнаго въ битвахъ. Миръ душъ твоей, Орла! Твоя слава не умретъ во вѣки! И твоя также, Колмаръ! Ты былъ прекрасенъ, сынъ голубоокой Моря; но мечъ твой былъ ужасенъ. Онъ виситъ въ твоей пещерѣ. Тѣни сыновъ Лохлина станутъ вокругъ лезвія его. Услышь свою хвалебную пѣсню, Колмаръ! Она будетъ жить въ устахъ героевъ. Твое имя повторяетъ эхо Морвена. Распусти по вѣтру свои чудныя кудри, сынъ Моря! разстели ихъ на радугѣ и улыбнись сквозь слезы бури!»³

Н. Гербель.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ БОЛМАРУ И ОРЛЪ.

1) Въ подлинникѣ этотъ отрывокъ написанъ прозою.

2) «Считаю не лишнимъ замѣтить, что сюжетъ этого разсказа, несмотря на разницу въ развязкѣ, напоминаетъ эпизодъ о *Нисусъ* и *Евриоль* въ «*Энеидѣ*». *Байронъ*.

3) «По моему мнѣнію, последнее изданіе Лейгса разъясило всѣ сомнѣнія относительно того, чтобы «*Оссіанъ*» Макферсона могъ быть полнымъ переводомъ нѣсколькихъ поэмъ, въ первоначальномъ ихъ видѣ; но если подлогъ и открытъ, тѣмъ не менѣе достоинство самого сочиненія остается неоспоримымъ, хотя въ немъ и встрѣчаются промахи, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слогъ слишкомъ изысканъ и напыщенъ. Да простятъ почитатели оригинала это слабое подражаніе, какъ попытку, хотя и неудачную, доказывающую уваженіе къ любимому ихъ автору». *Байронъ*.

МАЗЕПА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Въ то время гетманомъ Малороссіи былъ одинъ польскій шляхтичъ, по имени Мазепа, родомъ изъ воеводства Подольскаго; онъ служилъ пажомъ при королѣ Янѣ-Казимирѣ, при дворѣ котораго пріобрѣлъ нѣкоторыя знанія въ изящной словесности. Въ молодости онъ имѣлъ любовную связь съ женою одного польскаго магната. Когда эта связь обнаружилась, раздраженный мужъ велѣлъ привязать его, нагого, къ дикому коню и пустить въ степь. Конь, приведенный изъ Украйны, примчалъ Мазепу на родину, полумертваго отъ усталости и голода. Тамошніе крестьяне призрѣли его: онъ долго оставался между ними и отличился во многихъ походахъ противъ татаръ. Его образованіе доставило ему большой вѣсъ между казаками; его пзвѣстность, распространяясь все болѣе и болѣе, побудила царя утвердить его гетманомъ Малороссіи.» (*Voltaire*, «Histoire de Charles XII», р. 196.)

«Подъ королею, бѣжавшимъ и преслѣдуемымъ, была убита лошадь; полковникъ Гіета, раненый и исходившій кровью, отдалъ ему свою. Такимъ

образомъ этого завоевателя, во время его бѣгства, два раза сажали на коня, тогда какъ онъ не могъ сидѣть верхомъ во время сраженія.» (Idem, p. 216.)

«Король съ нѣсколькими всадниками поскакалъ другою дорогою. Во время пути карета его изломалась; его посадили на лошадь. Къ довершенію несчастія, онъ заблудился ночью въ лѣсу; тогда мужество не могло уже болѣе замѣнять его истощенныя силы; боль отъ раны сдѣлалась невыносимою вслѣдствіе усталости; лошадь пала подъ нимъ отъ истощенія; онъ проспалъ нѣсколько часовъ подъ деревомъ, рискуя каждую минуту достаться въ руки побѣдителей, которые всюду его искали.» (Idem, p. 218.)

МАЗЕПА.

Поэма.

I.

Утихъ полтавскій страшный бой.
Фортуна Карла не спасла:
Въ конецъ измучена борьбой,
На мѣстѣ рать его легла.
Покрылъ вѣнецъ воинской славы —
Людей измѣнчивыхъ кумиръ —
Защитниковъ другой державы,
И далъ стѣнамъ московскимъ миръ,
До той всѣмъ памятной години,
До тѣхъ ужасныхъ, мрачныхъ дней,
Когда сильнѣйшія дружины
И имя громче и славнѣй,
Обрекши бурному крушенью,
Судьба позору предала,
И міръ, въ глубокомъ ихъ паденьи,
Однимъ ударомъ потрясла.

II.

Такъ жребій роли измѣнилъ:
 Онъ бѣгству Карла научилъ.
 И день и ночь среди полей,
 Обрызганъ кровію своей
 И многихъ тысячъ, онъ бѣжалъ.
 Но ни одинъ мятежный гласъ,
 Въ тотъ униженья горькій часъ,
 Среди толпы не возставалъ,
 Погибшей славы не пятналъ
 Своимъ упрекомъ, хоть упрёкъ
 Всякъ безъ боязни сдѣлать могъ.
 Коня убитаго подъ нимъ
 Гіета замѣнилъ своимъ —
 И русскимъ плѣннымъ умеръ онъ.
 А Карлъ, измученъ, изнурёнъ
 Трудами дальняго пути,
 Не могъ ихъ долѣ нести
 И въ глубинѣ густыхъ лѣсовъ,
 Въ сосѣдствѣ вражескихъ костровъ,
 Онъ долженъ лечь былъ наконецъ:
 Не это ль лавровый вѣнецъ,
 Не это ль гибельной войной
 И кровью купленный покой?
 Карлъ ослабилъ и изнемогъ;
 Подъ дикимъ деревомъ онъ лёгъ,
 Страдая отъ засохшихъ ранъ.
 Въ тотъ часъ былъ холодъ и туманъ:
 Мракъ ночи покрывалъ поля.
 Горячки жаръ въ крови игралъ —

Сонъ благодатный отгонялъ
 Отъ глазъ усталыхъ короля;
 Но средь бѣды онъ духомъ росъ,
 По царски горе перенёсъ,
 И въ крайнемъ изнуреннѣ силъ
 Странанья волѣ покорилъ:
 Онъ молчали передъ нимъ,
 Какъ предъ владыкою своимъ.

III.

Отрядъ вожей! — увы! какъ мало
 Со дня полтавскаго ихъ стало!
 Они въ паденнѣ своемъ
 Слугами вѣрными явились,
 Съ безмолвной грустнѣ кругомъ
 На почвѣ влажной помѣстились
 Съ монархомъ; тамъ же конь стоялъ:
 Его здѣсь жребій поровнялъ
 Съ людьми. Съдой Мазепа тоже
 Подъ тѣнью дуба сдѣлалъ ложе.
 Суровыхъ казаковъ глава
 Привыкъ довольствоваться малымъ;
 Но позаботился сперва
 Онъ о конѣ своемъ усталомъ:
 Ему онъ листьевъ подостлалъ,
 Подпруги крѣпкія ослабилъ,
 По гривѣ съ лаской потрепалъ,
 И по бедрамъ его погладилъ;
 Потомъ съ любовью наблюдалъ,
 Какъ онъ кормился, отдыхалъ:
 До этихъ поръ старикъ боялся,

Чтобы, измучась, конь лихой
 Травы, увлажненной росой,
 Въ часъ ночи ѣсть не отказался;
 Но конь былъ бодръ, неприхотливъ,
 Покоренъ, вѣренъ, терпѣливъ;
 Онъ голосъ господина зналъ,
 Его средь тысячъ различалъ,
 И въ тьмѣ ночной онъ былъ готовъ
 Примчаться на знакомый зовъ.

IV.

Мазепа плащъ свой разложилъ,
 Подъ дубомъ пику прислонилъ,
 Свое оружье осмотрѣлъ:
 Въ порядкѣ ль вынесло оно
 Походъ, начатый такъ давно,
 На полкахъ порохъ все ли цѣлъ,
 Не зазубрился ли ремень,
 Не перетерся ли ремень
 Булатной сабли, и ножны
 Служить по прежнему ль годны?
 Потомъ старикъ мѣшокъ досталъ,
 Гдѣ свой запасъ онъ сберегалъ,
 Все приготовилъ, разложилъ,
 И легкій ужинъ предложилъ,
 Простымъ приправленный виномъ.
 И Карлъ участие принялъ въ немъ
 Съ улыбкой, сился показать,
 Что ни по-чемъ ему страдать,
 Что выше онъ и ранъ и бѣдъ.
 Онъ говорилъ: «Межъ нами нѣтъ —

Признаться въ этомъ мы должны,
 Хоть всё мы смѣлы и сильны —
 Кто бъ превзойти Мазепу могъ
 Среди битвъ, и схватокъ, и тревогъ».

«Да, гетманъ, мѣръ — прибавилъ онъ —
 Отъ александровыхъ времёнъ
 Подобной пары не видалъ
 Какъ ты и этотъ Бучефаль!
 Что скины! помрачилъ ты ихъ
 Въ своихъ наѣздахъ удалыхъ».

На это гетманъ отвѣчалъ:
 «О, чтобъ ту школу чортъ побралъ,
 Гдѣ научился ѣздить я!»

— «Что такъ, старикъ?» король спросилъ:
 «Ты славно дѣло изучилъ».

— «Долга исторія моя,
 Пришлось бы много говорить,
 Тогда-какъ надо намъ спѣшить;
 Нашъ путь далѣкъ — и труденъ онъ:
 Враги грозятъ со всѣхъ сторонъ
 И будутъ гнать насъ среди степей,
 Пока отъ нихъ мы не уйдёмъ
 И будемъ въ волю за Днѣпромъ
 Кормить измученныхъ коней.
 Король, вамъ сонъ необходимъ;
 Я здѣсь побуду часовымъ
 Отряда вашего». — «Нѣтъ, нѣтъ!
 Быть можетъ, повѣсть прежнихъ лѣтъ
 Меня на-время усыпить;
 Я отдохну подъ твой рассказъ,
 А то моихъ усталыхъ глазъ
 Неуловимый сонъ бѣжитъ».

— «Коль такъ, то я, пожалуй, радъ
 Вернуться лѣтъ за пятьдесятъ,
 Къ порѣ веселой, безъ заботъ,
 Когда мнѣ шолъ двадцатый годъ...
 Да, такъ, я больше не имѣлъ.
 Янъ Казимиръ тогда сидѣлъ
 На польскомъ тронѣ; я при немъ
 Шестъ лѣтъ служилъ — его нажомъ.
 Монархъ ученый это былъ!
 Онъ войнъ не велъ: онъ не любилъ
 Чужія царства покорять,
 Чтобъ послѣ снова ихъ терять,
 И правилъ тихо, сколько могъ,
 (За исключеніемъ тревогъ
 Варшавскихъ сеймовъ). Но сказать,
 Что удалось избѣжать
 Ему волненій — было бъ ложь:
 Онъ музъ любилъ и женщинъ тожъ;
 Ихъ своенравіе порой
 Смущало духъ его войной;
 Но скоро гнѣвъ его стихалъ,
 Тогда онъ праздники давалъ
 На всю Варшаву; у воротъ
 Его дворца толпой народъ
 Тѣснился, и пытливый взоръ
 Бросалъ на этотъ пышный дворъ,
 На знатныхъ барынь и господъ,
 Которыми былъ окружонъ
 Премудрый «Польскій Соломонъ» —
 Такъ величали всѣ его
 Поэты, кромъ одного:
 Щедротой царской позабытъ.

Онъ сталъ остеръ и ядовитъ,
 Въ сатиры злой излилъ онъ мечь,
 Хвалясь, что ненавидитъ лещь.
 То былъ блестящій, шумный дворъ,
 Дававшій волю и просторъ
 Забавамъ празднымъ. Средь пировъ,
 Турнировъ, зрѣлищъ и баловъ
 Тамъ каждый вирши сочинялъ
 И даже я не отставалъ
 Отъ прочихъ. При дворѣ тогда
 Блисталъ, какъ яркая звѣзда
 Средь меньшихъ звѣздъ, магнатъ одинъ —
 Ясневельможный палатинъ.
 Онъ такъ себя надменно велъ,
 Какъ-будто съ неба къ намъ сошолъ.
 Богатство, древній знатный родъ
 Ему доставили почоть;
 А гордый графъ вообразилъ,
 Что онъ себѣ обязанъ былъ
 Своимъ значеньемъ — до того
 Казна несмѣтная его
 И знатныхъ предковъ длинный рядъ
 Въ немъ помрачили здравый взглядъ.
 Своей особой важной онъ
 Былъ непомерно ослѣплёнъ;
 Но не была ослѣплена
 Его красавица-жена.
 Моложе втрое, по несчастью,
 Она скучала мужней властью,
 И послѣ безпокойныхъ грѣзъ,
 Въ честь вѣрности прощальныхъ слѣзъ,
 Ждала лишь случаевъ счастливыхъ,

Которые имѣютъ власть
 Воспламенять внезапно страсть
 Въ сердцахъ красавицъ горделивыхъ,
 Чтобъ ей другаго полюбить,
 Правами графа подарить.

V.

«Теперь я старъ, теперь я сѣдъ;
 Вѣдь мнѣ за семьдесятъ ужъ лѣтъ;
 Но въ раннемъ возрастѣ моёмъ
 Я былъ красивымъ молодцомъ.
 Не многіе изъ молодыхъ
 Дворянъ — и знатныхъ и простыхъ —
 Могли поспорить той порой
 Въ блестящихъ качествахъ со мной.
 Я былъ силенъ и живъ и смѣлъ,
 Видъ нѣжный я тогда имѣлъ,
 Какъ нынче грубъ онъ и суровъ:
 Война, заботы, рядъ годовъ
 Изгладили — и до конца —
 Черты тогдашнія лица,
 Съ ихъ выраженіемъ живымъ.
 Да, слишкомъ разная пора
 Мое сегодня и вчера!
 Такъ что знакомымъ и роднымъ
 Теперь меня бы не узнать,
 Когда бъ случилось увидеть.
 Я измѣнился ужъ давно,
 До старости... но, все-равно,
 Преклонный возрастъ не лишилъ

Меня ни мужества, ни силъ,
 Иначе, въ этотъ поздній часъ
 Не сталъ бы забавлять я васъ
 Разказами давнишнихъ лѣтъ
 Въ лѣсу, гдѣ намъ приюта нѣтъ,
 Гдѣ кровомъ служитъ намъ навѣсъ
 Беззвѣздныхъ, сумрачныхъ небесъ.
 Терезы образъ молодой —
 Какъ-будто вижу предъ собой:
 Воспоминаніе о ней
 Еще свѣтло въ душѣ моей;
 Но я не въ силахъ описатьъ
 Вамъ эти милыя черты;
 Смѣшенъ польской красоты
 Съ турецкою могло создать
 Таковую пару чудныхъ глазъ,
 Темнѣй, чѣмъ небо въ этотъ часъ;
 Но въ нихъ сквозилъ украдкой лучъ,
 Какъ мѣсяцъ въ полночь изъ-за тучъ;
 И свѣтъ во мракѣ ихъ свѣтилъ,
 Мѣшая съ нимъ лучи свои;
 Глубокій взглядъ ихъ полонъ былъ
 Огня, томленья и любви,
 Какъ у людей, что предъ концомъ
 Бросали, съ радостнымъ лицомъ,
 На небо вдохновенный взоръ,
 Входя безъ страха на костѣрь.
 Ея прекрасное чело
 Прозрачно было и свѣтло,
 Какъ лѣтомъ озеро, когда
 Въ немъ не колышется вода,
 И солнце блещетъ въ глубинѣ,

И сводъ небесъ лежитъ на днѣ
 Недвижно... Надолъ продолжать
 Мнѣ описаніе мое?
 Я не могу вамъ передать,
 Какъ сильно я любилъ ее —
 Любилъ тогда, люблю теперъ,
 Среди успѣховъ и потеръ,
 При всѣхъ превратностяхъ земныхъ,
 Въ бѣдахъ и въ радостяхъ моихъ.
 И въ гнѣвѣ любимъ мы подь-часъ,
 И въ старости тревожитъ насъ
 Минувшаго пустая тѣнь
 Такъ, какъ Мазепу въ этотъ день.

VI.

«Мы встрѣтились — и я взглянулъ,
 Отъ глубины души вздохнулъ;
 Безъ словъ отвѣтила она...
 Природа чудныхъ тайнъ полна;
 Есть много тоновъ, знаковъ въ ней —
 Ихъ слышимъ, видимъ, но ничей
 Опредѣлить не можетъ умъ;
 Какъ искры, рой завѣтныхъ думъ
 Изъ переполненныхъ сердець
 Наружу рвется наконецъ;
 Тѣ искры молніей бѣгутъ,
 Отъ сердца къ сердцу вѣсть несутъ —
 Языкъ таинственный, нѣмой
 Связь юныхъ душъ между собой,
 Передающій въ тотъ же мигъ
 Огонь, скрывающійся въ нихъ.

И долго молча я страдалъ,
 Но все вдали себя держалъ,
 Пока представленъ не былъ ей.
 О, сколько разъ въ душѣ моей
 Являлась мысль заговорить
 Съ Терезою, чтобъ ей открыть
 Огонь, бушующій въ крови!
 Но мнѣ мѣшалъ какой-то страхъ,
 И замирали на устахъ,
 Слова дрожащія любви...
 Однажды шумною толпой
 Мы развлекалися игрой;
 Счастливый жребій мой хотѣлъ,
 Чтобъ близъ Терезы я сидѣлъ;
 И ту, которую любилъ,
 Какъ часовой, я сторожилъ.
 (Дай Богъ, чтобъ часовые насъ
 Такъ сторожили въ этотъ часъ!)
 И я замѣтилъ, что она
 Была задумчива, блѣдна,
 И не игрой увлечена,
 А чѣмъ-то... я не знаю чѣмъ...
 Она играла, между тѣмъ
 Оставить круга не могла:
 Какъ бы прикована была,
 На зло желанью своему,
 Недвижно къ мѣсту одному.
 За нею долго я слѣдилъ,
 И вдругъ мнѣ мысли озарилъ
 Внезапный свѣтъ — онъ подалъ вѣсть,
 Что для меня надежда есть.
 Тогда-то я заговорилъ...

Признаться, рѣчь была темна —
 Что нужды? слушала она
 Мои несвязныя слова:
 Кто слушалъ разъ — услышитъ два;
 Конечно, сердце въ ней — не ледь:
 Когда-нибудь меня пойметъ!

VII.

«Да, я любилъ и былъ любимъ.
 Я слышалъ, слабостямъ такимъ
 Вы чужды, государь; коль такъ,
 То повѣсть о моихъ слезахъ
 И радостяхъ любви моей
 Я сокращу, чтобы о ней
 Не показался мой рассказъ
 Пустой бессмыслицей для васъ.
 Но, вѣдь, не всѣмъ дано судьбой
 Разсудку страсти подчинять,
 Или, какъ вамъ — повелѣвать
 И государствомъ, и собой.
 Теперь я... или былъ я — князь
 Надъ тысячами; на мой призывъ
 Всякъ въ бой спѣшилъ наперерывъ,
 Въ рядахъ стать первымъ не страшась,
 Но надъ собой той власти нѣтъ!
 Любилъ я, былъ любимъ въ отвѣтъ,
 Считалъ счастливымъ жребій мой,
 Но счастье кончилось бѣдой.
 Встрѣчались тайно мы... о, часъ
 Свиданья перваго! для насъ
 Онъ былъ наградою всему!

Отъ юности до зрѣлыхъ лѣтъ
 Въ моихъ воспоминаньяхъ нѣтъ
 Другаго равнаго ему;
 Украйну и готовъ отдать,
 Чтобъ пережить его опять
 И быть попрежнему пажомъ,
 Который обладалъ мечомъ,
 Былъ дорогъ сердцу одному
 И не имѣлъ богатствъ другихъ,
 Лишь крѣпость юныхъ силъ своихъ.
 Встрѣчались тайно мы: вдвойнѣ
 Приятно это, говорятъ;
 Не знаю, это не по-мнѣ,
 Я жизнь свою отдать былъ радъ,
 Чтобы предъ небомъ и землей
 Назвать ее моею женой.
 Какъ часто я грустилъ о томъ,
 Что мы встрѣчались лишь тайкомъ!

VIII.

«Но на влюбленныхъ много глазъ
 Всегда глядитъ; слѣдили насъ...
 Въ глухую ночь подстерегли,
 Схватили, къ графу привели,
 Обезоружили меня;
 Но еслибъ и покрыть былъ я
 Желѣзомъ съ головы до ногъ,
 Что противъ нихъ я сдѣлать могъ
 Близъ замка, въ мѣстности пустой,
 Вдали отъ помощи людской?
 То было предъ разсвѣтомъ дня;

Не чаялъ жить ужъ больше я,
 И въ мысляхъ обратясь съ мольбой
 Послѣдней къ Дѣвѣ пресвятой,
 Я предался судьбѣ своей.
 Не знаю я чтоъ стало съ ней,
 Съ Терезой; этотъ страшный часъ
 Разъединилъ навѣки насъ.
 Разгнѣвался надменный графъ —
 Признаться надо: онъ былъ правъ.
 Не могъ онъ вынести того,
 Что случай этотъ перейдетъ
 На нисходящій графскій родъ,
 Что благородный гербъ его,
 Котораго онъ былъ главой,
 Запятнанъ дерзостью такой...
 Фи, срамъ! съ мальчишкою, съ пажомъ!
 Когда бы это съ королёмъ
 То, можетъ быть, въ бѣдѣ такой,
 Графъ примирился бы съ судьбой;
 Но тутъ... я не имѣю силъ
 Вамъ передать, какъ золь онъ былъ.

IX.

«Коня!» — и приведенъ былъ конь
 Степной породы, весь — огонь;
 Казалось, мысли быстрота
 Была по членамъ разлита,
 У скакуна; но онъ былъ дикъ,
 Пугливъ и робокъ какъ олень,
 И пойманъ только въ этотъ день.
 Онъ ыркалъ, гриву подымалъ,

И страшно бился, и дрожалъ
 Въ безсильной ярости своей;
 И подведенъ былъ сынъ степей
 Наёмной челядью ко мнѣ,
 И накрѣпко къ его спинѣ
 Веревкой привязавъ меня,
 Пустили вдругъ они коня,
 Назадъ и на бокъ раздались—
 И мы, какъ вѣтеръ, понеслись.

X.

«Впередъ, впередъ! — я изнемогъ,
 Куда несусь, понять не могъ...
 День чуть замѣтно разсвѣталъ;
 Покрытый пѣной, конь скакалъ
 Впередъ. Послѣдній звукъ людской,
 Который вѣтеръ несъ за мной
 Со стороны враговъ моихъ,
 Былъ звѣрскій, дикій хохотъ ихъ.
 Внезапнымъ бѣшенствомъ объять,
 Схвативъ веревку, я назадъ
 Хотѣлъ лицо поворотить;
 За зло проклятьемъ заплатить;
 Мнѣ удалось, но конь бѣжалъ
 Какъ буря, топотъ заглушалъ
 Мой крикъ — и онъ напрасенъ былъ!
 Я, правда, послѣ заплатилъ:
 На мѣстѣ томъ, гдѣ замокъ былъ,
 Подъемныхъ нѣтъ уже мостовъ,
 Оградъ, рѣшотокъ, стѣнъ и рововъ;
 Тамъ нивы всѣ истреблены,

Лишь дикая трава растеть
На камняхъ рухнувшей стѣны;
Ничто на мысль не наведеть,
Что прежде крѣпость здѣсь была.
Ей твердость стѣнъ не помогла:
Я видѣлъ — башни тамъ пылали,
Зубцы ихъ трескались кругомъ,
Дымясь, ихъ крыши проливали
Свинець растопленный дождёмъ.
А въ часъ страданья и печали,
Когда меня къ спинѣ коня
Враги, на гибель, привязали,
Какъ мало думали они,
Что будутъ и другіе дни —
И шутка не пройдетъ имъ даромъ,
Что, имъ на горе и бѣду,
Благодарить я ихъ приду —
И замокъ истреблю пожаромъ!
Они, признаться, надо мной
Жестоко, горько подшутили,
Когда на смерть въ степи глухой
Меня такъ злобно осудили;
За то и я сказать могу,
Что не остался имъ въ долгу...
Сложилъ съ души я это бремя!
Равняетъ всѣхъ сѣдое время,
И — если только выждать —
Примѣровъ не было отъ вѣка,
Чтобъ кто-нибудь могъ избѣжать
Упорной мести чловѣка,
Который много, много дней
Делѣтъ зло въ душѣ своей.

XI.

«Впередъ! И я, и конь степной
Неслись, какъ вихри удалые,
И оставляли за собой
Всѣ обиталища людскія;
Такъ въ небѣ метеоръ летитъ,
Когда внезапно, съ громкимъ трескомъ,
Онъ тьму ночную озаритъ
Сіянья сѣвернаго блескомъ.
Не попадалось намъ слѣдовъ
Ни деревень, ни городовъ,
Все степь — и на краю небесъ
Видѣлся черной гранью лѣсъ;
Кой-гдѣ, на дальнихъ высотахъ,
Зубцы я видѣлъ на стѣнахъ
И башняхъ, отъ татаръ страну
Оберегавшихъ встарину —
И только; больше никакихъ
Слѣдовъ людскихъ не встрѣтилъ взоръ:
Онъ видѣлъ лишь одинъ просторъ
Неограниченной ничѣмъ
Пустыни. За годъ передъ тѣмъ
Тамъ турокъ армія прошла:
Казалось, почва поросла
Кровавымъ дерномъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ спаги мчались на коняхъ.
Сводъ неба сумракъ облегалъ,
И грустно вѣтеръ завывалъ;
Хотѣлъ я вздохомъ отвѣчать,
Но ни молиться, ни вздыхать
Не могъ; мы мчались все впередъ;

Съ меня, дождемъ, холодный потъ
 На гриву падалъ, конь же мой
 Въ пугливомъ бѣшенствѣ храпѣлъ
 И по пустынѣ въ даль летѣлъ.
 Напрасно думалъ я порой,
 Что скоро ослабѣетъ онъ,
 Поспѣшнымъ бѣгомъ изнурѣнъ:
 Я былъ, привязанный на нѣмъ,
 Для гнѣвной силы ни почѣмъ,
 И возбуждало лишь ее,
 Какъ остріе звенящихъ шпоръ,
 Усилъе каждое мое
 Дать членамъ сдавленнымъ просторъ.
 И голосъ свой я испыталъ:
 Онъ былъ и слабъ, и тихъ, но вдругъ
 Мой конь рванулся, будто звукъ
 Трубы внезапно услышалъ;
 При каждомъ словѣ онъ дрожалъ
 И прыгалъ въ бокъ; межъ тѣмъ мои
 Веревки были всѣ въ крови,
 И жажда мучила меня
 И жгла языкъ сильнѣй огня.

XII.

«И вотъ предъ лѣсомъ мы густымъ.
 Онъ былъ глубокъ, необозримъ;
 Тамъ вѣковыя деревья,
 Которыхъ гордая глава
 Не преклонялась предъ грозой,
 Стояли твердою стѣной;
 И густо, густо между нихъ

Ряды деревьевъ молодыхъ
Свѣжѣй, роскошнѣй, зеленѣй,
Росли во всей красѣ своей:
Весна имъ щедро каждый годъ
Одежду новую даётъ,
А осень снова обнажить;
Тогда опавшій листъ лежитъ,
Окрашенъ въ мертво-красный цвѣтъ,
Какъ-будто послѣ битвы слѣдъ
Застывшей крови. Средь полянъ
Я видѣлъ кое-гдѣ каштанъ
И мощный дубъ; порой видна
Была суровая сосна.
Но отъ дороги въ сторонѣ
Ихъ сучья не мѣшали мнѣ.
А то иначе — жребій мой,
Конечно, былъ бы не такой...
Мнѣ раны холодъ оковалъ,
Узлы веревки крѣпко сжалъ —
И такъ межъ пней, деревъ, кустовъ
Мы мчались на крылахъ вѣтровъ,
И быстрымъ скокомъ волки тамъ
Неслись за нами по слѣдамъ;
Сквозь лѣсъ сіяющей зарей
Я видѣлъ ихъ вблизи за мной,
А ночью все хрустѣлъ въ ушахъ
Ихъ легкій, крадущійся шагъ.
О, какъ желалъ я въ этотъ мигъ
Съ мечомъ ворваться въ стаю ихъ
И кончить въ бѣшеномъ бою
Жизнь угасавшую мою!
Какъ мучилъ страхъ теперь меня,

Что силъ не станеть у коня!
 Напрасно: средь пустынь рождёнъ,
 Какъ серна горъ, былъ легокъ онъ,
 И быстръ, какъ вѣтра буйный бѣгъ,
 Когда онъ гонить бѣлый снѣгъ,
 Имъ очи путника слѣпить,
 Морозомъ члены леденить,
 Чтобъ никогда бѣдякъ не могъ
 Ступить за близкій ужь порогъ;
 И, головой своей крутя,
 Онъ мчался по тропамъ лѣснымъ,
 Золь, бѣшенъ и неукротимъ,
 Какъ своенравное дитя,
 Какъ женщина, когда она
 Отмстить кому за зло властна.

XIII.

«Мы миновали темный лѣсъ.
 Ужь солнце было средь небесъ;
 Но холодъ въ воздухѣ стоялъ,
 Иль это въ жилахъ пробѣгаль
 Холодный трепетъ, точно ядъ?
 Страданья хотъ кого смпрятъ;
 Я былъ тогда совсѣмъ другой:
 Порывистъ, какъ потокъ весной,
 И больше чувствовалъ, чѣмъ могъ,
 Рой ощущеній и тревогъ,
 Въ душѣ возникшихъ, передать;
 А много мнѣ пришлось страдать:
 Я былъ и холоденъ и нагъ,
 Мемя томили стыдъ и страхъ,

И злость, снѣдающая духъ,
 Тоска, и гнѣвъ, и боль — все вдругъ.
 Происходя отъ тѣхъ людей,
 Въ чьихъ жилахъ кровь кипитъ сильнѣй,
 Оковъ не терпитъ никакихъ
 И рвется бѣшено изъ нихъ —
 Диковина ль, что той порой,
 Страдая тѣломъ и душой,
 Подъ гнѣтомъ боли и тревогъ,
 Я на минуту изнемогъ?
 Мнѣ быстрый бѣгъ туманилъ взглядъ,
 Мелькая, путь бѣжалъ назадъ,
 Огромнымъ сильнымъ колесомъ
 Вертѣлись небеса кругомъ,
 Ложились наземь дерева...
 Мнѣ было тошно, голова
 Моя кружилась, мозгъ болѣлъ,
 То на минуту онъ нѣмѣлъ,
 То снова бился и дрожалъ.
 Лучъ мимолетный пробѣжалъ
 Въ глазахъ моихъ и въ тотъ же мигъ
 Непроницаемую тьмой
 Покрылся взоръ угасшій мой.
 Я силъ очнуться не имѣлъ,
 Не могъ поднять своихъ очей;
 Лишь въ глубинѣ души моей
 Рой чувствъ подавленныхъ кипѣлъ;
 И, видя близкій свой конецъ,
 Я былъ какъ на доскѣ пловецъ
 Средь волнъ морскихъ, когда онѣ
 Его крутятъ, толкають, бьютъ,
 И шумно къ берегу несутъ.

Жизнь колебалася во мнѣ,
 Мерцающа трепетно, точь-въ-точь,
 Какъ огоньки въ глухую ночь
 Дрожащія въ глазахъ больныхъ,
 Когда горячка мучитъ ихъ.
 Еще усиленіе одно —
 Все стало смутно и темно,
 Боль замѣнилъ хаосъ на часъ,
 Что было хуже во сто разъ...
 О! было бѣ слишкомъ мнѣ опять
 То жъ, умирая, испытать;
 Однако—я увѣренъ въ томъ —
 Намъ предстоятъ передъ концомъ
 Сильнѣйшій страданія и страхъ,
 Пока не обратимся въ прахъ;
 Но я готовъ на смерть: предъ ней
 Не отвращу моихъ очей.

XIV.

«И я очнулся. Гдѣ я былъ?
 Окоченѣлый и безъ силъ...
 И медленно, едва-едва
 Вступала жизнь въ свои права:
 Чуть билось сердце, пульсъ дрожалъ,
 По членамъ трепеть пробѣгалъ,
 И съ болью взволновалась вновь
 Охлаждающая кровь.
 Въ ушахъ моихъ былъ страшный шумъ,
 Въ умѣ—толпа несвязныхъ думъ;
 Я могъ смотрѣть, но тяжело,
 Какъ бы сквозь темное стекло.

И было на небѣ свѣтло,
 Смотрѣли звѣзды съ вышины,
 Вблизи я слышалъ плескъ волны —
 Нѣтъ, то не сонъ! мой конь повлѣкъ
 Меня въ бушующій потокъ.
 Онъ былъ стремителевъ, широкъ;
 Съ трудомъ мы плыли по волнамъ
 Къ безвѣстнымъ, темнымъ берегамъ;
 Но гордо конь сердитый валъ
 Широкой грудью пробивалъ,
 Съ усиьемъ цѣли достигалъ.
 Я мало пристани былъ радъ:
 Взглянувъ впередъ, взглянувъ назадъ,
 Я видѣлъ только тьму одну,
 Ужасной ночи глубину,
 И не совсѣмъ-то сознавалъ,
 Земной ли жизнью дышалъ.

XV.

«Съ лоснистой шерстью, съ мокрой гривой,
 Дымясь, шатаюсь подо мной,
 Собравъ всѣ силы, конь ретивый
 Взбирался на берегъ крутой.
 Достигли мы его вершины,
 Оттуда я на степь взглянулъ,
 Мой взоръ въ пространствѣ потонулъ:
 Тянулись въ сумракъ равнины,
 Безъ очертаній и лица,
 Все дальше, дальше, безъ конца...
 Такъ въ безпокойныхъ грѣзахъ сна
 Мы видимъ пропасти безъ дна...

И тамъ и сямъ, по временамъ,
 Бѣлѣлись пятна по степямъ,
 И массы зелени густой
 Въ глаза кидалися порой
 Изъ темноты, озарены
 Лучомъ всплывающей луны.
 Но никакихъ не видѣлъ я
 Тамъ знаковъ близкаго жилья;
 Ни свѣтъ огня во тьмѣ ночной
 Гостепрїимною звѣздой
 Мнѣ издалѣка не свѣтилъ.
 Хоть бы блудящій огонѣкъ
 Своей игрой мой взоръ привлѣкъ:
 Мнѣ бѣ видѣ его отраденъ былъ,
 Напомнивъ мнѣ, въ тотъ горькій мигъ,
 Объ обиталищахъ людскихъ.

XVI.

«Мы подвигались все впередъ,
 Но вижу — конь мой устаетъ,
 И, бѣлой пѣною покрытъ,
 Ужъ не попрежнему бѣжитъ;
 Теперь и слабое дитя
 Могло бѣ имъ управлять шутя.
 Чтѣ пользы въ томъ? къ его спинѣ,
 Какъ прежде, я привязанъ былъ,
 И если бѣ дать свободу мнѣ,
 Она, въ тотъ часъ упадка силъ,
 Больному тѣлу моему
 Не послужила бѣ ни къ чему.
 Но попытался я опять

Свои оковы разорвать:
 О, какъ ничтожна и слаба
 Была напрасная борьба!
 Уже по свѣтлымъ полосамъ,
 Раскинутымъ по небесамъ,
 Я видѣлъ приближенье дня.
 Увы! какъ тихо для меня
 Текли часы! Казалось, тѣнь
 Тумана утренняго въ день
 Не перейдетъ. Но вдругъ востокъ
 Зардѣлся розовымъ огнёмъ:
 Шаръ солнечный всходилъ по нёмъ,
 Въ своемъ сіяньи одинокъ,
 Раздвинулъ сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
 Ихъ яркимъ блескомъ помрачилъ,
 И пролилъ съ неба въ міръ земной
 Свѣтъ незаимствованный свой.

XVII.

«Волнуюсь, утренній туманъ
 Поднялся отъ пустынныхъ странъ,
 Лжавшихъ дѣвственнымъ ковромъ
 Вдали, и сзади, и кругомъ.
 Къ чему же послужило намъ
 Такъ долго мчаться по стенамъ,
 Въ лѣса глухіе проникать,
 И волны рѣкъ переплывать?
 Все также были мы теперь
 Въ степи; ни человѣкъ, ни звѣрь
 Тамъ не оставили слѣда;
 Не видно было тамъ труда

Людского, средь пустыхъ степей
Роскошныхъ въ дикости своей.
Былъ самый воздухъ нѣмъ и тихъ,
Въ травахъ высокихъ и густыхъ
Рой насѣкомыхъ не жужжалъ,
Хоръ птицъ веселый не звучалъ
По зеленѣющимъ кустамъ,
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
И долго конь усталый мой
Тащился шагомъ, чуть живой;
Не могъ свободно онъ вздохнуть,
И задыхался, будто грудь
Рвалась на части у него;
Но намъ на встрѣчу никого
Не попадалось. Вдругъ вдали,
Гдѣ сосны черныя росли,
Какой-то шумъ я услышалъ:
Не вихрь ли сучья всколебалъ?
Нѣтъ, это былъ табунъ коней,
Возросшихъ тамъ, среди степей,
На дикой волѣ; ихъ бока
Не знали шпоры сѣдока,
Ихъ не касались никогда
Ни хлыстъ, ни поводъ, ни узда.
По вѣтру гривы распустивъ,
И ноздри широко раскрывъ,
Стремительно, какъ вихрь степной,
И массой темной и густой,
Подобные морскимъ волнамъ,
Они неслись на встрѣчу къ намъ.
Увидѣвъ ихъ, мой конь заржалъ,
Шатаясь, тихо побѣжалъ,

И вдругъ упалъ, лишенный силъ,
 Глаза недвижно устремилъ,
 Въ предсмертныхъ мукахъ захрипѣлъ —
 Послѣдній часъ его приспѣлъ.
 И кони подбѣжали къ намъ,
 И удивленными глазами
 Смотрѣли, какъ лежалъ я тамъ,
 Привязанъ крѣпкими узлами;
 То тихо подойдутъ... храпѣть,
 То быстро въ сторону рванутся,
 Пустыню ржаньемъ огласятъ,
 Кругами въ полѣ пронесутся —
 И къ лѣсу бросились назадъ:
 Страшилъ ихъ человѣка взглядъ.
 Они оставили опять
 Меня—томиться и страдать
 Средь этой степи безграничной,
 Гдѣ конь мой кости положилъ,
 Гдѣ смертный часъ освободилъ
 Его отъ ноши непривычной;
 Безъ жизни онъ теперь лежалъ,
 А я — на мертвомъ умираю!
 Часы тоскливой чередой
 Текли; въ душѣ моей больной
 Отъ жизни, полной упованья
 И силъ, осталась только тѣнь,
 Одно лишь смутное сознанье,
 Что это — мой послѣдній день.
 Въ увѣренности безнадежной
 Кончины близкой, неизбежной,
 Я равнодушно смерти ждалъ.
 Но кто изъ насъ не трепеталъ

За жизнь, боязнію тревожимъ,
Себя заботливо храня;
Какъ-будто смерть есть западня,
Квторой избѣжать мы можемъ?
И хоть порой ее мы ждѣмъ,
Какъ блага молимъ и желаемъ,
Порой, въ отчаяннн своемъ,
На жизнь мы руку поднимаемъ,
Но никогда нашъ смертный часъ
Не будетъ во-время для насъ,
И самымъ тягостнымъ мученьямъ
Все жъ будетъ горькимъ заключеньемъ.
Но странно: роскоши сыны,
Что въ наслажденьяхъ утопаютъ
Черезъ мѣру всѣмъ упоены,
Спокойно часто умираютъ,
Или спокойнѣе, чѣмъ тотъ,
Кого несчастіе гнетѣтъ.
Тому, кто средь пути земного
Зналъ все, что радостно и ново,
Ужъ больше нечего желать,
Иль за собою оставлять...
Несчастнн же конца бѣдамъ
Съ надеждой ждетъ; его очамъ,
Томимымъ горемъ постояннымъ,
Смерть кажется врагомъ нежданнымъ:
Она пришла лишить его
Вѣнца за все, и, умирая,
Онъ не увидитъ своего,
Ужъ достигаемаго, рая!
День завтрашннн ему бы далъ
Богатство, славу, наслажденья,

Онъ отъ него награды ждалъ
 За всѣ страданья и гоненья;
 День завтрашній, въ замѣну бѣдъ
 И тернiя, готовилъ розы,
 Готовилъ рядъ счастливыхъ лѣтъ,
 Ему сіяющихъ сквозь слезы:
 Не сталъ бы жизнь онъ проклинать;
 День завтрашній ему бѣ далъ силу
 Блестать, господствовать, спасать —
 И лечь ему теперь въ могилу!?

XVIII.

«Садилось солнце — я лежалъ
 На коченѣющемъ конѣ
 И думалъ: здѣсь погибнуть мнѣ...
 Туманъ глаза мнѣ застилалъ:
 Они нуждались въ вѣчномъ снѣ...
 Возврата не было назадъ!
 Я бросилъ мой послѣдній взглядъ
 На небеса, и увидалъ
 Тамъ вѣрона: онъ ожидалъ
 Моей лишь смерти—пиръ начать;
 То онъ садился, то опять
 Вверхъ подымался и парилъ
 Ко мнѣ все ближе каждый разъ;
 Сквозь сумракъ вечера мой глазъ
 Полѣтъ крыла его слѣдилъ;
 Однажды такъ онъ близокъ былъ,
 Что я бѣ его ударить могъ,
 Когда бы сила.. но песокъ,
 Который чуть-чуть зашумѣлъ,

Когда привстать я захотѣлъ,
 Движенье ослабѣвшихъ рукъ,
 Да горла напряженный звукъ,
 Который голосомъ назвать
 Едва ли можно — отогнать
 Его успѣли отъ меня.
 Затѣмъ уже не помню я
 Что было; снилась мнѣ тогда
 Одна мнѣ милая звѣзда:
 Она смотрѣла издали
 Въ глаза померкшіе мои,
 Играя на небѣ голубомъ
 Своимъ трепещущимъ лучомъ.
 Затѣмъ тупой, холодный, смутный
 Возвратъ къ сознанию минутный,
 Опять безчувствіе потомъ,
 И вновь чуть слышное дыханье,
 Дрожь, на минуту замиранье,
 Лѣдъ возлѣ сердца моего,
 Стонъ, вылетѣвшій противъ воли,
 Лучъ въ мысляхъ, трепеть, чувство боли,
 Да вздохъ — и больше ничего.

XIX.

«И я очнулся. Не-уже-ли
 Теперь лежу я на постели?
 Кто это на меня глядитъ?
 Неужли кровля надо мною?
 Чей взоръ съ заботою такою
 Мои движенья сторожить?
 Тамъ, у стѣны, въ углу сидѣла

Казачка, двупка; она,
 Участья нѣжнаго полна,
 Съ мольбою на меня смотрѣла;
 И я на мигъ глаза закрылъ,
 Боясь—не сонъ ли это былъ...
 При первомъ мыслей пробужденнѣ
 Я встрѣтилъ этотъ чудный взглядъ;
 Смотрю.... нѣтъ, это не видѣнье,
 Мнѣ то всѣ чувства говорятъ!
 Когда жъ казачка увидала,
 Что могъ глаза я открывать,
 То улыбнулась, подбѣжала,
 Рукою знакъ дала молчать,
 Къ лицу мнѣ руку приложила,
 Поправила подушку мнѣ,
 Тихонько дверь пріотворила,
 И вышла вонъ; и въ тишинѣ
 Чуть слышной музыкой раздался
 Ея шаговъ скользившихъ шумъ,
 И я опять одинъ остался,
 Въ смущеннѣ пробужденныхъ думъ.

XX.

«Она съ отцомъ пришла опять...
 Но я не буду утомлять
 Васъ описаньемъ тѣхъ годовъ,
 Когда я жилъ межъ казаковъ.
 Они безъ чувствъ меня нашли
 Въ степи, и въ хату принесли,
 Мнѣ дали жизнь опять узрѣть,
 Чтобъ ими нѣкогда владѣть!

Безумцы, въ ярости своей,
 Изобрѣтая мнѣ мученья,
 Меня прогнали въ глушь степей,
 Въ крови, нагого, безъ движенья,
 Чтобы по этому пути,
 Чрезъ степь, мнѣ къ власти перейти.
 Судьбу свою кто можетъ знать?
 Къ чему жъ теперь намъ унывать?
 Уйдемъ мы скоро отъ погони,
 И завтра будутъ наши кони
 За Борисееномъ отдыхать.
 Съ какою радостію очи
 Я бѣ на Днѣпрѣ остановилъ... ²
 Товарищи, спокойной ночи!»

Такъ гетманъ повѣсть заключилъ.
 Подъ тѣнью дуба вѣкового
 Онъ съ нѣгой сладкой легъ потомъ
 На ложѣ лиственномъ своѣмъ.
 Ему тò было ужъ не ново:
 Лишь часъ удобный приходилъ,
 Вездѣ онъ отдыхъ находилъ;
 И если Карлъ забылъ герою
 Сказать спасибо за рассказъ,
 Не удивляйтесь: той порою
 Онъ крѣпко спалъ ужъ цѣлый часъ. ³

Д. Михаловскій.

ПРИМЪЧАНІА КЪ МАЗЕПЪ.

1) Этотъ *живой, бойкій и забавный* рассказъ, какъ называется его Гиффардъ, написанъ осенью 1818 года въ Равеннѣ. Вотъ что говорится объ этой повѣсти въ одномъ изъ англійскихъ обозрѣній того времени: «Мазепа — весьма изящный и бойкій эскизъ прекрасной повѣсти, во всѣхъ отношеніяхъ достойный своего автора. Сюжетъ ея извѣстенъ: это повѣсть о молодомъ полякѣ, которой, въ наказаніе за интригу съ женой какого-то польскаго магната, былъ привязанъ, нагой, къ спинѣ дикой лошади. Бѣшеный скакунъ занесъ его въ глубину Украйны; тамъ казаки нашли его, измученнаго, полумертваго, не подававшаго никакой надежды къ выздоровленію. Однако же онъ возвращенъ былъ къ жизни и, много лѣтъ спустя, сдѣлался гетманомъ Малороссіи, посреди которой онъ очутился такимъ необыкновеннымъ образомъ. Странныя и причудливыя обстоятельства этого приключенія лордъ Байронъ, въ своей повѣсти, вложилъ въ уста Мазепы, рассказывающаго ихъ Карлу XII, королю шведскому, въ послѣднихъ кампаніяхъ котораго украинскій гетманъ игралъ видную роль. Онъ рассказываетъ свою повѣсть на бивуакѣ, во время жалкаго отдыха Карла и его немногихъ друзей, которые бѣжали вмѣстѣ съ нимъ къ предѣламъ Турціи, послѣ кроваваго пораженія подъ Полтавою. Въ этомъ способѣ рисовать картину — не мало красоты и граціи. Старческій возрастъ Мазепы, спокойное, привычное равнодушіе, съ которымъ онъ покаряется теперь самому суровому удару судьбы, геройское, безпечное хладнокровіе воинственнаго

короля, которому онъ рассказываетъ свою повѣсть, мрачная и опасная обстановка, окружающая рассказчика и его слушателей, все это, возбуждая заранѣе интересъ и плѣняя контрастами, придаетъ разсказу гетмана поразительную прелесть. Ничто не можетъ быть прекраснѣе этой повѣсти о любви — преступной любви — послѣдствія которой были такъ необыкновенны».

²⁾ «Когда Карлъ уже не могъ сомнѣваться болѣе, что сраженіе проиграно, и что единственная надежда на спасеніе для него заключалась въ возможно-быстромъ удаленіи съ поля, онъ велѣлъ посадить себя на лошадь и съ остатками своей арміи устремился къ мѣстечку Переволочнѣ, занимающему уголъ, образуемый соединеніемъ Днѣпра и Ворсклы. Тутъ, сопровождаемый Мазепою и нѣсколькими сотнями своихъ боевыхъ товарищей, онъ переплылъ Днѣпръ и, продолжая бѣгство по степной странѣ, причемъ рисковалъ умереть съ голода, добрался наконецъ до Буга, гдѣ почтительно былъ встрѣченъ турецкимъ пашою. Русскій уполномоченный при Высокой Портѣ требовалъ выдачи Мазепы; но болѣзнь и послѣдовавшая за тѣмъ смерть избавили стараго казацкаго гетмана отъ ожидавшей его участи». («Петръ Великій» Баррова, стр. 196.)

³⁾ Нельзя не подозревать, что, воспроизводя черты прекрасной польки Терезы и ея молодого любовника, и ревнивое бѣшенство стараго магната, поэтъ имѣлъ въ виду какія-нибудь обстоятельства своей собственной, личной исторіи.

САРДАНАПАЛЪ.

САРДАНАПАЛЬ.

ТРАГЕДІЯ. ¹

Славному Гёте.

Чужестранецъ осмѣливается поднести дань литературнаго вассала своему ленному государю, первому изъ современныхъ писателей, создавшему литературу своей страны и прославившему европейскую. Недостойное произведение, которое авторъ рѣшается посвятить ему, называется «Сарданапаль». ²

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сарданапаль , царь ассирійскій.	Нанія .
Арбакъ , мидянинъ, покусившійся на тронъ.	Зана .
Белезсъ , халдейскій жрецъ и прорицатель.	Ссеро .
Салимень , братъ жены Сарданапала.	Балеа .
Альтада .	Вѣстникъ .
Женщины, составляющія гаремъ Сарданапала; стража; дворцовые служители; мидяне — съ словами и безъ словъ.	Зарина , царица.
	Мирра , гречанка-пльбница, наперсница Сарданапала.

(Мѣсто дѣйствія — палата въ царскомъ ниневійскомъ дворцѣ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Дворцовая палата.

Салимень (одина).

Онъ врагъ женѣ — но онъ ей господинъ;
Онъ врагъ моей сестрѣ — но онъ мнѣ братъ;
Народу врагъ — но онъ его властитель;

Мой долгъ къ нему: быть поданнымъ и другомъ,
 И я не допущу, чтобъ онъ погибъ,
 Чтобъ кровь Семирамиды и Немрода
 Изсякнула, чтобъ столь многостолѣтней
 Имперіи окончилась скрижалъ
 Пастушечью сказкой. Пробудить
 Его пора. Въ его груди растлѣнной
 Есть мужество, котораго развратъ
 Не истребилъ; есть сокровенный пылъ
 Подавленный, но не совсѣмъ погасшій,
 Глубоко погруженный, но отнюдь
 Въ пучинѣ сладострастья не заглохшій.
 Родись онъ пастухомъ — онъ багряницы
 Достичь бы могъ; родившись въ ней, онъ дѣтямъ
 Въ наслѣдство завѣщаетъ лишь одно
 Униженное имя. Но не все
 Потеряно; онъ искупить способенъ
 И праздность, и позоръ свой, ставши тѣмъ,
 Чѣмъ долженъ быть, такъ точно, какъ онъ сталъ,
 Чѣмъ быть не долженъ бы. Иль управлять
 Народами, вождемъ быть надъ войсками
 Безславнѣе, чѣмъ жизнь влачить въ гаремѣ?
 Изобрѣтать забавы, пресыщаться
 Съ утратой силъ — есть тотъ же тяжкій трудъ,
 Лишь недающій славы, какъ война,
 Здоровья, какъ охота. Пробудить
 Его пора.

(За сценою слышны звуки тѣжной музыки.)

Увы! одинъ лишь громъ
 Способенъ пробудить его. Чу! — лира
 И тамбуринъ, и лютия; страстный звонъ
 Томящихъ струнъ и голоса гаремныхъ

Погибшихъ женъ — и тварей, что ничтожныѣ
 И самихъ женъ — собою оглашаютъ
 Его полдневный пиръ, межъ тѣмъ какъ онъ,
 Великій изъ великихъ, возлежитъ
 Въ вѣнкъ изъ розъ, откинувъ діадему
 Какъ-бы затѣмъ, чтобъ дерзкая рука
 Ее смѣлѣй схватить могла. Они
 Идутъ сюда; предтеча — ароматъ
 Несется отъ одеждъ благоуханныхъ;
 Пожаръ камней горитъ надъ вереницей
 Блестящихъ дѣвъ — вдоль этихъ галерей —
 И между нихъ, — ни видомъ, ни нарядомъ
 Отъ нихъ не отличаясь, — жалкій внукъ
 Семирамиды, женщины-героя.
 Вотъ онъ! я подожду, пойду на встрѣчу:
 Я выскажу ему, что говорятъ
 О немъ всѣ тѣ, кто любитъ добродѣтель.
 Вотъ онъ — въ челѣ рабовъ своихъ идущій,
 Властитель — подданный своихъ рабовъ!

СЦЕНА II.

Входитъ Сарданапаль, одѣтый по-женски, съ красиво-небрежными складками на платьѣ, увѣнчанный цвѣтами, окруженный вереницею женщинъ и молодыхъ рабовъ.

Сарданапаль (къ одному изъ окружающихъ).

Такъ слушай же: евфратскій навильонъ
 Цвѣтами разубрать и освѣтить,
 И ложами уставить, какъ прилично
 Для пиршества; мы въ полуночный часъ
 Трапезовать тамъ будемъ; чтобы роскошь
 Была во всемъ; да прикажи, чтобъ намъ
 Готовили галеру. Надъ рѣчною

Поверхностью ужь дышетъ вѣтерокъ
 Свѣжительный: мы скоро отплывемъ.
 Прекрасныя богини! съ кѣмъ такъ сладко
 Сарданапалъ проводитъ дни, такъ — мы
 Увидимся опять въ тотъ тихій часъ,
 Когда мы соберемся, будто звѣзды,
 Горящія надъ нами и когда
 Изъ васъ самихъ сіяющее небо
 Такое же составитя: дотолѣ
 Вы надъ своимъ досугомъ госпожи.
 А ты за кѣмъ пойдешь, моя гречанка,
 За ними, иль за мной?

Мирра.

Мой повелитель...

Сарданапалъ.

Мой повелитель? жизнь моя, зачѣмъ
 Ты говоришь такъ холодно? Но въ этомъ
 Проклятiе царей, что имъ даютъ
 Подобныя отвѣты... Управляй
 Сама своимъ досугомъ; мой — сполна
 Принадлежитъ тебѣ; скажи жь — съ гостями
 Уходишь ты, иль времени теченье
 Заворожишь на-время для меня?

Мирра.

Царь, прикажи; твой выборъ — мой законъ.

Сарданапалъ.

Прошу тебя, не говори такъ. Счастье
 Мое лишъ въ томъ, чтобъ угождать тебѣ.
 Я высказать своей не смѣю воли,
 Боясь твою не угадать; ты слишкомъ
 Скорá на то, чтобъ жертвовать другимъ
 На счетъ своихъ желаній.

Мирра.

Я остаюсь

Хотѣла бы; хранить твое блаженство —
Мое блаженство; но...

Сарданапаль.

Какое *но?* межъ нами

Преградой остается тутъ одинъ
Твой сладкій произволь, какъ и всегда.

Мирра.

Я думаю — обычный часъ совѣта
Ужь наступилъ; я лучше удалюсь.

Салименъ (подходя ближе).

Рабыня правду говоритъ: ей лучше
Уйти отсель.

Сарданапаль.

Кто говорить? А, братъ!

Да какъ же это ты, братъ?

Салименъ.

Братъ царицы,

А твой, властитель, поданный — не больше.

Сарданапаль (относясь къ свитѣ).

Такъ я сказалъ, что всѣхъ предоставляю
Самимъ себѣ; но въ полночь просимъ васъ
Собраться снова.

*(Свита удаляется; Мирра тоже обнаруживаетъ
желаніе уйти.)*

Мирра! мнѣ казалось,

Что ты остаешься хочешь.

Мирра.

Государь,

Ты не сказалъ мнѣ этого.

Сардананалъ.

Но ты
Глядѣла такъ. Я разумѣю каждый
Взглядъ іонійскихъ этихъ глазъ: они
Какъ-будто говорили, что меня
Ты не покинешь.

Мирра.

Государь! твой братъ...

Салименъ.

Его супруги братъ! Пойми жъ, гречанка,
Что *братъ его супруги*. Какъ меня
Ты смѣешь называть и не краснѣть?

Сардананалъ.

Какъ не краснѣть? — да у тебя ни глазъ,
Ни сердца нѣтъ! зажечь ея ланиты
И пурпуромъ и розовою кровью,
Какъ снѣгъ вершинъ кавказскихъ въ часъ заката,
И укорять ее жъ потомъ, что ты
Такъ слѣпъ и такъ безчувственъ. Слѣзы, Мирра!

Салименъ.

Пускай текутъ; она причиной служить
Слезъ болѣе горчайшихъ, чѣмъ ея.

Сардананалъ.

Будь проклятъ тотъ, кто этихъ слезъ причиной.

Салименъ.

Не проклинай себя, какъ проклинають
Тебя ужъ миллионы.

Сардананалъ.

Ты забылся;
Не заставляй опомниться — меня,
Что я монархъ.

Салименъ.

О, еслибы ты могъ!

Мирра.

Властитель мой, и ты, князь, умоляю,
Позвольте мнѣ уйти.

Сарданапалъ.

Когда иначе

Не можетъ быть, когда онъ грудь твою
Столь нѣжную такъ оскорбилъ — иди;
Но не забудь, что скоро часъ свиданья.
Я потерять готовъ скорѣе царство,
Чѣмъ случай быть въ присутствіи твоёмъ.

(Мирра уходитъ.)

Саликенъ.

Ты оба вдругъ ихъ можешь потерять,
И оба навсегда, быть можетъ.

Сарданапалъ.

Братъ!

Будь справедливъ: скажи, что я умѣю
Владѣть собой. Языкъ твой слишкомъ смѣлъ.
Но, наконецъ, я слабъ и есть предѣлы...

Саликенъ.

Едва-ли есть; ты слабъ, ты слишкомъ слабъ...
Но пробудись — пора. О, еслибъ силой
Ты закипѣлъ, хоть съ тѣмъ, чтобъ показать
Ее на мнѣ самомъ!

Сарданапалъ.

Клинусь Взааломъ —

Онъ мнѣ въ укоръ вмѣняетъ — отчего
Я не тиранъ!

Саликенъ.

Нѣтъ — ты тиранъ. Не думай,
Что только тотъ, кто вьетъ бичи, льетъ цѣпи,
И есть тиранъ. Нѣтъ, деспотизмъ порока —
Распущенность, нечестіе разврата,

Безчестность, лѣнь, потворство создаютъ
 Намъ тысячи тирановъ — и такихъ,
 Что худшія дѣянья властелиновъ,
 Прославленныхъ кровавыми — ничто
 Предъ черными дѣлами ихъ; примѣры
 Твоихъ всеневныхъ оргій точно такъ же
 И угнетать способны, какъ развратъ
 Распространять: въ одно и то же время
 Подкапывать твой величавый тронъ
 И колебать столбы его; да такъ —
 Нахлынь враги, или мятежъ домашній
 Зажгись внутри — и то, и это гибель:
 Одни внушаютъ твоимъ народамъ страхъ,
 Другой прельститъ ихъ знаменемъ кровавымъ.

Сардананапаль.

Кто жь произвелъ тебя въ мои пророки?

Саллимень.

Забвенье слезъ моей сестры-царицы,
 Любовь къ ея младенцамъ, голосъ чувствъ,
 Усердіе къ царю — а онъ такъ скоро
 Имѣть въ немъ будетъ нужду — родословье
 Великаго Немврода, и еще
 Есть вещь одна, которой ты не знаешь.

Сардананапаль.

Какая вещь?

Саллимень.

Но это для тебя

Невѣдомое слово.

Сардананапаль.

Я, однако,

Узнать его хотѣлъ бы.

Саллимень.

Добродѣтель.

Сарданапалъ.

Не знать такого слова! Но оно
Мнѣ болѣе, чѣмъ уличные крики,
Иль ржавая труба, терзало слухъ.
Твоя сестра другихъ и словъ не знаетъ.

Салименъ.

Чтобъ замѣнить сухой предметъ, ты можешь
И о порокѣ слышать.

Сарданапалъ.

Отъ кого?

Салименъ.

Отъ всѣхъ вѣтровъ, когда уже ты глухъ
Къ тому, о чемъ трубить народный голосъ.

Сарданапалъ.

Я мягкосердъ — ты знаешь, терпѣливъ —
Ты испыталъ: скажи, чего ты хочешь?

Салименъ.

Чтобъ ты былъ безопасенъ.

Сарданапалъ.

Дальше!

Салименъ.

Дальше —

Такъ я скажу, что всѣ народы, да —
Ты получилъ ихъ отъ отца такъ много —
Кричатъ противъ тебя.

Сарданапалъ.

Противъ меня?

Чего жь рабы хотятъ?

Салименъ.

Царя.

Сарданапалъ.

А я?

Да я-то что жь?

Салишенъ.

На ихъ глаза — ничто;
Но на мои — ты человекъ, который
Еще бы могъ быть чѣмъ-нибудь.

Сарданапалъ.

Шуты!

Бездѣльники! чего еще имъ надо?
Я далъ имъ миръ, я далъ имъ изобилъе.

Салишенъ

О! одного такъ много, какъ бы слава
Давать не позволяла; но другаго
Я столько псамъ имѣть бы не желалъ.

Сарданапалъ.

Такъ обвиняй грабителей-сатраповъ
За это зло.

Салишенъ.

Нѣтъ, я виню монарха,
Который стѣнъ дворцовыхъ никогда
Почти не покидаетъ, развѣ съ тѣмъ,
Чтобъ перейти въ нагорныя палаты,
Пока жары каленые спадутъ.
О ты, Ваалъ! кто создалъ это царство
И сдѣлался въ немъ богомъ, иль какъ богъ
Лишь просіялъ многостолѣтней славой,
Ужель онъ твой потомокъ? Но, клянусь,
Онъ никогда не управлялъ, какъ царь,
Народами, которыхъ, какъ герой,
Ты покоришь трудомъ, терпѣньемъ, кровью...
И для чего? чтобъ алчность временщицы,
Иль оргію налогомъ обезпечить!

Сарданапалъ.

Сказать простѣй: ты хочешь, чтобъ я былъ

Завоевателемъ. Вы, звѣзды неба,
 Столь чтимыя халдеями! рабы
 И точно заслужили, чтобъ найти
 Проклятiе въ ихъ собственныхъ желаньяхъ,
 О, слишкомъ заслужили, чтобы къ славѣ
 Я указалъ имъ путь!

Салименъ.

Зачѣмъ же нѣтъ?

Семирамида — женщина, не больше,
 Къ гангесовымъ зыбучимъ берегамъ
 Водили ассирiянъ.

Сарданапалъ.

Это правда.

Но какъ она вернулась?

Салименъ.

Какъ герой:

Со славою, хотя и безъ побѣды;
 На Бактрию устроивъ отступленье,
 Она спаслась едва лишь съ двадцатью
 Солдатами.

Сарданапалъ.

А сколько за собою

Злымъ коршунамъ оставила въ добычу?

Салименъ.

Объ этомъ лѣтописцы умолчали.

Сарданапалъ.

Такъ я за нихъ скажу тебѣ, что лучше
 Ей во дворцѣ наткать бы двадцать платьевъ,
 Чѣмъ съ двадцатью солдатами летѣть
 Отъ Индiи до Бактрии, mirьяды
 Другихъ солдатъ покинувъ за собой
 На жертву псамъ и кровожаднымъ птицамъ

И больше ихъ свирѣпымъ — людямъ. Это ль
Ты славой называешь? Такъ оставь
Меня въ моемъ безславьи навсегда.

Салимень.

Не всѣмъ война грозитъ такимъ удѣломъ;
И славная праматерь ста царей,
Бывъ въ Индіи разбита, тѣмъ не меньше
Приобрѣла Мидію, Бактріану
И Персію, которыми владѣтъ
И ты бы могъ, какъ нѣкогда она.

Сарданапаль.

Я ими и владѣю, а она
Ихъ только покоряла.

Салимень.

Власть надъ ними
Въ ея мечѣ, не въ скипетрѣ твоемъ.

Сарданапаль.

Былъ, говорятъ, какой-то Бахусъ — правда ль?
О немъ слыхалъ я отъ моихъ гречанокъ;
По ихъ словамъ, онъ богъ былъ; богъ, конечно,
Лишь греческій, кумиръ совсѣмъ безвѣстный
Халдейскому служенью; между тѣмъ
Онъ покорилъ золотое царство Инда,
Отколь спаслась Семирамида бѣгствомъ.

Салимень.

Такой герой извѣстенъ; и ты видишь,
Что онъ прослылъ за бога.

Сарданапаль.

И я самъ

Хочу почтить божественность его
Сверхчеловѣчески. Гей! виночерпій!

Салименъ.

Зачѣмъ царю слуга такой?

Сарданапаль.

Затѣмъ,

Что новый богъ и древній побѣдитель
Ждетъ почести. Вина — я говорю!

(Виночертію, который входитъ.)

Подай мнѣ золотой въ алмазахъ кубокъ,
Тотъ, что зовутъ немвродовою чашей.
Налей полнѣй, неси скорѣй!

(Виночертій уходитъ.)

Салименъ.

Уже ли

Ты вновь готовъ на подвигъ возліаній,
И даже сномъ незаспанныхъ еще?

(Виночертій возвращается съ виномъ.)

Сарданапаль *(съ чашею въ рукахъ).*

Мой благородный сродникъ, если греки,
Какъ варвары непросвѣщенныхъ странъ,
Не хвастаютъ, такъ этотъ Бахусъ ихъ
Завоевалъ всю Индію — не такъ ли?

Салименъ.

Завоевалъ, за что и прослылъ богомъ.

Сарданапаль.

Нѣтъ, не за то, нѣтъ; о его побѣдахъ
Намъ говорятъ лишь нѣсколько колоннъ —
Его колоннъ, которая *моими*
И я бѣ назвать легко могъ, еслибъ ихъ
Лишь почиталъ достойными покупки,
Особенно провоза; не за то,
Что кровь онъ лилъ морями, что такъ много
Пронзилъ сердце, разграбилъ государствъ.

Безсмертіе его вотъ въ этой чашѣ,
 Оно въ лозѣ безсмертной, изъ которой
 Онъ первый выжалъ душу и далъ людямъ
 На радость душъ, — какъ искупленіе всѣхъ
 Его побѣдъ и золь, рожденныхъ ими.
 Не будь лишъ этой чаши — алтаремъ
 Не быть его могилѣ, смертнымъ звукомъ
 Не перестать быть имени его.
 Быть славною могла Семирамида,
 Но божествомъ чудовище прослать
 Все жъ не могло, какъ ни было чудесно.
 Вотъ черезъ что онъ богомъ сталъ.

(Подаетъ ему чашу.)

Отвѣдай —

И будешь человекомъ. Добрый, вѣрный,
 Сварливый братъ — въ честь греческаго бога!

Салимень.

Я не возьму всѣхъ царствъ твоихъ, чтобъ такъ
 Надъ вѣрою отчизны издѣваться.

Сарданапаль.

Безъ громкихъ словъ. Ты видишь въ немъ героя
 За то, что кровь онъ проливалъ, какъ воду.
 Но плодъ простой онъ сдѣлалъ чародѣйствомъ,
 Что обновляетъ старость, веселитъ
 Печалью удрученныхъ, вдохновеньемъ
 На юношей нисходитъ, забываетъ
 Труды даетъ усталымъ, боязливымъ —
 Опасности, міръ открываетъ новый,
 Когда постылъ становится намъ этотъ.
 И ты не признаешь въ немъ бога! Что жъ?
 Я для тебя пить за него готовъ

Лишь какъ за человѣка, что безмѣрно
Въ добрѣ и злѣ всѣхъ смертныхъ превзошелъ.

(*Пѣтъ.*)

Саликенъ.

Уже ль сейчасъ ты оргію откроешь?

Сардананалъ.

И еслибъ такъ, то все гораздо лучше,
Чѣмъ покупать цѣною слезъ трофеи.
Но цѣль моя другая: ты не хочешь
Мнѣ отвѣчать, такъ дѣлай что ты хочешь.
Уйди, дитя!

(*Виночерпій уходитъ.*)

Саликенъ.

Я положить хотѣлъ бы
Конецъ твоей дремотѣ: вѣдь опаснѣй
Быть мятежемъ пробуждену, чѣмъ мной.

Сардананалъ.

Какой мятежъ? изъ-за чего? гдѣ поводъ?
Я не укралъ корону, я законный,
Наслѣдный царь изъ племени царей,
Непомнящихъ начала родословной.
Что сдѣлалъ я тебѣ, иль этой черни,
Чтобъ ты ворчалъ, она грозила бунтомъ?

Саликенъ.

Что сдѣлалъ *мнѣ*, о томъ не говорю я.

Сардананалъ.

Но все равно, ты думаешь, что я
Царицу оскорбилъ — не такъ ли?

✱

Саликенъ.

Да,

Я думаю. Она оскорблена!

Сарданапалъ.

Терпѣнье, князь, и выслушай меня.
 Ей все дано, что должно ей по сану:
 Вниманье, блескъ, значенье, власть, почоть;
 Ей ввѣрены наслѣдники престола.
 Но я на ней женился, какъ монархи
 Всѣ женятся — изъ видовъ государства,
 И я ее любилъ, какъ всѣ мужья
 Женъ любятъ вообще. Когда жъ она,
 Иль ты воображалъ, что я могу
 Быть преданъ ей въ той мѣрѣ, какъ халдейскій
 Пастухъ своей подругѣ — это значить,
 Что вы не понимали ни царей,
 Ни сердца человѣка, ни меня.

Салишенъ.

Оставимъ разговоръ такой. До жалобъ
 Себя я не унижу, и любви
 Моя сестра вымаливать не станетъ
 Нижѣ — у ассирійскаго царя!
 Она сама отвергнула бы страсть,
 Которую съ рабынями гарема,
 Съ гречанками должна бѣ была дѣлать.
 Она молчитъ.

Сарданапалъ.

Зачѣмъ же не молчитъ

И братъ ея?

Салишенъ.

Я повторяю голосъ
 Твоихъ лишь царствъ: тому, кто такъ легко
 Глядитъ на нихъ, не трудно потерять ихъ.

Сарданапалъ.

Рабы неблагодарные! рабы
 Неблагодарные! роптать за то,

Что я не лилъ ихъ крови, не водилъ
Ихъ умирать мирьядами въ пустыни
Отъ голода и жажды, что Гангеса
Не запрудилъ громадой ихъ костей,
Что не писалъ имъ кровію законовъ,
Не воздвигалъ ни гордыхъ пирамидъ,
Ни башенъ вавилонскихъ ихъ руками!

Салимень.

А между тѣмъ, то были бы трофеи
Все жъ болѣе достойные царя,
Равно какъ и народа, чѣмъ пиры,
Наложницы съ ихъ музыкой и пѣньемъ,
Съ презрѣньемъ къ добродѣтели и жаждой
Народныя богатства расточать.

Сарданапаль.

Что до моихъ трофеевъ, ты забылъ,
Что я воздвигнулъ Тарсъ и Анхіальъ —
Два города въ единый день; межъ тѣмъ
Твоя Семирамида, вѣдьма злая,
Старуха кровожадная, солдатъ,
Праматерь непорочная моя,
Лишь разорять умѣла!

Салимень.

Это правда:

Ты эти города соорудилъ,
Хоть изъ одной лишь прихоти, и ты
Ихъ обезсмертилъ надписью, въ которой
Твой стыдъ пройдетъ сквозь длинный рядъ вѣковъ.

Сарданапаль.

Мой стыдъ! клянусь Вааломъ, города,
При всей своей чудесности, не стобать
Той надписи. Что хочешь говори

Ты обо мнѣ, моемъ правленьи, жизни,
 Но истины не порицай; въ немногихъ
 Строкахъ короткой лѣтописи этой
 Содержится исторія всѣхъ дѣлъ
 И жизни человѣка. Слушай: «царь
 Сарданапаль, сынъ Анасиндаракса,
 Воздвигнулъ въ сутки Тарсъ и Анхіаль.
 Вѣшь, пей, люби; все остальное въ мѣрѣ
 Не стоитъ и щелчка.» ³

Салимень.

Урокъ достойный,
 Чтобъ подданнымъ его внушалъ самъ царь!

Сарданапаль.

А ты хотѣлъ, чтобъ я писалъ уставы —
 Какъ, напримѣръ: «народъ! служи царю;
 Плати въ его казну; вступай въ ряды
 Его фалангъ; ни крови не щади,
 Ни жизни для него; лежи во прахѣ
 И трепещи; вставай лишь на работу».
 Иль такъ: «Сарданапаль на этомъ мѣстѣ
 Сто тысячъ неприятелей убилъ.
 Вотъ ихъ гробъ и вотъ его трофей».
 Я это побѣдителямъ оставилъ;
 А для меня довольно, если я
 Для подданныхъ хоть каплею единой
 Грузъ нищеты природной облечу,
 Дамъ въ гробъ сойти безъ стонъ и проклятій.
 Я ни въ одной не отказалъ имъ льготъ,
 Доступной мнѣ. Мы люди, всѣ мы люди.

Салимень.

Отцы твои считались за боговъ.

Сарданапаль.

Въ землѣ и послѣ смерти, гдѣ они
 Ни боги и ни люди. Говори
 Еще ты о богахъ мнѣ! Черви — боги.
 Они живутъ по крайней мѣрѣ мясомъ
 Твоихъ боговъ, съѣдая ихъ до тла.
 Тѣ боги были люди. Погляди
 На ихъ потомка: онъ сто тысячъ разъ
 Свою извѣдалъ смертность и ни разу
 Божественность, — когда не брать въ расчетъ
 Преступнаго, потвоему, влеченья:
 Любить, быть милосердымъ, извинять
 Дурачества людскія—и затѣмъ
 Быть и къ своимъ отчасти благосклоннымъ.

Саликенъ.

Увы! скрѣпленъ, подписанъ приговоръ
 Великой Ниневіи. Горе, горе
 Соперницъ немѣющей столицѣ!

Сарданапаль.

Чего ты испугался?

Саликенъ.

За тобой

Слѣдятъ враги; чрезъ нѣсколько часовъ
 Промчатся можетъ буря, чтобъ сразить
 Тебя, меня и близкихъ намъ обоимъ.
 День завтрашній ужъ можетъ не видать
 Ваалова потомства.

Сарданапаль.

Кто же намъ

Грозить такой бѣдою?

Саликенъ.

Царь! пзмѣна,

Которой ты опутанъ, какъ сѣтями.

Но мы ихъ избѣжимъ: уполномочь
 Меня своимъ лишь перстнемъ—эти козни
 Разоблачить — и головы виновныхъ
 Зачинщиковъ падутъ къ твоимъ ногамъ.

Сардапалъ.

Какъ головы? И много?

Салименъ.

Неужели

Ихъ численность смутить меня, когда
 Твоя въ опасности? Но, царь, пора:
 Дай перстень мнѣ — и предоставь все дѣло.

Сардапалъ.

Нѣтъ, жизнью человѣческихъ не властенъ
 Предоставлять я никому. Когда
 Мы у другихъ беремъ ихъ, мы не знаемъ
 Ни что беремъ, ни даже — что даемъ.

Салименъ.

Уже ль пресѣчь ты не захочешь жизнью,
 Тебѣ грозящихъ смертью?

Сардапалъ.

Это трудный

Опять вопросъ. Но я отвѣчу: да.
 Нельзя ль безъ этого? И кто такіе,
 Кого ты заподозрилъ? Иль нельзя ль
 Подъ стражу посадить ихъ?

Салименъ.

Я бѣ желалъ

До времени быть скромнымъ, а не то,
 Болтливый людъ наперсницъ въ тотъ же мигъ
 Твою узнаетъ тайну, черезъ часъ
 Она пойдетъ по улицамъ столичнымъ
 Гулять безъ покрывала — и тогда
 Погибло все. Довѣрься лучше мнѣ.

Сарданапаль.

Ты зналъ, что я не поступлю иначе.
Вотъ перстень мой.

(Передаетъ перстень.)

Саллименъ.

Но я хочу еще
Тебя просить.

Сарданапаль.

О чемъ?

Саллименъ.

Твой пиръ. ночной
Въ евфратскомъ павильонѣ отложить.

Сарданапаль..

Пиръ отложить! Ни ради всѣхъ воришекъ,
Когда-либо короны воровавшихъ!
Дай время имъ, всѣ средства предоставь:
Ни въ чемъ для нихъ себѣ не откажу я;
Съ скамьи не встану раньше; ни одной
Не воздержуся чашей; ни листка
Въ моемъ вѣнкѣ цвѣточномъ не убавлю;
На мигъ не сокращу веселья. Я
Ихъ не боюсь.

Саллименъ.

Такъ ты по-крайней-мѣрѣ
Вооружись.

Сарданапаль.

Быть можетъ. У меня
Есть доброе вооруженье: мечъ
Высокаго закала, лукъ, копье —
Хоть самому Немвроду только въ пору;
Немного тяжелы, но мнѣ въ подъемъ.
Однако я не помню ужъ, когда

Употреблялъ ихъ — даже на охотѣ.

Ты видѣлъ, братъ, ихъ прежде?

Салимень.

Время ль

Теперь шутить такъ странно? Но въ нуждѣ
Захочешь ли ты ихъ хоть приподнять?

Сарданапалъ.

Я захочу ль? О! если это нужно,
Коль не легко смирить рабовъ безумныхъ
Безъ тяжкихъ средствъ, я подниму мой мечъ,
И я его не опущу дотолъ,
Пока они не взмолятся, чтобъ онъ
Былъ обращенъ въ веретено.

Салимень.

Какимъ,

По ихъ словамъ, твой скипетръ сталъ давно.

Сарданапалъ.

И это ложь! Но пусть ихъ говорить.
У древнихъ грековъ, про которыхъ намъ
Поютъ рабыни наши, былъ герой
Великій—Геркулесъ; о немъ молва
Такая же носилась потому,
Что онъ любилъ лидійскую царицу:
Ты видишь, чернь у всѣхъ народовъ та же:
Всегда чернить властителей готова.

Салимень.

Твоихъ отцовъ, однако, не чернила
Она такъ грубо.

Сарданапалъ.

Нѣтъ; она не смѣла.

Она была работой занята,
Или войной, и ежели скидала

Когда свои оковы, то затѣмь,
 Чтобы надѣть лишь латы; а теперъ
 Ей дали миръ, свободу, позволенье
 Кричать и пить: я не сержусь на это.
 Я не продамъ улыбку милой дѣвы
 За весь народный гуль, какой лишь могъ
 Когда-нибудь ничтожеству дать имя.
 Что значить ревъ безмысленнаго стада
 До наглости раскормленныхъ скотовъ,
 Чтобъ дорожить ихъ шумною хвалою,
 Иль криковъ ихъ противныхъ трепетать?

Саллимонъ.

Но ты сказалъ, что это тоже люди;
 Такъ не забудь — у нихъ есть и сердца.

Сардананапалъ.

У псовъ моихъ есть также, даже лучше,
 Какъ и честнѣй. Но продолжай! ты взялъ
 Мою печать — и какъ они бунтуютъ,
 То усмири; не будь жестокъ, однако,
 Не позабудь границъ. Я не терплю
 Ни самъ страдать, ни заставлять другихъ.
 Довольно съ насъ и безъ того скорбей,
 Чтобы рабы, какъ и монархи, дружно
 Не возвышать старались тяжкій грузъ
 Намъ нищеты врожденной, а скорѣе
 Взаимнымъ вспоможеньемъ облегчать
 Висящія надъ жизнію проклятья.
 Но этого они или не знаютъ,
 Иль не желаютъ знать. Клянусь Вааломъ!
 Я сдѣлалъ все, что только могъ для нихъ:
 Не велъ войны, не возвышалъ налоговъ,
 Не проникалъ въ дома ихъ; позволялъ

Жить всякому, какъ онъ умѣлъ, какъ могъ,
Какъ жилъ и самъ.

Салименъ.

Они же говорятъ,
Что ты забылъ права свои, что быть
Поэтому монархомъ — ты не созданъ.

Сарданапаль.

Но лгутъ они. Къ несчастью, я ничѣмъ
Другимъ не созданъ быть; не то бѣ послѣдній
Могъ мидянинъ и въ правду быть царемъ.

Салименъ.

Есть мидянинъ одинъ, по-крайней-мѣрѣ,
Который домогается имъ быть.

Сарданапаль.

Что разумѣть подъ этимъ? Но ты хочешь,
Чтобъ это оставалось тайной; я
Не такъ и любопытенъ. Дѣлай все,
Что ты найдешь лишь нужнымъ; я заранѣ
Скрѣплю все, когда уже такъ нужно.
Нѣтъ, человѣка не было еще,
Который бы такъ счастья и міра
Желалъ рабамъ подвластнымъ. Но когда
Они вооружать меня, клянусь,
Что лучше бѣ имъ свирѣпаго. Немврода,
«Могучаго ловца» воззвать изъ праха!
Я обращу въ пустыни эти царства,
Звѣрей травить начну въ нихъ, что людьми
Быть сами не хотѣли. Коль за то,
Чѣмъ я имъ былъ, они меня злословятъ,
Я буду тѣмъ, что превзойдетъ ихъ жажду
Изобрѣтать причины для злословья!
И пусть они благодарятъ себя.

Салименъ.

Такъ, наконецъ, почувствовалъ и ты.

Сарданапаль.

Почувствовалъ! да кто жь неблагодарность
Не чувствуетъ?

Салименъ.

Я, вмѣсто словъ, на это
Дѣлами отвѣчать спѣшу. Храни
Лишь этотъ духъ, который спитъ порою,
Но никогда не умиралъ въ тебѣ —
И ты еще и царствованьемъ можешь
Прославиться и въ этомъ царствѣ вновь
Могучимъ быть. Прощай.

Сарданапаль (*одина*).

Прощай.

Вотъ онъ ушелъ и перстень мой на пальцѣ
Унесъ съ собой: теперь онъ тотъ же царь.
А онъ такъ строгъ, такъ строгъ, какъ я безпечень...
Но и рабы, однако, заслужили
Почуять господина надъ собой.
И въ чемъ опасность—я не знаю. Онъ
Ее открылъ — пускай онъ и розыщетъ.
Мнѣ ль тратить жизнь—столь *маленькую* жизнь—
Слѣдя за тѣмъ, что ей грозитъ быть *меньше*?
Да стбитъ ли? И жить подъ страхомъ смерти,
Боясь крамоль, подозрѣвая всюду —
Вблизи, вдали: однихъ за то, что близко,
Другихъ за то, что далеко отъ насъ,
Не значить ли до срока умирать?
Потомъ и то... допустимъ, что сметутъ
Меня съ лица земли и царства, пусть...
Да что земля, иль царство на землѣ?

Я жилъ, любилъ, я умножалъ свой образъ;
 Простая персть должна не меньше просто
 И умереть? То правда, я не лилъ
 Морями кровь, какъ лить бы могъ, покуда
 Тожественнымъ мое не сдѣлалъ имя
 Я именамъ: опала, смерть, трофей.
 Но въ этомъ я не каюсь и теперь.
 Мнѣ жизнь — любовь; и если я до крови
 Дойду когда, то не изъ жажды крови...
 Ея досель не пролито ни капли
 Изъ ассирійской жилы для меня.
 Изъ тяжкихъ грудь сокровищъ Ниневіи
 Ни обола не брошено на тó,
 Чтò стоило бъ ея сынамъ хоть слезки.
 Я мягкосердъ — меня лишь ненавидятъ;
 Я милосердъ — мнѣ угрожаютъ бунтомъ.
 О люди! нѣтъ, не съ скипетромъ, съ косою
 Должно стоять надъ вами, чтобъ косить
 Васъ какъ траву, иль пожинать придется
 Постылый плодъ, гнилую жатву смуть,
 Зловредную для почвы благородной,
 Грозящую пустыней плодородью.
 Что говорить! Гей! ктонибудь! Гей!

(Входитъ служитель.)

Рабъ,
 Скажи гречанкѣ Миррѣ, что мы просимъ
 Ее сюда.

Служитель.

Властитель, вотъ она.

(Входитъ Мирра.)

Сарданпалъ (служителю).

Такъ прочь отсель!

(Миррѣ.)

Прекрасное созданье!

Ты узнаешь во мнѣ желанья сердца:
Едва оно лишь для тебя забилося —
И ты идешь. Я вѣрю, духъ незримый
Какой-то есть, услужливый оракулъ,
Что служить намъ посредникомъ въ разлукѣ
И насъ влечетъ другъ къ другу.

Мирра.

Да, онъ есть.

Сарданапалъ.

Я знаю—есть, но какъ его назвать?
Кто онъ такой?

Мирра.

Въ моей отчизнѣ — Богъ,
Въ моей груди — возвышенное чувство,
Достойное лишь Бога, хотъ оно
Не болѣе, какъ смертно; я не даромъ
Его стыжусь, хотъ нахожу въ немъ счастье...
То есть, могла бы, но...

(Мирра не договариваетъ.)

Сарданапалъ.

Вотъ такъ всегда
Межъ нашими сердцами и межъ тѣмъ,
Что счастиемъ зовемъ мы, будто что-то
Находится. Скажи мнѣ, чѣмъ могу я
Твое упрочить счастье; за свое
Тогда бы я ручался.

Мирра.

Государь...

Сарданапалъ.

Величество — властитель — государь —
Такъ! вѣчно такъ! и все съ подобострастьемъ.

Я не могу улыбки встрѣтить, развѣ
 Средь оргіи въ безсмысленныхъ глазахъ,
 Когда шуты напьются до равенства,
 Иль я до униженья ихъ упьюсь.,
 О Мирра! нѣтъ, довольно, чтó я слышу,
 И болѣе, что я любилъ когда-то,
 То есть, терпѣлъ всѣ эти имена —
 Величество—монархъ—властитель,—царь—
 Изъ устъ сатраповъ и рабовъ. Когда жъ
 Столь нѣжно мной любимыми устами
 Лепечуть ихъ, устами, чтó хранить
 Слѣды моихъ лобзаній—дрожь и холодъ
 Мою объемлють душу, я клянусь
 Ту высоту, куда не смѣютъ чувства
 И даже тѣхъ подняться, для кого
 Во мнѣ и есть лишь чувство; я готовъ
 Забросить въ грязь вѣнецъ мой, чтобъ съ тобой
 Жить въ хижинѣ кавказской, не носитьъ
 Другихъ вѣнцовъ, кромѣ изъ травъ сплетенныхъ.

Мирра.

О еслибъ мы могли!

Сардананалъ

Уже ль и ты

Такъ чувствуешь?

Мирра.

Ты тамъ узнать бы могъ,

Чего ты знать не можешь никогда.

Сардананалъ.

А именно —

Мирра.

Прямую цѣну сердца —

По-крайней-мѣрѣ, — женскаго.

Сарданапалъ.

Я зналъ

Ихъ тысячи и тысячи.

Мирра.

Сердцеъ?

Сарданапалъ.

Я думаю.

Мирра.

Ни одного! но можетъ
Прийти пора; тогда бѣ ты могъ...

Сарданапалъ.

Пора —

Она идетъ. Послушай: Салименъ
Мнѣ объявилъ — а какъ и почему
Онъ самъ узналъ—объ этомъ знаетъ больше
Вааль, родоначальникъ мой, чѣмъ я,
Но Салименъ мнѣ объявилъ, что тронъ
Въ опасности.

Мирра.

Онъ честно поступилъ.

Сарданапалъ.

Ты ль это говоришь? и не тебя ль
Онъ оскорбилъ такъ грубо, разлучилъ
Насильственно со мною и своими
Столь дикими намёками заставилъ
Краснѣть и плакать?

Мирра.

Я должна бы чаще

То и другое дѣлать: онъ напомнилъ
Мнѣ только долгъ... Но ты сказалъ: опасность—
Опасность для тебя!...

Сарданапалъ.

Да; отъ какихъ-то козней,
Иль отъ сътей, отъ мидянъ, отъ солдатъ,
Народовъ недовольныхъ — я не знаю;
Тутъ цѣлый лабиринтъ загадокъ, тайнъ,
Вещей необъяснимыхъ и угрозъ:
Ты знаешь Салимена—для него
Иначе невозможно. Но онъ честенъ.
А впрочемъ... пусть... подумаемъ съ тобой
О праздникѣ полночномъ.

Мирра.

Нѣтъ, пора
Подумать о другомъ. Ты не отвергъ
Его предупрежденій?

Сарданапалъ.

Какъ! и ты
Боишься?

Мирра.

Я? Но я гречанка,
Такъ какъ же я могу бояться смерти?
Раба—такъ почему бы мнѣ страшиться
Моей свободы?

Сарданапалъ.

Почему же ты
Такъ поблѣднѣла?

Мирра.

Я люблю.

Сарданапалъ.

А я?

Я не люблю? Да я люблю тебя,
Какъ не люблю ни этой жизни краткой,

Ни этихъ царствъ обширныхъ, можетъ быть
И вправду угрожаемыхъ; но я —
Я не блѣднѣю.

Мирра.

Знакъ, что ни меня
Не любишь ты, ни самого себя.
Любить нельзя, не дорожа собою,
Хоть для души любимой. И возможно ль
Терять и жизнь и царство такъ безопасно?

Сарданапалъ.

Терять!—Но гдѣ жь отважный бунтовщикъ,
Который бы дерзнулъ ихъ домогаться?

Мирра.

Но гдѣ и тотъ, кого бы онъ робѣлъ
Такъ много предпринять? когда правитель
Народовъ забывается, уже ль
О немъ народъ захочетъ помнить?

Сарданапалъ (мнѣно).

Мирра!

Мирра.

Не хмурься на меня: ты улыбался
Такъ часто мнѣ, что видѣ твоихъ бровей
Нахмуренныхъ—предвѣстниковъ опалы —
Мнѣ тяжелѣй самой опалы. Царь!
Я у тебя въ подданствѣ. Господинъ!
Я у тебя въ рабыняхъ. Человѣкъ!
Я такъ тебя любила. О! любила
Какой-то чудной властью, хоть гречанка —
И потому природный врагъ царей,
Хоть плѣнница—и ненавижу цѣпи,
Іонянка—и страстью къ иноземцу
Унижена страшнѣй самихъ цѣпей!

Но я тебя любила. Если жь эта
 Любовь была способна побѣдить
 И самую природу, неужель
 Спаси тебя въ ея права не входить?

Сарданапаль.

Спаси меня! Ты такъ прекрасна; я
 Ищу въ тебѣ любви, а не спасенья.

Мирра.

Уже ль есть безопасность безъ любви?

Сарданапаль.

Я говорю про женскую любовь.

Мирра.

Грудь женщины поитъ васъ первой жизнью:
 Словечкамъ первымъ научаютъ васъ
 Ея уста; ея рука слезинки
 Вамъ отираетъ первому и вздохъ
 Послѣдній вашъ какъ часто принимаетъ
 Слухъ женщины, межъ тѣмъ какъ родъ мужской
 Въ послѣднюю минуту отступаетъ
 И отъ того, кто былъ ему вождемъ.

Сарданапаль.

Моя краснорѣчивая гречанка!
 Ты говоришь какъ музыка, тотъ хоръ
 Трагическій — любимая забава
 Въ твоей отчизнѣ, по твоимъ словамъ...
 Ты плачешь? успокойся.

Мирра.

Я не плачу,
 Но я молю тебя — не говори
 Ни о моихъ отцахъ, ни ихъ отчизнѣ.

Сарданапаль.

Но ты такъ часто говоришь о нихъ.

Мирра.

Да, правда, правда: думы неотступной
Я не могу не выражать въ словахъ.
Но ежели другіе говорятъ
О Греціи — мнѣ больно.

Сардананалъ.

Хорошо;

Такъ какъ же ты спасти меня хотѣла?

Мирра.

Внушивъ тебѣ желаніе спасти
И самого себя и эти царства
Отъ ужасовъ опаснѣйшей изъ войнъ,
Войны межъ братьями.

Сардананалъ.

Къ чему, дитя?

Да я и такъ и воиновъ и войны,
Какъ язву, презираю; я живу
Средь мирныхъ благъ и въ мирѣ: что еще,
Какъ человѣкъ, могу я?

Мирра.

Государь!

Чтобъ сохранить благодѣянья мира,
Нерѣдко видъ войны необходимъ;
И для царей порой бываетъ лучше
Внушать боязнь, чѣмъ заставлять любить.

Сардананалъ.

Изъ двухъ всегда послѣдняго искалъ я.

Мирра.

И вотъ то и другое потерялъ.

Сардананалъ.

И это ты мнѣ, Мирра, говоришь?

Мирра.

Я говорю лишь о любви народной,
Гражданской, той, когда законъ и страхъ

Народомъ управляютъ, такъ что онъ,
 Бывъ содержимъ въ границахъ, между тѣмъ
 Не чувствуетъ и гнёта, иль порою
 И чувствуетъ, но видитъ въ немъ оплотъ
 Отъ худшаго, послѣдняго изъ гнётовъ —
 Отъ тиранинн собственныхъ страстей.
 Царь праздниковъ, любви, цвѣтовъ, веселья
 Не можетъ никогда царемъ быть славы.

Сарданапалъ.

Что́ это значить — слава?

Мирра.

У боговъ —

Отцовъ своихъ спроси.

Сарданапалъ.

Они не скажутъ;

Да и жрецы намъ говорятъ за нихъ
 Изъ кой-какихъ лишь приращеній къ храму.

Мирра.

Такъ загляни хоть въ лѣтописи царства
 И первыхъ основателей его.

Сарданапалъ.

Все не могу; они такъ страшно кровью
 Запачканы. И для чего? вѣдь царство
 Основано. Нельзя же безконечно
 Мнѣ умножать владѣнья.

Мирра.

Сохрани

Хотя свои.

Сарданапалъ.

Я ими насладиться

Хочу по-крайней-мѣрѣ. Мирра, что́ жь
 Намъ время на Евфратъ; уже галера
 Причалена; зоветъ условный часъ;

Лишь павильонъ , украшенный для пира
 Вечернаго, заблещетъ красотой
 И заревомъ , чтобы звѣздамъ небеснымъ ,
 Представиться отвѣтною звѣздой ,
 Мы будемъ возлежать тамъ съ головами
 Вѣнчанными какъ...

Мирра.

Жертвы.

Сарданапаль.

Нѣтъ — цари ,
 Какъ-будто бы тѣ пастыри-цари
 Временъ патріархальныхъ , что не знали
 Каменьевъ ослѣпительнѣй цвѣтовъ ,
 Что на своихъ триумфахъ не видали
 Ни слезъ , ни крови.

(Входитъ Панія.)

Панія.

Царь , живи во вѣки.

Сарданапаль.

Пока люблю , и болѣе ни часу.
 О , какъ языкъ я этотъ ненавижу ,
 Что дѣлаетъ изъ жизни ложь , и праху
 Льститъ вѣчностью ! Такъ Панія.
 Будь кратокъ.

Панія.

Я отъ Салимена; онъ
 Еще разъ умоляетъ , чтобы царь
 Не покидалъ дворца по-крайней-мѣрѣ
 На эту ночь: вернувшись , онъ представитъ
 Всѣ доводы , что могутъ оправдать
 Его предупрежденья и , быть можетъ ,
 Прощеніе за смѣлость заслужить —

Сарданшаль.

Такъ я уже въ осаду? я въ плѣну?
 Мнѣ не велятъ дышать дыханьемъ неба?
 Скажи жь ты Салимену: еслибъ вся
 Вкругъ этихъ стѣнъ кипѣла Ассирія
 Мирьядами сбѣсившихся рабовъ,
 Я и тогда бь не побоялся выйти.

Нанія.

Я принужденъ повиноваться; только...

Мирра.

Властитель, вразумись! — какъ много дней
 И мѣсяцевъ средь этихъ стѣнъ дворцовыхъ
 Ты проводилъ въ безопасномъ забытьи,
 Очей толпы не радуя собою.
 Ты не казалъ лица, межъ тѣмъ какъ вопли
 Народа раздавались, беззаконья
 Сатраповъ вопіяли, оставались
 Безъ поклоненья боги, безначалье
 Повсюду воцарялось, сонъ могильный
 Все обнималъ собою, кромѣ зла!
 Что жь значить день, единый день, могущій,
 Быть можетъ, искупить тебя? Уже ль
 Столь вѣрнымъ, столь немногимъ столь немного
 Ты уступить не можешь ни для нихъ,
 Ни для себя, ни для потомства славныхъ
 Твоихъ отцовъ, ни для наслѣдья малыхъ
 Твоихъ дѣтей?

Нанія.

Царь! это справедливо.
 Заботливость, съ которой князь отправилъ
 Меня, раба, къ тебѣ, мой повелитель,
 Велить и мнѣ возвысить голосъ слабый,
 Чтобъ повторить что слышалъ ты сейчасъ.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, этого не будетъ!

Мирра.

Заклинаю

Тебя твоимъ престоломъ...

Сарданапалъ.

Прочь!

Панія.

Во имя

Тѣхъ подданныхъ, которыхъ собираешь
Вокругъ тебя ихъ вѣрность...

Сарданапалъ.

Это бредни!

Опасности и не было и нѣтъ.

Весь этотъ планъ устроенъ Салименомъ,
Чтобъ доказать его преданность къ намъ
И показать яснѣй необходимость.

Мирра.

Во имя всякой славы и добра,
Прими благой совѣтъ...

Сарданапалъ.

Дѣла — до утра.

Мирра.

А если смерть въ ночи?

Сарданапалъ.

Такъ что жь? пускай...

О! пусть ее придетъ она неожиданной
Среди утѣхъ, забавъ, любви, веселья;
Пусть я паду, какъ сорванная роза —
И лучше такъ, чѣмъ увидать!

Мирра.

Такъ ты

Ни ради всѣхъ упорныхъ настояній,
Когда-либо отъ лѣни пробуждавшихъ

Бездѣйственныхъ монарховъ, отложить
Не хочешь этотъ праздникъ?

Сарданапалъ.

Нѣтъ.

Мирра.

Такъ ради

Моихъ хоть настояній — для меня.

Сарданапалъ.

Тебя, мое дитя?

Мирра.

И это первый

Мнѣ будетъ даръ, какого лишь просила

Я у тебя, владыка ассирійскій.

Сарданапалъ.

Да, это такъ; будь это даже царство —

Я подарить обязанъ. Для тебя

Я уступлю. Прочь, Панія! Ты слышишь?

Панія.

И повинуюсь.

(Панія уходитъ.)

Сарданапалъ.

Мирра, я тобою

Такъ удивленъ. Быть столько неотступной...

Что́ этому причиной?

Мирра.

Безопасность

Особы государя; убѣжденье,

Что́ ни за что́ просить бы у тебя

Столь многого твой князь не согласился,

Когда бъ не велика была опасность.

Сарданапалъ.

Я не боюсь; зачѣмъ же ты боишься?

Мирра.

Я не сама, я за *тебя* боюсь.

Сарданапалъ.

Ты завтра же надъ этою боязнью
Лишь будешь улыбаться.

Мирра.

Или буду,
Быть можетъ, тамъ, гдѣ ни о чемъ не плачутъ —
И здѣсь не улыбаться мнѣ; тѣмъ лучше...
А ты?

Сарданапалъ.

Я быть могу царемъ лишь.

Мирра.

Гдѣ?

Сарданапалъ.

Тамъ, гдѣ Ваалъ, Немродъ, Семирамида;
Коль въ этой Ассиріи, такъ одинъ,
Коль внѣ ея, такъ съ ними: мнѣ судьбою
Назначено, чтобъ я былъ тѣмъ, что есть;
Ей стобить захотѣть — и я не буду
Совсѣмъ ничѣмъ; но долженъ ли остаться
Я чѣмъ-нибудь, или сдѣлаться ничѣмъ?
Униженнымъ я жить не захочу.

Мирра.

Когда бъ ты такъ лишь чувствовалъ всегда,
Кто бъ смѣлъ тебя когда-нибудь унижить?

Сарданапалъ.

А кто жъ теперь намѣренъ это сдѣлать?

Мирра.

Ты никого подозрѣвать не хочешь?

Сарданапалъ.

Подозрѣвать? на это есть шпионы.
Но стоятъ ли подобныя слова
О мелочи подобной тѣхъ мгновений,

Которыя мы тратимъ? Кто тутъ есть?
 Рабы! — вечерній пиръ устроить намъ
 Въ Немвродовой палатѣ: коль дворець
 Мнѣ долженъ быть темницей, такъ оковы
 Свои носить мы весело хотимъ.
 Пусть берега прекрасные Евфрата,
 Пусть лѣтній нашъ евфратскій павильонъ
 Для насъ запрещены — мы безопасны
 Покуда здѣсь. Гей! кто тутъ есть? рабы!
 (*Сарданпалъ уходитъ.*)

Мирра (одна).

Зачѣмъ такъ милъ мнѣ эготъ человекъ?
 Въдѣ дочери моей отчизны любятъ
 Героевъ лишь. Но гдѣ моя отчизна?
 Все для рабы утрачено, лишь цѣпи
 Остались ей. Но я его люблю,
 Хотя нѣтъ цѣпей столь тягостныхъ, какъ эта
 Любовь безъ уваженья! Но пускай...
 Часъ настаетъ, когда бѣ найти онъ радъ былъ
 Любовь во всѣхъ и не найдетъ ни въ комъ.
 Теперь его оставить было бѣ ниже,
 Чѣмъ сколько быть возвышеннымъ могло
 Въ глазахъ моей отчизны — поразить
 Его въ величьи и на тронѣ. Я
 Ни для чего не создана такого.
 Ахъ, еслибъ я спасла его! быть можетъ,
 Я и себя могла бы уважать...
 Я такъ нуждаюсь въ этомъ; я такъ пала
 И въ собственныхъ ужъ мысляхъ, полюбивъ
 Такого иноземца... Между тѣмъ
 Мнѣ кажется, что я еще нѣжиѣ
 Его люблю, наперекоръ тому,

Что варвары, враги моей отчины,
 Его такъ ненавидятъ... О! когда бь
 Въ его груди я пробудить могла
 Хотя одну изъ тѣхъ высокихъ думъ,
 Чтó вдохновляли даже и фригійцевъ,
 Сражавшихся у илiонскихъ стѣнъ! —
 Онъ варваровъ смирилъ бы; онъ бы въ землю
 Втопталъ всѣ эти шайки! Онъ меня,
 Свою рабу, такъ любить, и раба
 Такъ любить господина, что его
 Освободить желаетъ... отъ порока.
 Не то, другой я знаю путь къ свободѣ:
 Коль быть царемъ его не научу,
 Я покажу, какъ царь покинуть тронъ
 Единственно лишь можетъ. Но его
 Я не должна терять теперь изъ виду.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Преддверіе той же палаты.

Белезкъ (одинъ).

Ужъ гаснетъ день, но солнце закатится
 Какъ-будто бы не хочетъ, взглядъ прощальный
 Кидая Ассиріи. Какъ оно,
 Багровѣя межъ облаковъ печальныхъ,

На эту кровь похоже, о которой
 Оно же предвѣщаетъ. О! когда
 Ты, солнце заходящее, вы, звѣзды
 Изъ-за него встающія! когда
 Я наблюдалъ за вами не напрасно,
 Лучъ за лучомъ читая приговоры
 Небесныхъ вашихъ тѣлъ, межъ тѣмъ какъ время
 Безстрастное дрожало, что народамъ
 Такъ много бѣдъ несло — то Ассирія
 Послѣдній доживаетъ часъ! Какая,
 Однако, тишина! Землетрясенье
 Должно бѣ стонать передъ такимъ паденьемъ —
 И что жъ? о немъ намъ предвѣщаетъ солнце
 Вечернее. Халдей и звѣздочеть
 На этотъ дискъ глядятъ, какъ на страницу
 Безсмертную и видятъ въ ней конецъ
 Тому, что намъ казалось безконечнымъ.
 Но солнце, истинное солнце! ты —
 Пылающій оракуль, ты — великій,
 Всемирный прорицатель, всякой жизни
 Таинственный посредникъ и символъ
 Того, кто жизнь даетъ! Увы! доколь
 Предѣлъ ты не положишь откровеньямъ
 Однихъ лишь золь? Зачѣмъ не предсказать бы
 Дней болѣе достойныхъ твоего
 Изъ-за морей всеславнаго восхода?
 Зачѣмъ лучомъ надежды не блеснуть,
 Хоть временамъ грядущимъ, если къ нашимъ
 Печальнымъ днямъ твой гнѣвъ неумолимъ?
 Услышь, услышь меня! я жрецъ твой,
 Поклонникъ твой, служитель; на тебя
 Любилъ глядѣть я при твоёмъ восходѣ

И при твоёмъ закатѣ, поникалъ
 Я головой передъ тобой въ полудни,
 Когда мой взоръ не выносилъ тебя;
 Я ждалъ тебя, встрѣчалъ тебя; молился,
 Служилъ тебѣ, я чтилъ тебя, боялся,
 Гадалъ и вопрошалъ тебя — и ты
 Мнѣ отвѣчала, впрочемъ... столько жъ. Но
 Межъ тѣмъ, какъ я взывалъ къ нему о знаньи,
 Оно совсѣмъ зашло уже, покинувъ
 Намъ за собой свою лишь красоту —
 И славой умиравшей своею
 Возвеселивъ и разурянивъ западъ.
 Что жъ значитъ смерть, чтобъ быть столь ве-
 личавой?

Простой закатъ; но смертные за счастье
 Должны считать, что на боговъ похожи
 Они въ одной лишь смерти... ⁴

(Входитъ Арбакъ.)

Арбакъ.

Чѣмъ глубоко такъ занять? Неужель
 Ты хочешь вслѣдъ исчезнувшему богу
 Проникнуть въ даль невѣдомаго дня?
 Мы дѣло лишь имѣемъ съ ночью; ночь
 Идетъ.

Белезисъ.

Но не прошла.

Арбакъ.

Пускай свой саванъ
 Она распростираетъ — мы готовы.

Белезисъ.

О еслибы она ужъ миновала!

Арбакъ.

Уже ль пророкъ въ побѣдѣ не увѣренъ,
Когда ее предвозвѣщаютъ звѣзды?

Белезисъ.

Я не на счетъ побѣды сомнѣваюсь,
А побѣдителя...

Арбакъ.

Пускай наука

Твоя о немъ гадаеть; между тѣмъ
Я столько приготовилъ свѣтлыхъ копій,
Что блескъ планетъ — союзниковъ твоихъ
Померкнетъ передъ ними. Что насъ можетъ
Остановить? — Дѣвичій этотъ царь
Въ сей самый часъ быть долженъ на Евфратѣ,
Въ кругу своихъ наперсницъ и подругъ.
Объ этомъ былъ приказъ. Но я клянусь,
Что первая имъ выпитая чаша
Для племени Немврода навсегда
Останется послѣдней.

Белезисъ.

Это племя

Такъ было знаменито!

Арбакъ.

Какъ безславно

Оно теперь; оно ужъ износилось,
Такъ мы его исправимъ.

Белезисъ.

Ты увѣренъ?

Арбакъ.

Его родоначальникъ былъ ловець,
А я солдатъ — чего же тутъ бояться?

Белезисъ.

Солдаты.

Арбакъ.

Быть можетъ, и жрецовъ; но если
Ты и всегда такъ думалъ, такъ зачѣмъ
Царя не воздержать бы отъ наложницъ?
Зачѣмъ вооружать меня? зачѣмъ
Задумывать подобный планъ, который
Скорѣй тебѣ принадлежитъ, чѣмъ мнѣ?

Белезисъ.

Взгляни на небеса.

Арбакъ.

Гляжу.

Белезисъ.

Что видишь?

Арбакъ.

Простой вечерній свѣтъ и хороводы
Небесныхъ звѣздъ.

Белезисъ.

Замѣть межъ нихъ одну,
Ту — вставшую всѣхъ раньше и свѣтлѣе,
Дрожащую, какъ-будто потонуть
Ей хочется въ эфиръ.

Арбакъ.

Что жь отсель?

Белезисъ.

Она звѣзда судьбы твоей, твой рокъ.

Арбакъ (*хватаясь за ножны*).

Моя звѣзда вотъ здѣсь, въ моихъ ножнахъ.
Когда она заблещетъ — всѣ кометы
Лишь искрами покажутся; такъ лучше
Подумаемъ, какъ повести намъ дѣло,

Чтобъ оправдать и самыя планеты
И всѣ ихъ прорицанья. Если мы
Одержимъ верхъ — соорудимъ имъ храмы,
Дадимъ жрецовъ; ты будь архіереемъ
Боговъ — какихъ захочешь только самъ.
Я замѣчалъ, что боги справедливы
Почти всегда и признаютъ храбрѣйшихъ
За самыхъ богомольныхъ безъ труда.

Белезисъ.

И самыхъ богомольныхъ за храбрѣйшихъ.
Ты не видалъ меня бѣгущимъ съ поля.

Арбакъ.

О нѣтъ! въ тебѣ достоинъ уваженья
На столько же искусный жрецъ халдейскій,
Какъ и отважный вавилонскій вождь.
Теперь одно: ты долженъ согласиться
Забыть жреца, чтобъ воинномъ остаться.

Белезисъ.

Зачѣмъ не быть обоими?

Арбакъ.

Тѣмъ лучше.

Однако я стыжусь почти — какъ мало
Намъ совершить придется. Побѣдитель
Лишь можетъ ждать безславья отъ такой
Войны женоподобной. Пошатнуть
Кровавый тронъ подъ деспотомъ угрюмымъ,
Стащить его съ престола, съ нимъ обняться,
Перекреститься сталью, тутъ равно
Бозвышенно — и пасть и побѣдить.
Но мечъ поднять на этого червя,
Быть можетъ, слышать пискъ его...

Белезисъ.

О, нѣтъ!

Въ немъ есть черты, которыя тебя
Заставятъ состязаться съ нимъ. Но пусть
Онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ хочешь ты, такъ въ
стражѣ

Бойцовъ ты встрѣтишь добрыхъ; въ ихъ челѣ
Стоитъ холодный, строгій Салименъ.

Арбакъ.

Мы ихъ сомнемъ.

Белезисъ.

Какъ знать? они солдаты.

Арбакъ.

Поэтому солдатъ бы долженъ быть
Надъ ними и вождемъ.

Белезисъ.

Но Салименъ

Таковъ и есть.

Арбакъ.

Но не таковъ ихъ царь.

И самый Салименъ хотъ управляетъ
Созданьемъ этимъ жалкимъ, тѣмъ не меньше
Его онъ ненавидитъ за сестру.
Замѣть, какъ онъ желаетъ быть далекимъ
Отъ всѣхъ пировъ?

Белезисъ.

За то не отъ совѣта;

Онъ тамъ всегда изъ первыхъ.

Арбакъ.

Такъ; и вѣчно

Тамъ слышитъ прекословье. И чего
Не достаетъ, чтобъ обратитъ его

Въ бунтовщика? Престоль покрытъ позоромъ,
Онъ самъ въ пренебреженьи, кровь его
Поругана; да мы ведемъ все дѣло
Какъ бы затѣмъ, чтобъ онъ былъ отомщенъ.

Белезисъ.

Но такъ ли онъ глядитъ на это самъ?

Арбакъ.

Что, еслибъ испытать его?

Белезисъ.

Да-да,

Лишь случай бы позволилъ намъ.

(Входитъ Балеа.)

Балеа.

Сатрапы,

Царь въ эту ночь желаетъ васъ обоихъ
Увидѣть на пиру.

Белезисъ.

Повиноваться —

Нашъ долгъ. На берегахъ Евфрата?

Балеа.

Нѣтъ;

Здѣсь, во дворцѣ.

Арбакъ.

Какъ! во дворцѣ? Приказъ
Былъ не такой.

Балеа:

Теперь онъ этотъ самый.

Арбакъ.

Но почему?

Балеа.

Мнѣ неизвѣстно. Я
Могу идти?

Арбакъ.

Постой !

Белезисъ (Арбаку, тихо).

Пускай его

Идетъ своей дорогой.

(Къ Балеа.)

Балеа,

Благодари монарха, поцалуй
Полу его одежды, передай,
Что мы принять готовы будемъ крохи,
Что унадутъ съ его трапезы царской.
А часъ назначенный, вѣдь, полночь?

Балеа.

Да;

Въ немвродовой палатѣ. Я склоняюсь
Предъ вами, властелины, и иду.

(Уходитъ.)

Арбакъ.

Я этой перемѣной недоволенъ:
Тутъ что-нибудь скрывается. Зачѣмъ
Перемѣнить вдругъ мѣсто?

Белезисъ.

Развѣ онъ

Не каждый день мѣняется такъ точно,
Безъ видимой причины? Ничего
Не можетъ быть причудливѣе лѣни;
Ея скачки предугадать труднѣй,
Чѣмъ планъ вожда, когда въ своихъ движеньяхъ
Онъ обмануть старается врага.
О чемъ ты размышляешь?

Арбакъ.

Онъ любилъ

Свой павильонъ веселый; это лѣтний
Его дворецъ любимый.

Белезисъ.

Онъ царицу

Свою любилъ и тысячи развратницъ
Кромъ нея; любя разнообразье,
Онъ все любилъ на свѣтѣ, исключая
Лишь мудрости и славы.

Арбакъ.

Не могу

Я съ этимъ примириться; онъ свой планъ
Перемѣнилъ; уже ли оставаться
Мы будемъ при своемъ? Взять эту башню
Пустынную, сонливый караулъ
И пьяныхъ царедворцевъ разогнать —
Все такъ не трудно, но въ палатѣ
Немвродовой...

Белезисъ.

И это такъ? давно ли

Ты, какъ герой, стыдился одного —
Взойти на тронъ какъ на скамью простую?
Уже ль одна, двѣ лишнія ступени,
Чѣмъ ты считалъ, тебя такъ напугали?

Арбакъ.

Когда наступить часъ, то ты увидишь,
Боюсь ли я; ты жизнь мою на ставкѣ
Видалъ не разъ — я весело игралъ;
Но тутъ не жизнь, тутъ болѣе, тутъ царство.

Белезисъ.

И я его тебѣ ужъ предсказалъ.

Впередъ! и будешь царь.

Арбакъ.

О! будь я прорицатель —

Я бъ самъ себѣ не меньше предсказалъ!

Пусть звѣзды оправдаются — я съ ними,
 Ни съ ихъ пророкомъ спорить не могу.
 Кто тамъ?

(Входитъ Салимень.)

Салимень.

Сатрапы!

Белезисъ.

Князь!

Салимень.

Какъ это встати!

Я васъ искалъ обоихъ, но не здѣсь,
 Не во дворцѣ.

Арбакъ.

Зачѣмъ же нѣтъ?

Салимень.

Да часть

Не наступилъ.

Арбакъ.

Какъ часть? какой же часть?

Салимень.

Полночи.

Белезисъ.

Князь! полночи?...

Салимень.

Вы навѣрно

Приглашены?

Белезисъ.

О да! но мы забыли.

Салимень.

О царскомъ приглашеньи?

Арбакъ.

Нѣтъ; но намъ

Сейчасъ о немъ сказали.

Салименъ.

Если такъ,

Зачѣмъ вы здѣсь?

Арбакъ.

По долгу.

Салименъ.

По какому?

Белезисъ.

По долгу нашихъ мѣстъ; намъ право входа
 Къ монарху предоставлено; но мы
 Его здѣсь не находимъ — вотъ и все.

Салименъ.

Я также здѣсь по долгу.

Арбакъ.

Намъ позволять

Узнать его подробнѣй?

Салименъ.

Взять двоихъ

Измѣнниковъ подъ стражу. Стража! гей!

(Входитъ стража.)

Мечи свои, сатрапы.

Белезисъ *(откладываетъ свой мечъ).*

Князь! вотъ мой.

Арбакъ *(обнаживаетъ мечъ).*

Вотъ мой — прими!

Салименъ.

Приму.

Арбакъ.

Одинъ клинокъ,

Но въ сердце — не иначе; съ рукояткой
 Живой я не разстанусь.

Салименъ.

Какъ! со мною

Ты вздумалъ спорить? Такъ тебя избавятъ

Отъ фальши при вопросахъ и отъ пытки?
Солдаты! вотъ вамъ бунтовщикъ: убейте!

Арбакъ.

Солдаты — да. *Одинъ* ты не посмѣлъ бы.

Салименъ.

Хвастливый рабъ! да что жь въ тебѣ такого,
Предъ чѣмъ бы князь былъ долженъ отступитъ?
Не силой ты опасенъ намъ — измѣной.
Какой ты левъ? Когда бь не ядъ змѣиный
Въ твоихъ зубахъ — они ничто. Разите!

Белезисъ.

Арбакъ! ты помѣшался: развѣ я
Противился отдать ему свой мечъ?
Довѣрся правосудію царя.

Арбакъ.

Нѣтъ, я скорѣй довѣрюсь ужь звѣздамъ
И этой свѣтлой стали; умирать,
Такъ умирать царемъ... по-крайней-мѣрѣ
Дыханія и тѣла своего:
Чужая цѣпь ихъ тяготитъ не будетъ.

Салименъ (*къ стражи*).

Вы слышали обоихъ насъ. Возьмите!
Не то убейте тутъ!

(Стража нападаетъ на Арбака, который защищается столь храбро и искусно, что приводитъ ее въ замѣшательство.)

Салименъ.

Что жь это значить?

Уже ль я самъ быть долженъ палачомъ?
Бездѣльники! вотъ какъ должно солдату
Наказывать измѣну!

(Салименъ нападаетъ на Арбака. Входитъ Сарданапалъ со свитою.)

Сарданапалъ.

Стойте! стойте
 Подъ страхомъ вашей жизни! Какъ, вы глухи?
 Пьяны?... Мой мечъ... Безумецъ! я забылъ,
 Что не ношу меча. Сюда, пріятель,
 Подай мнѣ твой палашъ!

*(Сарданапалъ вырываетъ оружіе у одного изъ стра-
 жи и становится между сражающимися.)*

Сарданапалъ.

Что мнѣ теперь мѣшаетъ васъ обоихъ
 Тутъ заколотъ, какъ дерскихъ крикуновъ?

Белезисъ.

Монархъ! будь правосуденъ.

Салименъ.

Иль будь слабъ.

Сарданапалъ (поднимая мечъ).

Еще!

Салименъ.

Рази! лишь не забудь потомъ
 Измѣнника, котораго для пытки
 Ты, вѣрно, пощадишь теперь на-время.
 Рази! — и я доволенъ.

Сарданапалъ.

Какъ, его?

Кто смѣетъ обвинять Арбака?

Салименъ.

Я.

Сарданапалъ.

Уже ли? Князь, ты позабылся. Кто
 Тебѣ далъ право?

Салименъ (показывая перстень).

Ты.

Арбакъ (въ смущеніи).

Онъ въ царскомъ перстнѣ.

Салименъ.

Да! это подтвердитъ самъ царь.

Сарданапалъ.

Но я

Ввѣрялъ его тебѣ не съ этой цѣлью.

Салименъ.

Ты съ нимъ ввѣрялъ свою мнѣ безопасность —

Я сдѣлалъ все, что находилъ полезнымъ.

Будь самъ теперь судьбою: я твой рабъ,

Но мигъ назадъ — я былъ твой представитель.

Сарданапалъ.

Сперва мечи въ ножны.

(Арбакъ и Салименъ повинуются.)

Салименъ.

Я свой вложилъ;

Молю тебя, ты не влагай лишь свой:

Онъ скипетръ твой единственный теперь.

Сарданапалъ.

Тяжелый скипетръ; притомъ онъ рукояткой

Мнѣ руку оцарапалъ.

(Воину.)

Другъ, возьми

Назадъ твое оружье. Ну, вельможи,

Что жъ это означаетъ?

Белезисъ.

Князь одинъ

Тебѣ отвѣтъ дать долженъ.

Салименъ.

Правоту

Со стороны моей, измѣну — съ ихъ.

Сарданапалъ.

Арбакъ — измѣнникъ! Белезисъ — предатель!
Я этому союзу не повѣрю.

Белезисъ.

Гдѣ доказательство?

Салименъ.

Я укажу ихъ,
Пускай лишь царь у твоего собрата —
Измѣнника потребуеть меча...

Арбакъ.

Меча, который наравнѣ съ твоимъ
Я поднималъ противъ его враговъ.

Салименъ.

И поднялъ противъ брата; черезъ часъ
Противъ него поднимешь самого.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, это невозможно; онъ не смѣетъ;
Я не хочу и слушать. При дворахъ
Причиною подобныхъ ссоръ бываютъ
Всегда льстецы, продажные шпионы,
Которыхъ жизнь лишь въ томъ и состоитъ,
Чтобъ клеветать на жизнь людей почтенныхъ.
Ты, братъ, могъ быть обманутъ.

Салименъ.

Но пускай
Онъ сниметъ хоть оружіе свое,
Чтобъ доказать тебѣ свое подданство.
Я отвѣчать берусь за все.

Сарданапалъ.

Будь я
Лишь убѣжденъ; но это невозможно.
Какъ? мидянинъ Арбакъ, столь прямодушный,

Прямой солдатъ, онъ — лучший предводитель
 Военныхъ нашихъ силъ! — нѣтъ, нѣтъ! его
 Я такъ не оскорблю! — какъ? — мечъ отнять? —
 И у кого? кто имъ разилъ такъ страшно
 Моихъ враговъ! Сатрапъ, храни свой мечъ.

Салимень (славо перстень).

Монархъ, возьми назадъ свой перстень.

Сарданапалъ.

Нѣтъ,

Оставь его; лишь помни снисхожденье.

Салимень.

Я бралъ его для сохраненья чести
 Твоей, мой царь; но такъ-какъ черезъ это
 Оскорблена моя — возьми его,
 Или отдай Арбаку.

Сарданапалъ.

Я бы отдалъ,

Когда бъ онъ сталъ просить.

Салимень.

О, будь увѣренъ,
 Безъ этого ничтожнаго обряда
 Имѣть его онъ будетъ.

Белезисъ.

Я не знаю,
 Что князя такъ могло предубѣдить
 Противъ двухъ подданныхъ, своимъ раченьемъ
 О благѣ Ассиріи столь извѣстныхъ.

Салимень.

Молчи, злой жрецъ! молчи, солдатъ невѣрный!
 Въ твоемъ лицѣ всѣ худшіе пороки
 Опаснѣйшихъ сословій на землѣ.
 Побереги медовыя слова

И проповѣдь фальшивую для тѣхъ,
 Кому ты неизвѣстенъ. Твой собратъ
 По-краней-мѣрѣ смѣлъ, безъ всякихъ штукъ,
 Которымъ ты въ Халдеѣ научился.

Велезисъ.

Прислушай же, властитель, сынъ Ваала!
 Онъ говоритъ кощунство противъ вѣры
 Твоей страны, творящей поклоненье
 Твоимъ отцамъ.

Сарданапалъ.

О! что до этого —
 Оставь ему грѣхъ его; онъ въ правѣ
 Покойниковъ считать за мертвецовъ.
 Я чувствую, что смертенъ, и я вѣрю,
 Что и отцы столь смертнаго потомка
 Лишь то и есть, что видимъ мы — *зола*.

Велезисъ.

О царь! не думай такъ; они съ звѣздами
 И между нихъ...

Сарданапалъ.

Не хочешь ли и ты къ нимъ?
 Такъ продолжай! Вотъ это такъ измѣна.

Саллименъ.

Мой государь!

Сарданапалъ.

Преподавать мнѣ вѣру —
 Чтить идоловъ халдейскихъ! Ты свободенъ,
 Возьми свой мечъ.

Саллименъ.

Мой царь, мой повелитель,
 И напоследокъ братъ мой, умоляю —
 Остановись!

Сарданапалъ.

Да-да, чтобъ обезумѣть,
 Чтобъ до конца дослушать эту сказку
 О мертвецахъ, Ваалъ, о звѣздахъ,
 И обо всѣхъ ихъ тайнахъ.

Белезисъ.

Царь! чти звѣзды.

Сарданапалъ.

О что до нихъ — я ихъ люблю: люблю
 На темной синевѣ слѣдить за ними;
 Ихъ сравнивать люблю съ очами Мирры;
 Люблю лучей ихъ томное сіянье
 На серебрѣ трепещущей волны
 Зыбучаго Евфрата, между тѣмъ,
 Какъ ввторокъ полночный надъ рѣкою
 Широкою чуть дышетъ и тростникъ,
 Служащій ей каймою, колыхаетъ...
 Но сами ль это боги—какъ одни
 Намъ говорятъ, жилища ли боговъ —
 Какъ говорятъ другіе, иль простые
 Лишь фонари, міры, или міровъ
 Одно лишь отраженье—я не знаю
 И знать не беспокоюсь. Есть въ моемъ
 Невѣдѣннѣ невѣдомая сладость,
 Которой я не отдалъ бы за всю
 Халдейскую премудрость, и потомъ
 О нихъ и обо всемъ, что выше насъ,
 Иль ниже насъ, я знаю все, что знать
 Возможно праху—ничего. Я вижу
 Ихъ красоту, я чувствую ихъ блескъ;
 Когда они зажгутся надъ моею

Могилою — я больше *ничего*
Не буду знать.

Белезисъ.

Скажи скорѣе: *все*.

Сарданапалъ.

Я буду ждать и этого всезнанья,
Когда того первосвященникъ захочетъ.
А между тѣмъ возьми свой мечъ и знай,
Что я въ тебѣ всегда первосвященству
Предпочитаю солдатство, хоть обоихъ
Я не люблю.

Саллименъ (тихо).

Увы! онъ обезумѣлъ
Почти совсѣмъ. Но я его спасу
Наперекоръ ему.

Сарданапалъ.

Такъ вотъ, сатрапы,
Что я теперь скажу вамъ, и всѣхъ прежде
Тебѣ, мой жрецъ—тебѣ я довѣрю
Не столько какъ солдату, и совсѣмъ
Не вѣрилъ бы, не будь на половину
Ты воиномъ: мы расстаемся въ мирѣ.
Я говорить не буду о прощеньи:
Его даютъ виновнымъ; такими
Я васъ не признаю; хоть ваша жизнь
Одно мое дыханье — особливо
Будь я доступенъ страху; но не бойтесь:
Я столько же безстрашенъ, какъ не страшенъ,
А потому — живите. Будь я тѣмъ,
Хотя отчасти, чѣмъ меня считаютъ,
Такъ съ высоты воротныхъ перекладинъ
Вотъ этого дворца послѣдней кровью

Теперь бы ваши головы сочились
 Въ сухую пыль — единственную долю
 Вскружившаго ихъ царства, надъ которой
 Имъ царствовать пришлось бы; но теперь
 Мы этого избѣгнемъ. Я сказалъ,
 Что не хочу считать васъ за виновныхъ,
 А осудить невинныхъ не могу.
 А между тѣмъ есть люди много лучше,
 Чѣмъ вы и я, что обвиняютъ васъ;
 И еслибъ я довѣрилъ вашу участь
 Судьямъ побольше строгимъ и различнымъ
 Родамъ уликъ, я бъ могъ отдать на жертву
 Двухъ человѣкъ, которые когда-то —
 Хоть что ни говорятъ о нихъ теперь —
 Мнѣ честными казались. Вы свободны.

Арбакъ.

Великій! эта милость...

Велезисъ (прерывая его).

Такъ достойна

Тебя — и мы, хотя вполнѣ невинны,
 Благодаримъ.

Сарданапалъ.

Халдей! побереги

Свои благодаренья для Ваала
 И пощади отъ нихъ его потомка.

Велезисъ.

Но будучи невинны...

Сарданапалъ.

Будьте нѣмы!

Преступность громогласна. Вы невинны,
 Такъ вы обиженные люди; къ вамъ
 Скорѣй идетъ печаль, чѣмъ благодарность.

Белезисъ.

Такъ, государь, когда бы правосудье
Земнаго всемогущества всегда
Лишь было безупречно; но какъ часто
Свои права невинность почитать
Должна за снисхожденье!

Сарданапалъ.

Изреченье

Разумное; и ты бы могъ съ успѣхомъ,
При случаѣ, имъ проповѣдь украсить.
Пожалуйста, не позабудь о немъ,
Когда тебѣ отстаивать придется
Мои дѣла передъ моимъ народомъ.

Белезисъ.

Я, государь, надѣюсь, нѣтъ причины.

Сарданапалъ.

Причины нѣтъ, быть можетъ; но какъ много
Искателей причинъ, когда съ такими
Ты встрѣтишься — хотъ вслѣдствіе своихъ
Служебныхъ отправленій—на землѣ,
Иль въ небесахъ прочтешь о томъ — въ мерцаньи
Какой-нибудь таинственной звѣзды,
Прошу тебя не позабудь замѣтить:
Что межъ землей и небомъ есть созданья
Зловреднѣе, чѣмъ тотъ, кто управляетъ
Миллионами и никого не губить;
Кто, самого себя не презирая,
Довольно любить ближнихъ, чтобъ щадить
И даже тѣхъ, въ комъ самъ едва-ль пощаду
Найти бы могъ... лишь будь они на тронѣ.
Но это такъ сомнительно. Сатрапы!
Мечи и ваши личности свободны

Располагайте ими; но отселѣ
 Чтobъ намъ ужъ не встрѣчаться. Салимень,
 Иди за мною!

*(Сардананапалъ, Салимень и свита уходятъ, оставляя Ар-
 бака и Белезиса.)*

Арбакъ.

Белезисъ!

Белезисъ.

Ну что

Теперь ты думаешь?

Арбакъ.

Что мы погибли.

Белезисъ.

Мы выиграли царство.

Арбакъ.

Какъ? при этомъ

Столь сильномъ подозрѣнны и когда
 Надъ нами мечъ виситъ на волоскѣ,
 Грозя упасть отъ гнѣвнаго дыханья
 Того, кто пощадилъ насъ? почему —
 Лишь знаетъ онъ.

Белезисъ.

Что нужды — почему?

Мы не должны терять напрасно время.
 Часъ этотъ нашъ и наши средства тѣ же —
 И та же ночь. Ничто не измѣнилось,
 Кромѣ того, что эти подозрѣнья,
 Столь гласныя, должны насъ убѣдить,
 Что медленность была бъ теперь безумствомъ.

Арбакъ.

Однако...

Белезисъ.

Какъ? ты все не убѣжденъ?

Арбакъ.

Онъ пощадилъ... нѣтъ, болѣе — онъ спасъ
Обоихъ насъ отъ Салимена.

Белезисъ.

Но

На долго ли? пока лишь онъ напьется.

Арбакъ.

Скорѣй—пока проспится. Но онъ далъ
Намъ жизнь такъ благородно, какъ ее
Утратить бы мы стоили безславно.

Белезисъ.

Скажи скорѣе: славно.

Арбакъ.

Можетъ быть.

Но онъ меня такъ тронулъ; я рѣшился,
Что бъ ни было со мною, все оставить.

Белезисъ.

Но ты теряешь міръ...

Арбакъ.

Чтобъ сохранить

Права на уваженіе къ себѣ.

Белезисъ.

Какой позоръ обязаннымъ быть жизнью
Такому веретенному царю!

Арбакъ.

Но мы ему обязаны, однако;
И жизнь у избавителя отнять —
Позоръ безмѣрно большій.

Белезисъ.

Въ чемъ угодно

Упорствовать ты можешь, только звѣзды
Рѣшили все иначе.

Арбакъ.

Да когда бѣ
Онѣ сошли на землю и рядами
Построились, чтобъ прикрывать мой путь,
Я бѣ не пошолъ за ними.

Белезисъ.

Это слабость,
И худшая, чѣмъ свойственный старухамъ
Страхъ мертвецовъ, иль темноты. Впередъ!

Арбакъ.

Мнѣ чудилось, когда онѣ говорилъ,
Что это былъ Немвродъ; онѣ мнѣ напомнилъ
Ту царственную статую, что въ храмѣ
Глядитъ царемъ посреди царей
И кажется въ немъ богомъ, между тѣмъ
Какъ прочіе его лишь украшаютъ.

Белезисъ.

Я говорилъ, что ты пренебрегалъ
Имъ черезчуръ; онѣ не лишенъ величья
Какого-то. Такъ что жъ? тѣмъ благороднѣй
Врага имѣть мы будемъ.

Арбакъ.

Тѣмъ гнуснѣе
Становимся мы сами. Ахъ, зачѣмъ
Щадилъ онѣ насъ!

Белезисъ.

Уже ль ты такъ охотно
Хотѣлъ бы въ жертву принесеннымъ быть?

Арбакъ.

Не то; но умереть намъ было бѣ лучше,
Чѣмъ жить неблагодарными.

Белеансъ.

Увы!

Что за умы встрѣчаются порой!
Затѣяль ты — что люди называютъ
Измѣною, глупцы же — вѣроломствомъ.
И погляди — затѣмъ, что почему-то,
Иль просто безъ причины, этотъ грозный
Опустошитель чашъ между тобой
И Салименомъ сталъ — ты вдругъ... сказать ли,
Чѣмъ вдругъ ты сталъ? Сарданапаломъ! Я
Безславнѣе не нахожу и слова.

Арбакъ.

Лишь часъ назадъ, меня такъ могъ назвать,
Кто жизнью лишь не дорожилъ своею.
Ну, а теперь, теперь я забываю,
Какъ онъ забылъ. Сама Семирамида
Не сдѣлала бы этого.

Белеансъ.

Царица

Участникомъ въ престолѣ даже мужа
Имѣть не захотѣла.

Арбакъ.

Я ему

Служить обязанъ вѣрно.

Белеансъ.

И смиренно?

Арбакъ.

Нѣтъ, съ гордостью, какъ честный человѣкъ.
Я болѣе къ престолу буду близкимъ,
Чѣмъ ты къ звѣздамъ, и болѣе высокимъ,
Хотя не столь заносчивымъ, какъ ты.
Ты можешь оставаться при своемъ,
Руководясь законами, познаемъ

Небесныхъ тайнъ, и правъ земныхъ, и правилъ,
И прочаго; а мнѣ дозволю внимать
Чему меня простое сердце учить.
Теперь меня ты знаешь.

Белезисъ.

Но ты кончилъ?

Арбакъ.

Съ тобою — да.

Белезисъ.

И хочешь, можетъ быть,
Мнѣ измѣнить, какъ захотѣлъ оставить.

Арбакъ.

Такъ можетъ думать жрецъ, но не солдатъ.

Белезисъ.

Пусть будетъ все по-твоему, лишь кончимъ
Мы этотъ споръ, и выслушай меня.

Арбакъ.

Нѣтъ; ты своимъ проницательнымъ умомъ
Опаснѣе фаланги.

Белезисъ.

Если такъ —

Я остаюсь одинъ.

Арбакъ.

Одинъ!

Белезисъ.

Я вижу

Одинъ лишь тронъ.

Арбакъ.

И тотъ куда занять.

Белезисъ.

Но занять кѣмъ? Столкнута царя такого
Такой же трудъ, какъ сѣсть на праздномъ мѣстѣ.

Арбакъ, послушай, я тебя любилъ,
 Я поощрялъ, я ободрялъ тебя,
 Я помогаль тебѣ... да что? хотѣлъ
 Служить тебѣ въ надеждѣ, что я буду
 Служить и Ассиріи; небеса
 Скрѣпили наши планы; всѣ событія —
 До этого послѣдняго — намъ были
 Вполнѣ благопріятны, лишь оно
 Въ твой смѣлый духъ вселило малодушье.
 Но слушай: я, наскучивъ зломъ отчизны,
 Теперь хочу иль сбить ея тирана,
 Иль жертвой быть его; одно изъ двухъ
 Иль оба вдругъ, какъ иногда бываетъ.
 Но выиграй я дѣло лишь — Арбакъ
 Тогда мой рабъ.

Арбакъ.

Твой рабъ?

Белезисъ.

Такъ что жъ? все лучше,
 Чѣмъ — какъ *прощенный рабъ Сарданпалы.*
 (*Входитъ Панія.*)

Панія.

Вельможи! я съ приказомъ отъ царя.

Арбакъ.

Узнать его все то же, что исполнить.

Белезисъ.

Однако все жъ дозволю намъ услышать.

Панія.

Вы въ эту ночь, теперь же, отправляться
 Должны къ своимъ сатрапіямъ: одинъ
 Въ свой Вавилонъ, другой — въ свою Мидію.

Белезисъ.

И съ нашими войсками?

Папія.

Нѣтъ, приказъ

Касается сатраповъ лишь и ихъ

Домашней свиты.

Арбакъ.

Но...

Белезисъ.

Повиновенье —

Вотъ нашъ отвѣтъ; скажи, что мы готовы.

Папія.

Я вашъ отъѣздъ, сатрапы, долженъ видѣть,

А не отвѣтъ нести отъ васъ.

Белезисъ (*въ сторону*).

Конечно!

Не мы ли вамъ укажемъ путь отселѣ.

Папія.

Я ухожу, чтобъ вамъ устроить стражу

Почетную, какъ требуетъ вашъ санъ,

И буду ждать на сколько терпитъ время.

(*Папія уходитъ.*)

Белезисъ.

Ты слышалъ — отправляйся!

Арбакъ.

Безъ сомнѣнья.

Белезисъ.

Да, до воротъ лишь этого дворца,

Который намъ теперь темницей служить,

Не далѣе

Арбакъ.

Ты правъ и въ самомъ дѣлѣ!

Да и на всемъ пространствѣ государства

Для насъ зіяютъ тюрьмы — что ни шагъ.

Белезисъ.

Могилы!

Арбакъ.

О, будь это справедливо,
Мой добрый мечъ устроилъ бы тогда
Еще одну могилу, кромѣ той,
Въ которой самъ я лягу.

Белезисъ.

Онъ работы
Имѣть довольно будетъ; но тебя
Ждетъ лучшая судьба, чѣмъ ты пророчишь.
Идемъ отсель — и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Теперь со мной согласенъ ты, что этотъ
Приказъ есть приговоръ?

Арбакъ.

И что другое
Онъ означать бы могъ? Таковъ всегда
Обычай былъ у деспотовъ восточныхъ:
Любовь и ядъ, прощенье и сѣкира,
Далекій путь и вѣчный сонъ. Какъ много
Сатраповъ при отцѣ его... о немъ
Я не скажу, чтобъ былъ онъ кровожаденъ,
По-крайней-мѣрѣ прежде...

Белезисъ.

Но такимъ
Онъ хочетъ быть и долженъ быть теперь.

Арбакъ.

Я въ этомъ сомнѣваюсь; но какъ много
Знавалъ я при отцѣ его сатраповъ,
Что управлять чуть-чуть не государствомъ
Надменно выѣзжали, чтобъ въ дорогѣ
Найти свой гробъ! Не знаю почему,
Но всѣ они въ пути заболѣвали —
Такъ этотъ путь былъ дологъ и тяжелъ!

Белезисъ.

Лишь городскихъ достигнуть бы намъ улицъ,
Мы кончимъ путешествіе.

Арбакъ.

Оно

Окончится, быть можетъ, у воротъ.

Белезисъ.

Нѣтъ, этого они не смѣютъ сдѣлать;
Имъ умертвить хотѣлось бы насъ тайно,
Не во дворцѣ, иль въ городскихъ стѣнахъ,
Гдѣ знаютъ насъ, гдѣ есть у насъ друзья.
Когда бъ они насъ здѣсь убить хотѣли,
Насъ не было бъ давно между живыми.
Идемъ отсель.

Арбакъ.

Когда бъ я зналъ, что жизни
Моей не хочеть прочь...

Белезисъ.

Безумный! прочь

Идемъ отсель; чего хотѣтъ другаго
Встревоженному деспоту? Вотъ намъ
До войска бы добраться и — въ походъ.

Арбакъ.

Къ сатрапіямъ.

Белезисъ.

Нѣтъ, къ царству твоему.
Надежду, время, дерзость, силы, средства —
Намъ все сполна даютъ ихъ полумѣры.

Арбакъ.

Идти на преступленье, противъ воли,
Гнушаясь имъ!

Белезисъ.

Но самозащищенье —
Прямая добродѣтель и оплотъ

Всѣхъ нашихъ правъ. Идемъ, я говорю!
 Дворецъ ужъ начинаетъ проникаться
 Удушливой заразой, стѣны пахнутъ
 Травою заустѣвня... Прочь отсель!
 Зачѣмъ давать опомниться имъ снова?
 Мы скорымъ отравленьемъ успокоимъ
 Ихъ за себя; мы скорымъ отравленьемъ
 И Панію достойнаго и наши
 Предупредимъ отряды, чтобъ отсель
 Имъ не дали другихъ распоряженій.
 Средины нѣтъ — идемъ! я говорю.
*(Уходитъ; Арбакъ слѣдуетъ за нимъ неохотно. Входятъ
 Сарданапалъ и Салименъ.)*

Сарданапалъ.

Все спасено, и безъ кровопролитья,
 Безъ этого послѣдняго изъ средствъ
 Къ спасенію. Мы ссылкою сатраповъ
 Себя обезопасили.

Салименъ.

Какъ тотъ,
 Кто мнетъ цвѣты, отъ уязвленья змѣи,
 Въ нихъ скрытаго, себя обезопасилъ.

Сарданапалъ.

Что жъ я теперь могъ сдѣлать бы еще?

Салименъ.

Раздѣлать все, что сдѣлалъ.

Сарданапалъ.

Уничтожить

Прощеніе?

Салименъ.

Вѣнецъ надвинуть крѣпче,
 Ослабнувшій на головѣ твоей.

Сарданапаль.

Тираномъ стать!

Салиненъ.

Для своего спасенья.

Сарданапаль.

Мы спасены безъ этого; какую
Опасностью они грозить намъ могутъ
На рубежъ имперіи?

Салиненъ.

Они

Еще не тамъ; имъ тамъ не быть бы вовсе,
Когда бъ я былъ услышанъ.

Сарданапаль.

Нѣтъ; тебя

Я выслушалъ; зачѣмъ же и не ихъ?

Салиненъ.

Объ этомъ ты узнать лишь можешь послѣ;
Затѣмъ, дозволь идти мнѣ и собрать
На всякій случай стражу.

Сарданапаль.

Ты на пиръ

Прийти не позабудешь?

Салиненъ.

Государь!

Освободи, я скучный собесѣдникъ;
Указывай мнѣ службы, но вакханкамъ
Служить не заставляй.

Сарданапаль.

А между тѣмъ

Отъ времени до времени нехудо
Поширивать.

Салименъ.

Не худо быть на стражѣ
Кому-нибудь за тѣхъ, кто пированью
Не знаетъ мѣръ. Могу ли я идти?

Сардананалъ.

Иди... Постой, мой добрый Салименъ,
Мой братъ, мой другъ, мой князь далеко лучший,
Чѣмъ я — твой царь: тебѣ бы быть монархомъ,
А мнѣ... а мнѣ — не знаю чѣмъ; что нужды...
Не думай лишь, что я совсѣмъ безчувственъ
И къ твоему столь честному раченью,
И къ твоему столь строгому — однако
Все жь доброму, хотя притомъ не рѣдко
Бранчивому — терпѣнію моихъ
Безчисленныхъ дурачествъ. Если я
Двухъ человекъ по твоему совѣту
Не умертвилъ, такъ это значить — я
Щадилъ ихъ жизнь, отнюдь не сомнѣваясь,
Что твой совѣтъ былъ здравъ. Пускай живутъ:
Ихъ жизнь такъ зла, такъ пусть они исправятъ
Ее теперь; притомъ, ихъ удаденъе
Мой сонъ смущать не будетъ, между тѣмъ
Ихъ смерть могла унести его съ собою.

Салименъ.

Но жизнь такихъ измѣнниковъ, быть можетъ,
Тебѣ грозитъ сномъ вѣчнымъ: ты имъ далъ
Года злодѣйствъ замѣсто мукъ мгновенныхъ.
О! еслибъ ты дозволилъ ихъ смирить...

Сардананалъ.

Я слово далъ: не искушай меня.

Салименъ.

И можешь отмѣнить его.

Сарданапалъ.

Я царь.

Саликенъ.

И долженъ быть рѣшителенъ. Изгнанье
Ихъ раздражить способно лишь сильнѣй;
Прощеніе, когда оно не полно,
Не есть уже прощенье.

Сарданапалъ.

Кто жь заставилъ,
Кто убѣдилъ меня ихъ удалить
Въ сатрапіи, когда я ихъ простилъ,
Лишь запретивъ имъ во дворецъ являться?

Саликенъ.

Ты правъ, я позабылъ... то-есть, я буду
Кругомъ виновенъ, ежели они
Когда нибудь достигнутъ ихъ сатрапій.

Сарданапалъ.

Но ежели они ихъ не достигнутъ,
И въ цѣлости—пойми меня! замѣть,
Я говорю, что — въ цѣлости — тогда
Подумай о себѣ.

Саликенъ.

Дозволь идти мнѣ;
Я такъ страшусь за безопасность ихъ.

Сарданапалъ.

Теперь иди и думай о своемъ
Ты братъ благосклоннѣй.

Саликенъ.

Государь,
Во мнѣ всегда монархъ найдетъ слугу.

(Саликенъ уходитъ).

Сарданапалъ (одинъ).

Онъ человекъ съ душою слишкомъ строгой,
 Высокою, но мрачной, какъ скала,
 Свободною отъ всякихъ знаковъ тлѣнья
 Земли обыкновенной; между тѣмъ
 Я мягкій грунтъ, усѣянный цвѣтами,
 Простая персть: каковъ нашъ смертный грунтъ,
 Таковъ и плодъ быть долженъ. Если я
 Грѣшилъ когда, то никогда такъ тяжко,
 Чтобъ черный грѣхъ смутилъ во мнѣ то чувство...
 Не знаю какъ назвать его; но въ немъ
 Порой тоску, порою наслажденье
 Я нахожу; оно въ моей груди,
 Какъ нѣкій духъ, сидитъ и укрощаетъ
 Сердечные порывы и такіе
 Вопросы предлагаетъ, что ни смертный
 Мнѣ предложить не смѣлъ бы, ни Ваалъ,
 Хотя онъ богъ, дающій прорицанья,
 Хоть мраморныхъ бровей его недвижность
 Въ вечернемъ полумракѣ иногда
 Столь грозной мнѣ казалась, будто въ правду
 Оракулъ былъ готовъ заговорить.
 Прочь призраки, печальные мечтанья!
 Вотъ радости предтеча къ намъ идетъ

(Входитъ Мирра.)

Мирра.

Царь, тучи набѣгаютъ; громъ рокошетъ;
 Все небо почернѣло; брызги молній
 Ужасную грозу намъ предвѣщаютъ.
 Теперь дворца ты вѣрно не покинешь.

Сарданапалъ.

Ты говоришь — грозу? .

Мирра.

Да, говорю,
Мой добрый властелинъ.

Сарданапалъ.

Что до меня,
Я былъ бы радъ ея разнообразью;
Я такъ люблю борьбу стихій; но это
Едва-ль идетъ и къ шолковымъ одеждамъ
Моихъ гостей и къ лицамъ ихъ, столь нѣжнымъ.
Признайся мнѣ, боишься ли ты, Мирра,
Какъ прочіе, рычанья тучъ громовыхъ?

Мирра.

Ихъ голосамъ въ моей отчизнѣ внемлютъ,
Какъ знаменьямъ Юпитера — со страхомъ.

Сарданапалъ.

Юпитера — да, вашего Ваала.
Нашъ тоже власть имѣетъ надъ громами,
И божество свое по временамъ
Какой-нибудь стрѣлою заявляетъ,
Хотя, притомъ, она весьма не рѣдко
Его же поражаетъ алтари.

Мирра.

О, это страшный признакъ!

Сарданапалъ.

Для жрецовъ.

Но такъ и быть, мы въ эту ночь нашъ праздникъ
Откроемъ здѣсь, внутри дворцовыхъ стѣнъ.

Мирра.

Хвала Юпитеру! онъ услышалъ
Мою мольбу, которую исполнить
Ты колебался. Боги для тебя
Добрѣй, чѣмъ самъ ты: съ этою грозой

Они даютъ тебѣ надежный щитъ
Противъ твоихъ враговъ.

Сарданапаль.

Дитя, какъ скоро
Есть подлинно опасность, такъ она
Межъ этихъ стѣнъ, на берегу рѣки —
Есть одинаково.

Мирра.

Нѣтъ, эти стѣны
Крѣпки и высоки; вокругъ нихъ стража;
Измѣнники должны сюда проникнуть
Черезъ множество извилистыхъ путей
И твердыя ворота; къ павильону жъ
Преграды никакой нѣтъ.

Сарданапаль.

Какъ ея
Нѣтъ ни къ дворцу, нѣтъ ни къ какой твердынѣ,
Ниже къ скалѣ заоблачной Кавказа,
Гнѣздомъ орлу служащей — если только
Измѣна есть; и какъ стрѣла находить
И тамъ царя воздушнаго, такъ точно
Булатъ найдетъ земнаго. Но ты можешь
Спокойной быть: виновны иль невинны
Тѣ люди передъ нами, ихъ изгнали
И даже въ путь отправили.

Мирра.

Они
Еще въ живыхъ поэтому?

Сарданапаль.

И ты
Такъ кровожадна?

Мирра.

Я бѣ не уклонилась
Отъ праваго возмездія тому,
Кто посягнулъ на жизнь твою; иначе
Я бѣ не была сама достойна жизни.
Князь Салимень, котораго ты слышалъ,
Настаивалъ на томъ же.

Сардапалъ.

Это странно!

И добрые и злые подвигаютъ
Меня на месть.

Мирра.

Она есть добродѣтель.

Сардапалъ.

Не царская: она меня унижить;
Я мстить бы могъ лишь равнымъ мнѣ — царямъ.

Мирра.

Какими быть хотѣли эти люди.

Сардапалъ.

Ужъ это слишкомъ женски. Мирра, ты
Такъ говоришь отъ страха.

Мирра.

За тебя.

Сардапалъ.

Да все равно; и это тотъ же страхъ.
Я наблюдалъ вашъ полъ и я замѣтилъ,
Что стѣбитъ быть вамъ разъ вооруженнымъ —
Вы мстительны до степени упрямства,
Которому я подражать не стану.
Я думалъ — ты отъ этого изъята,
Какъ отъ другихъ столь дѣтскихъ недостатковъ
Азійскихъ нашихъ женщинъ.

Мирра.

Государь,

Я не хочу гордиться ни любовью,
 Ни высотой души; но я дѣлила
 Съ тобою блескъ и раздѣлю превратность.
 Придетъ цора, когда раба, быть можетъ,
 Покажетъ больше сердца, чѣмъ миллионы
 Другихъ тебѣ подвластныхъ. Но пусть боги
 Избавятъ насъ отъ этого. А я
 Скорѣй хочу любимой быть на вѣру,
 Чѣмъ въ бѣдствіяхъ доказывать любовь —
 Тебя спасти безсильную, быть можетъ.

Сарданапаль.

Гдѣ есть любовь столь чистая, тамъ бѣдствій
 Не можетъ быть: они должны исчезнуть
 Предъ тѣмъ, чего не въ силахъ испугать.
 Но намъ пора; идемъ встрѣчать гостей,
 Желającychъ почтить собой нашъ праздникъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА I.

Ярко освѣщенная палата. — Сарданапаль и гости за столомъ. — На дворѣ буря; время отъ времени слышны раскаты грома.

Сарданапаль.

Лей до краевъ! полнѣе! — вотъ гдѣ царство
 Мое теперь: среди очей столь свѣтлыхъ,
 Межъ этихъ лицъ счастливыхъ и прекрасныхъ!
 Сюда печаль проникнуть не посмѣетъ.

Зама.

Какъ всюду, царь, гдѣ бѣ ни былъ ты, веселье
Должно сіять.

Сарданапалъ.

И чѣмъ могли быть лучше
Немродовы охоты, иль моей
Праматери свирѣпой похождения
На ловлю царствъ, которыхъ и упрочить
Она была не въ силахъ за собой?

Альтада.

Немродъ — Семирамида — какъ ни славны
Они въ вѣкахъ, и какъ ни знаменито
Все царственное племя ихъ — никто
Не превзошелъ царя Сарданапала,
Который миръ своей единой славой
Поставить захотѣлъ.

Сарданапалъ.

И наслажденье,
Альтада мой; оно цѣль самой славы,
Равно какъ всѣхъ исканій и трудовъ;
Я путь избралъ кратчайшій; я по трупамъ
Къ нему не пробирался; я не дѣлалъ
Мой каждый шагъ могилой.

Зама.

Никогда.

Всѣ голоса и даже всѣ сердца
Тебя благословляютъ; ты царь мира;
Ты міру далъ всемірный юбилей.

Сарданапалъ.

И ты увѣренъ въ этомъ? Я слыхалъ
Совсѣмъ не то: иные говорятъ,
Что будто есть измѣнники, мой Зама.

Зама.

Измѣнникъ тотъ, кто это говоритъ!
Возможно ль? гдѣ причина?

Сарданапалъ.

Гдѣ причина?

Ты правъ; налей мой кубокъ; мы о нихъ
И думать не хотимъ; да ихъ и нѣтъ;
А если есть — они ужъ далеко.

Альгада.

Кто пьетъ, друзья, со мною? На колѣни
Падемте здѣсь, устроимъ возліянье
За здравіе царя, монарха, бога
Сарданапала!

(Зама и другіе гости преклоняютъ колѣни и восклицаютъ:)

Богъ Сарданапалъ!

*(Раздается ударъ грома; нѣкоторые изъ колѣноприклонен-
ныхъ вскакиваютъ въ смущеніи.)*

Зама.

Зачѣмъ, друзья, встаете? Въ этомъ громѣ
Я слышу лишь согласіе боговъ —
Его отцовъ.

Мирра.

Скорѣй угрозу. Царь!

Какъносишь ты безумное нечестье?

Сарданапалъ.

Нечестіе? о нѣтъ! Когда цари,
Которымъ я наследовалъ, богами
Лишь сдѣлались, такъ я не обезчещу
Ихъ славный родъ. Но все жь, мои друзья,
Вамъ лучше встать и этимъ поклоненьемъ
Почтить громодержателя; а я
Одной любви ищу — не обожанья.

Альтада.

Ты долженъ быть любимъ и обожаемъ
Отъ искреннихъ рабовъ своихъ.

Сарданапаль.

Гроза,

Мнѣ кажется, становится сильнѣе.

Какая ночь ужасная!

Мирра.

О, да,

Особенно, кто не имѣетъ храмовъ,
Чтобъ защитить поклонниковъ своихъ.

Сарданапаль.

Да, это такъ; но будь я въ состояннн
Все царство обратить въ пріютъ несчастныхъ —
Я бъ обратилъ.

Мирра.

Такъ ты не богъ, когда
Столь добраго желанія не можешь
Осуществить.

Сарданапаль.

А ваши боги, Мирра,
Которые бездѣйствуютъ, хотъ могутъ?

Мирра.

Не говори объ этомъ, чтобы намъ
Не прогнѣвить ихъ больше.

Сарданапаль.

Это правда:

Терпимости не больше въ нихъ, чѣмъ въ людяхъ.
Друзья! вотъ мысль: положимъ, для примѣра,
Что храмовъ нѣтъ; могли ль тогда бъ у неба
Быть чтители, особенно когда,
Вотъ какъ теперь, оно разить стрѣлами?

Мирра.

У персовъ совершаются молитвы
Лишь на горахъ.

Сарданапалъ.

Да; при сіяньи солнца.

Мирра.

И я желаю знать: когда бь дворець твой
Былъ вдругъ раскрытъ, опустошенъ — какъ много
Тогда льстецовъ найдется, что придутъ
Лизать ту пыль, въ которой царь поверженъ?

Альтада.

Прекрасная гречанка слишкомъ строго
Язвить народъ, котораго не знаетъ.
Въ своемъ царѣ мы, ассирійцы, видимъ
Предметъ благоговѣнья.

Сарданапалъ.

Вы, простите
Ее, друзья, за эту колкость рѣчи.

Альтада.

Простить, монархъ! мы чтимъ ее всѣхъ больше
Кромѣ тебя. Но — чу! Что это?

Зама.

Чу!

Какъ-будто стукъ большой воротной двери,
Вдругъ вѣтромъ распахнутой.

Альтада.

Этотъ звукъ
Скорѣй похожъ... опять!

Зама.

На крупный дождь,
Который бьетъ объ кровлю.

Сардапалъ.

Это такъ.

(Мирръ.)

Любовь моя! настрой скорѣ лиру,
Спой пѣсню намъ изъ Сафо — этой Сафо,
Которая въ твоей странѣ родимой
Низвергнулась...

(Входитъ Паниа съ мечомъ и одѣждою въ крови и безпорядкѣ. Гости встаютъ въ смущеніи.)

Паниа *(стражъ).*

Скорѣй, скорѣй къ воротамъ —
Отстаивать дворцовую ограду!
Къ оружію! царю грозитъ опасность.
Монархъ, прости! Внезапность — вѣрность.

Сардапалъ.

Разсказывай!

Паниа.

Что Салимень предвидѣлъ —
Теперь сбылось: невѣрные сатрапы...

Сардапалъ.

Ты раненъ, погоди... скорѣй вина!
Хоть освѣжи дыханье.

Паниа.

Ничего!

Я чуть лишь оцарапанъ; изнурила
Меня не столько рана, какъ поспѣшность
Предупредить царя.

Мирра.

Потомъ?

Паниа.

Какъ скоро

Арбакъ и Белезисъ достигли улицъ,
Гдѣ ихъ войска размѣщены, то дальше

Идти вдругъ отказались; я хотѣлъ
Ихъ силою заставить; но они
Къ войскамъ вдругъ обратились — и въ войскахъ
Мгновенно вспыхнулъ бунтъ.

Сарданапалъ.

Во всѣхъ?

Нанія.

Во многихъ.

Сарданапалъ.

Ты не жалѣй свободныхъ словъ; не время
Жалѣть мой слухъ.

Нанія.

Мой собственный отрядъ
Былъ вѣренъ государю; кто въ живыхъ
Остался въ немъ, тотъ остается вѣрнымъ
До сей поры.

Сарданапалъ.

И это все, что вѣрнымъ
Осталось намъ?

Нанія.

За насъ еще бактрійцы,
Введенные въ сраженъе Салименомъ,
Который подоспѣлъ ко мнѣ, однимъ
Своимъ лишь подозрѣнемъ привлеченный.
Они разятъ измѣнниковъ такъ храбро,
Сражаясь шагъ за шагомъ; весь дворецъ
Ихъ цѣпью окружонъ; они хотятъ
Стянуть сюда все силы, чтобъ спасти
Царя и тронъ... Я присланъ...

Марра.

Безъ запинокъ,
Онъ теперь не кстати.

Наня.

Князь дерзаетъ
Молить царя, чтобъ онъ вооружился,
Хотя на мигъ, чтобъ показать солдатамъ
Свой царскій ликъ: отъ этого онъ пользы
Ждетъ болѣе, чѣмъ можетъ сдѣлать войско.

Сарданапалъ.

Такъ что же? Гей! мое вооруженье!

Мирра.

И ты идешь?

Сарданапалъ.

Какъ — я иду ли? Гей!
Щита не подавать, онъ такъ тяжолъ;
Достать мнѣ мечъ да легкую кольчугу.
А гдѣ бунтовщики?

Наня.

Теперь, быть можетъ,
Упорный бой кипитъ отъ стѣнъ дворцовыхъ
На стадію одну лишь.

Сарданапалъ.

Я могу
Быть на конѣ поэтому. Гей, Сферо!
Коня мнѣ осѣдлатъ. Тамъ есть возможность
Лишь на однихъ дворахъ, да вокругъ воротъ,
Всѣхъ всадниковъ Аравіи построить.

(Сферо уходитъ.)

Мирра.

Какъ я люблю тебя!

Сарданапалъ.

Дитя, я въ этомъ
Не сомнѣвался никогда.

Мирра.

А я
Теперь лишь узнаю тебя.

Сарданапалъ (*одному изъ окружающихъ*).

Копье

Мнѣ также принести.

(*Пани.*)

Гдѣ Салименъ?

Паниа.

Гдѣ долженъ быть солдатъ — гдѣ гуще свадка.

Сарданапалъ.

Такъ поспѣши къ нему; вѣдь сообщенье
Между дворцомъ и нашими войсками
Не прервано и путь еще открытъ?

Паниа.

Да, былъ открытъ, когда я съ мѣста битвы
Спѣшилъ сюда; за это я спокоенъ:
Войска стоятъ усердно и фаланга
Построена.

Сарданапалъ.

Скажи ему, чтобъ онъ
Берегъ свою особу, и что я
Свою беречь не буду, да скажи,
Что я иду.

Паниа.

Побѣда — въ этомъ словѣ.

(*Паниа уходитъ.*)

Сарданапалъ.

Альтада, Зама, что жъ? Вооружайтесь;
Въ палатѣ оружейной все къ услугамъ
Столь вѣрныхъ слугъ. Смотрите, чтобы женщинъ
Подальше помѣстили и чтобъ стража
Стояла у дверей ихъ съ дозволеньемъ
Покинуть ихъ лишь вмѣстѣ съ жизнью. Зама,
Распорядись! Альтада, поскорѣй
Иди вооружаться и сюда

Вернись опять: ты долженъ быть, по званью,
Всегда при насъ.

*(Уходятъ всѣ, кромѣ Мирры; Сферо и друпе входятъ
съ оружіемъ для царя.)*

Сферо.

Твое оружье, царь!

Сарданапаль (надвоя оружіе).

Подай кольчугу, перевязь, теперь
Мой мечъ; я шлемъ забылъ—дай шлемъ. Вотъ такъ!
Но какъ же онъ тяжолъ! Да ты ошибся...
Я вовсе не желаю... Дай мнѣ тотъ,
Что сдѣланъ діадемой.

Сферо.

Царь, я думалъ,

Что слишкомъ онъ замѣтенъ по каменьямъ,
Чтобъ твоему священному челу
Защитой быть, и вѣрь мнѣ, по металлу
Гораздо выше этотъ, хотъ бѣднѣй.

Сарданапаль.

Ты думалъ! развѣ ты мятежникъ? Другъ!
Твой долгъ повиноваться. Принеси...
Да нѣтъ — теперь ужь поздно; я безъ шлема
Иду.

Сферо.

Надѣнь по-крайней-мѣрѣ этотъ.

Сарданапаль.

Надѣть Кавказъ! Ходить съ такой горою
На головѣ!

Сферо.

Но, царь, солдатъ послѣдній
Себя въ бою такъ выставятъ не сталъ бы.
Гроза прошла; во всемъ своемъ сіяньи
Встаетъ луна: тебя тотчасъ узнаютъ.

Сарданапалъ.

Я выхожу дать знать себя, а это
Мнѣ легче сдѣлать такъ. Копье! Вотъ я.
Готовъ совѣмъ.

(Уходя, вдругъ останавливается.)

Ахъ, Сферо! я забылъ —

Дай зеркало.

Сферо.

Великій! зеркало?

Сарданапалъ.

Да, малый, зеркало, свѣтлѣйшей мѣди,
Индійскую добычу, да скорѣй!

(Сферо уходитъ.)

Ты, Мирра, здѣсь не вовсе безопасна;
И для чего съ подругами не вмѣстѣ?

Мирра.

Мнѣ мѣсто — здѣсь.

Сарданапалъ.

Но я иду отсель.

Мирра.

И я послѣдую.

Сарданапалъ.

И ты! на бой?

Мирра.

И еслибъ такъ, то я была бъ не первой
Гречанкою, топтавшей этотъ путь.
Но я здѣсь жду лишь твоего возврата.

Сарданапалъ.

Да, мѣсто такъ удобно: если бунтъ
Одержитъ верхъ, сюда ему проникнуть
Вѣрнѣй всего. Случись, положимъ, такъ,
Что я не возвращусь...

Мирра.

Но и тогда
Мы встрѣтимся съ тобою.

Сардананалъ.

Гдѣ же?

Мирра.

Тамъ,
Гдѣ всѣ должны мы встрѣтиться — въ Аидѣ,
Когда лишь есть такой за Стиксомъ берегъ;
А если нѣтъ — въ могильной урнѣ.

Сардананалъ.

Какъ?

Ты можешь ли рѣшиться?

Мирра.

Я могу —
Я все могу — и только пережить,
Что я люблю, чтобъ быть потомъ добычей
Измѣнниковъ — вотъ все, что не могу я.
Впередъ, и будь героемъ!

(Сфера приходитъ съ зеркаломъ; Сардананалъ осматриваетъ себя въ зеркаль.)

Сардананалъ.

Да, кольчуга
Ко мнѣ идетъ, и перевязь не хуже;
Но шлемъ...

(Примприваетъ его и окончательно бросаетъ.)

Долой! Мнѣ эти побрякушки,
Кажись, къ лицу. Мы это испытасемъ.
Альтада! Гдѣ Альтада?

Сфера.

Государь,
Онъ ждетъ тебя у входа — со щитомъ.

Сарданапалъ.

Да, я забылъ, что онъ мой щитоносецъ,
 По праву родовому. Поцалуй
 Теперь меня, любовь моя; еще,
 Еще разъ — такъ; затѣмъ, что бъ ни случилось,
 Люби меня; покроюсь ли я славой,
 Такъ для того, чтобъ только быть достойнѣй
 Твоей любви.

Мирра.

Иди и побѣждай!

(Сарданапалъ и Сфера уходятъ.)

Вотъ я одна; всѣ разошлись; какъ мало
 Изъ этихъ всѣхъ придутъ назадъ, быть можетъ!
 О! если бы купить ему побѣду
 Могла моя гибель! Я погибла,
 Когда не побѣдитъ онъ; пережить
 Его не захочу я; это сердце
 Онъ приговаль... не знаю чѣмъ и какъ;
 Не тѣмъ лишь, что онъ царь: его престолъ
 Колеблется; сама земля зяеетъ,
 Ему земли грозя лишь на могилу
 На всемъ своемъ пространствѣ уступить,
 Межъ тѣмъ я все люблю. Увы, Юпитеръ!
 Простишь ли ты чудовищной любви?
 Я варваромъ, незнающимъ Олимпа
 Увлечена: да, я его люблю,
 И больше, чѣмъ когда-нибудь... Но чу!
 Военный кличъ — все ближе. Если такъ,
(вынимаетъ склянку)
 Колхосскій этотъ ядъ, что мой отецъ
 На берегахъ Эвксина научился
 Слагать изъ травъ и научилъ меня
 Какъ сберегать его, теперь рабыню

Освободить. Онъ сдѣлалъ бы свободной
 Давно меня, когда бъ я не любила,
 Когда бъ любовь мнѣ не дала забытья,
 Что я раба. О, тамъ гдѣ всѣ рабы,
 Кромѣ лишь одного, гдѣ даже рабствомъ
 Своимъ рабы гордятся, лишь бы имъ
 Низайшіе рабы еще служили,
 Тамъ скоро забывается, что цѣпи,
 Надѣтыя на насъ, какъ украшенье,
 Такіе же оковы... Чу! опять
 Такой же кличъ!... Бряцаніе мечей!...
 Опять, опять...

(Входитъ Альтада.)

Альтада.

Гей, Сферо, Сферо! Гей!

Мирра.

Его здѣсь нѣтъ. Зачѣмъ онъ? Какъ идетъ
 Сраженіе?

Альтада.

Сомнительно, но жарко.

Мирра.

Какъ царь?

Альтада.

Какъ царь. Я долженъ взять у Сферо

Лишь новое копье ему и шлемъ.

До сей поры онъ бьется не покрытый

Почти ничѣмъ, и вовсе ужъ не въ мѣру

Не дорожитъ собой. Войска признали

Его давно; надѣюсь, и враги...

Своихъ волосъ распущенныхъ волнами

И шолковой тиарой при лунѣ

Онъ слишкомъ ужъ царемъ глядитъ. Черты

Его лица прекраснаго и пряди

Его волосъ, особенно повязка

Багряная — почти одна лишь цѣль,
Въ которую теперь пускають стрѣлы.

Мирра.

Вы, боги, въ сторонѣ моей родимой
Разящіе! покройте мнѣ его.
Ты присланъ отъ царя?

Альтада.

Отъ Салимена,
Которымъ я отправленъ былъ тайкомъ,
Безъ вѣдома безопаснаго монарха.
Но царь... о! царь таковъ же и въ бою,
Какъ на пирахъ. Гей, Сферо! Я, быть можетъ,
Найду его въ палатѣ оружейной.

(Альтада уходитъ.)

Мирра.

Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ безчестья, нѣтъ; любить
Такого человѣка нѣтъ безчестья.
Я пожелать теперь почти готова,
Чего я не желала никогда,
Чтобъ онъ былъ грекъ. О! ежели Алкидъ
Подвергся порицанью, что онъ въ платьѣ
Лидіянки Омфалы наряжался
И прятъ веретеномъ ея, такъ тотъ,
Кто вдругъ сталъ Геркулесомъ, бывши сдѣтства
Лишь съ женскими искусствами знакомъ,
Кто, бросивъ пиръ, идетъ на бой, какъ-будто
На брачную постель — о! тотъ достоинъ
И греческой дѣвицей быть любимымъ,
И греческимъ поэтомъ быть воспѣтымъ,
И въ греческой могилѣ быть зарытымъ
На мѣсто обелиска.

(Входитъ оруженосецъ.)

Какъ сраженье?

Оруженосецъ.

Потеряно, потеряно! Гдѣ Зама?

Мирра.

При женщинахъ на стражѣ.

(Оруженосецъ уходитъ.)

Онъ ушелъ. —

И лишь сказать едва успѣлъ, что все
Потеряно! Что знать еще мнѣ нужно?
Въ его словахъ... о! въ этихъ двухъ словахъ
Погребены и царь и это царство,
Тринадцати-столѣтній родъ Немврода,
Безчисленныя жизни и судьба
Всего, что уцѣлѣло; ахъ! и я —
И я затѣмъ въ великомъ ураганѣ,
Ничтожная пылинка, закружусь
И обращаюсь... въ ничто. По-крайней-мѣрѣ
Моя судьба въ моихъ рукахъ. О, нѣтъ!
Надменный побѣдитель не увидитъ
Меня въ числѣ добычъ своихъ.

(Входитъ Панія.)

Панія.

За мной,

Сейчасъ за мною, Мирра! этотъ мигъ,
Одинъ лишь мигъ—вотъ все, что намъ осталось.

Мирра.

А царь?

Панія.

Прислалъ меня затѣмъ, чтобъ я
Черезъ Евфратъ окольными путями
Съ тобою переѣхалъ.

Мирра.

Такъ онъ живъ?

Панія.

Онъ живъ и мнѣ велѣлъ тебя просить

Беречь себя, пока онъ будетъ въ силахъ
Съ тобой соединиться.

Мирра.

Не ужель

Онъ хочетъ уступить?

Панія.

Покуда нѣтъ.

Что можетъ лишь отчаянье, такъ это
Онъ сдѣлалъ все; въ самомъ дворцѣ теряетъ,
Онъ каждый шагъ — лишь съ бою.

Мирра.

Такъ они.

Повтому, ужъ здѣсь? О, да! я слышу
Нестройный гамъ вдоль этихъ старыхъ стѣнъ,
Впервые оскорбленныхъ буйнымъ крикомъ
Мятежниковъ: Прощай же, Ассирія!
Все, что хранить здѣсь память о Немвродѣ,
И даже это имя — все прощай.

Панія.

Идемъ, идемъ же!

Мирра.

Нѣтъ; я здѣсь умру.

Скажи царю, что я его любила
До самаго конца.

*(Входитъ Сарданапалъ и Салименъ съ воинами. Панія
покидаетъ Мирру и примыкаетъ къ нимъ.)*

Сарданапалъ.

Ужь если такъ —

Умремъ, гдѣ мы родились — во дворцѣ.
Сомкнемъ ряды и постоимъ! Я Заму
На помощь жду; онъ подойдетъ сейчасъ
Со свѣжею и вѣрною намъ стражей.

Не все погибло. Панія, гляди
За Миррою.

(Панія возвращается къ Миррѣ.)

Салименъ.

Мы можемъ отдохнуть
Покуда здѣсь: друзья, еще попытку
Одну за Ассирію!

Сарданапалъ.

Нѣтъ, скажи
За Бактрію! О, вѣрные бактрійцы!
Я быть царемъ лишь вашего народа!
Теперь хочу; мы будемъ править вмѣстѣ
Съ тобою этимъ царствомъ.

Салименъ.

Чу! идутъ.

Вотъ, вотъ они!

(Входятъ Белезисъ и Арбакъ съ бунтовщиками.)

Арбакъ.

За мной! теперъ они
У насъ въ рукахъ. Смѣлѣй! смѣлѣй!

Белезисъ.

Впередъ!

За насъ стойтъ, намъ помогаетъ небо.
Впередъ! впередъ!

(Бунтовщики нападаютъ на царя и Салимена, которые защищаются до прихода Замы съ вышеупомянутою стражею. Мятежники, въ свою очередь, отступаютъ, подвергаясь преслѣдованію Салимена, и проч., и проч. Царь хочетъ присоединиться къ преслѣдующимъ; Белезисъ заграждаетъ ему путь.)

Белезисъ.

Постой, тиранъ! я кончить
Хочу войну.

Сарданапалъ.

Ого! мой храбрый жрецъ,
 Мой милый прорицатель, благодарный
 Мой подданный! Прошу тебя, сдавайся!
 Я лучше бы хотѣлъ твой приговоръ
 Немного отдалить, чѣмъ эти руки
 Пятнать въ святой крови.

Белезисъ.

Твой часъ насталъ.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, твой. Я юный астрологъ, однако
 Я наблюдалъ недавно звѣзды и,
 Слѣдя по зодіаку, я открылъ
 Твою судьбу подъ знакомъ Скорпіона;
 Тамъ писано, что ты на этомъ мѣстѣ
 Сейчасъ раздавленъ будешь.

Белезисъ.

Не тобой.

(Сражаются; Белезисъ раненъ и обезоруженъ.)

Сарданапалъ.

(поднявъ мечъ, чтобыокончить съ Белезисомъ.)

Взывай теперь къ планетамъ, пусть онѣ
 Попробуютъ спасти и звѣздочота
 И собственную честь...

*(Бунтовщики возвращаются и освобождаютъ Белезиса.
 Они нападаютъ на царя, котораго, въ свою очередь, осво-
 бождаютъ его воины, вѣтъсняющіе бунтовщиковъ.)*

Кромѣ всего,
 Мерзавецъ былъ пророкъ. За мной! побѣда
 На нашей сторонѣ.

(Бросается преслѣдовать.)

Мирра (*Пани*).

Ты ждешь чего?

Зачѣмъ давать собратіямъ-солдатамъ
Прославиться побѣдой безъ тебя?

Пани.

Мнѣ велѣно беречь тебя.

Мирра.

Меня!

Не думай обо мнѣ; теперь рука
И одного солдата дорогá;
Я не прошу, я не нуждаюсь въ стражѣ.
Вселенная на ставкѣ — такъ пора ли
Тутъ женщину стеречь? Я говорю:
Иди отсель, иль откажись отъ чести!
Нейдешь? такъ я иду на мѣсто битвы,
Я, женщина лишь слабая, и тамъ
Велю тебѣ стеречь меня, *идь* долженъ
Ты своему монарху быть щитомъ.

(*Уходитъ.*)

Пани.

Постой, красавица! Ушла! Случись
Съ ней что нибудь — я человекъ погибшій;
Сарданапалъ ее дороже ставитъ,
Чѣмъ свой вѣнецъ, хотя и за него
Сражается. Зачѣмъ же и не я?
Онъ тожъ меча до нынѣ не бралъ въ руки.
Ахъ, Мирра, воротись! я соглашаюсь
Ослушаться монарха.

(*Уходитъ. Входятъ Альтада и Сферо съ противоположной стороны.*)

Альтада.

Мирра! какъ?

Я опоздалъ, Она была, однако,

Тутъ въ самый пылъ сраженья; съ нею былъ
И Панія. Но что жь случилось съ ними?

Сээрo.

Я видѣлъ ихъ, когда отсель послѣдній
Мятежникъ отступалъ: они, навѣрно,
Прошли въ гаремъ окольными путями.

Альтада.

Вернись нашъ царь съ побѣдой, какъ и надо
Разсчитывать, и не найди онъ тутъ
Своей гречанки, намъ придется хуже,
Чѣмъ схваченнымъ мятежникамъ.

Сээрo.

Но мы

Найдемъ ее; она уйти далеко
Едва-ль могла; а это вѣрно: онъ
Находкою такою будетъ больше
Обрадованъ, чѣмъ вновь всрнутымъ царствомъ.

Альтада.

Такъ никогда не бился самъ Ваальъ,
Чтобъ покорить монархію, какъ бьется
Его потомокъ хилый, чтобъ ее
Не потерять. Онъ превзошелъ всѣ мнѣнья
О немъ враговъ, какъ и друзей: вотъ такъ
Лучистый лѣтній вечеръ иногда
Такой грозой вдругъ грянетъ, что и воздухъ
Въ доскутыя рветъ и льетъ потопъ на землю.
Онъ человѣкъ загадочный.

Сээрo.

Какъ люди

Всѣ вообще. Всѣмъ управляетъ случай.
Идемъ искать рабыню, а не то

Мы быть должны готовы умереть
Подъ пыткую, не сдѣлавъ преступленья.

(Входятъ Салименъ и воины.)

Салименъ.

Побѣда улыбается: дворець
Отбить кругомъ; открыть свободный доступъ
Къ войскамъ, расположеннымъ за Евфратомъ,
Которыя, *быть можетъ* — нѣтъ, *должно быть* —
Еще вѣрны, какъ скоро имъ извѣстно —
Кто побѣдилъ. Гдѣ жъ главный побѣдитель?
Гдѣ царь нашъ?

(Входитъ Сарданапалъ съ своими и съ Миррою.)

Сарданапалъ.

Здѣсь, братъ.

Салименъ.

Невредимъ, надѣюсь.

Сарданапалъ.

Нѣтъ, не совсѣмъ; но, ничего, пройдетъ.

Вотъ мы дворець очистили:

Салименъ.

И городъ,

Я думаю; у насъ довольно войскъ
Для этого; я приказалъ отряду
Парѣянскому, стоявшему въ засасъ,
Тѣснить бунтовщиковъ, и онъ горитъ
Желаніемъ, чтобъ это отступленье
Имъ сдѣлать пораженьемъ.

Сарданапалъ.

Это имъ

Ужъ сдѣлано: они, по-крайней-мѣрѣ,
Бѣгутъ быстрѣй гораздо, чѣмъ я могъ
Ихъ догонять съ бактрійцами моими,
Извѣстными проворствомъ. Я усталъ;
Подайте мнѣ скамью!

Салименъ.

Монархъ, вотъ тронъ.

Сарданапаль.

Плохой пріютъ для отдыха какъ тѣла,
Такъ и души. Подайте мнѣ кровать,
Пастушечій чурбанъ — мнѣ все равно.

(Подаютъ скамью.)

Вотъ такъ! ну — я дышу теперь свободнѣй.

Салименъ.

Ты въ жизнь свою не пережилъ часа,
Который бы такъ былъ великъ и славенъ.

Сарданапаль.

И утомителенъ. Гдѣ виночерпій?
Дай мнѣ воды!

Салименъ *(улыбаясь)*.

Онъ слышитъ въ первый разъ
Такой приказъ, и даже я, строжайшій
Совѣтникъ твой, на болѣе багряный
Напитокъ разрѣшаю.

Сарданапаль.

Да, на кровь...

Но безъ того ея такъ много, много
Ужъ пролито; что до вина, то я
За эту ночь простой стихіи цѣну
Узналъ вполнѣ: три раза принимался
Я пить ее и трижды съ новой силой,
Какой мнѣ гроздь ни разу не давалъ,
Возобновлялъ я битву. Гдѣ солдатъ,
Что напоилъ водой меня изъ шлема?

Одинъ изъ стражи.

Убить, монархъ! въ тотъ самый мигъ, какъ онъ,
Страхнувъ свой мокрый шлемъ, его надѣтъ

Готовился, ему високъ пронзила
Насквозь стрѣла.

Сарданапалъ.

Убить! ненагражденный

Убить за то, что утолил мнѣ жажду —
Какъ грустно! Бѣдный рабъ! будь онъ въ живыхъ,
Я золотомъ пресытилъ бы его.

За тотъ напитокъ мало заплатитъ
Всѣмъ золотомъ вселенной; мнѣ гортань
Палило, какъ теперь.

(Приносятъ воду.)

Я ожилъ вновь.

Отнынѣ я за кубокъ буду браться
Въ часы любви, войну жь вести съ водою.

Сарлименъ.

А эта перевязка, царь, которой
Обвязана рука твоя, что значитъ?

Сарданапалъ.

Царапина героя Белезиса.

Мирра.

Ты раненъ! ахъ!...

Сарданапалъ.

Поменѣ хлопотъ.

А впрочемъ, я теперь, какъ охладѣлъ,
Какой-то жаръ сталъ чувствовать и боль.

Мирра.

Ты сдѣлалъ перевязку...

Сарданапалъ.

Изъ моей

Повязки діадемной: въ первый разъ
Мнѣ это украшенье послужило
Къ чему-нибудь.

Мирра (къ окружающимъ).

Скорѣй сюда врача
Искуснаго! скорѣй! а между тѣмъ
Я рану развяжу пока сама
И посмотрю.

Сарданапалъ.

Ножалуй. Эта боль
Становится чувствительной; но много ль
Ты разумѣешь въ ранахъ? впрочемъ, что
Я говорю? А знаешь ли ты, братъ,
Гдѣ повстрѣчалъ я эту чародѣйку?

Салименъ.

Въ толпѣ другихъ красавиць, отъ испуга
Дрожащую, какъ лань.

Сарданапалъ.

Идѣть, какъ подругу
Младого льва, когда во слѣдъ ловцу,
Укравшему дѣтеныша у ней,
Она рычитъ, поженски негодуя,
(По-женски означаетъ тутъ — свирѣпо,
Затѣмъ, что мы все крайности страстей
Находимъ лишь у женщинъ) такъ она
И голосомъ, и видомъ, и блистаньемъ
Своихъ очей, и вѣтромъ разносимыхъ
Своихъ волосъ распущенныхъ — на битву
Солдатъ одушевляла.

Салименъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Сарданапалъ.

Не я одинъ, ты видишь, въ эту ночь
Сталъ вонномъ. Я такъ былъ пораженъ,
Что глазъ не могъ свести съ нея. Румянецъ

Ея ланить, огонь большихъ и черныхъ
 Ея очей, изъ-подъ ея волосъ
 Разбросанныхъ сверкавшей, яркой блескъ
 Ея чела и голубыя жилки
 На томъ челѣ, гармонию размѣра
 Утратившія ноздри, раздвоенье
 Багряныхъ губъ, ея звѣнящій голосъ,
 Всѣ голоса пронзавшій, какъ пронзатъ
 Дано струнамъ звонко-поющей арфы
 Тяжолое бряцаніе кимвала,
 Размахи рукъ, сверкавшихъ бѣлизною
 Ярчай, чѣмъ сталь, что у нея въ рукъ
 Тогда была и что она исторгла
 Изъ рукъ у мертваго солдата — все,
 Все это представляло изъ нея
 Для нашихъ войскъ пророчицу побѣды,
 Иль самую побѣду, къ намъ съ привѣтомъ
 Сходившую.

Салименьъ (про-себя).

Ужь это слишкомъ: имъ
 Опять любви принадокъ овладѣлъ;
 Останься онъ при этомъ настроеннъ,
 И все опять потеряно. (*Громко.*) Подумай
 О ранѣ, государь, своей: ты самъ
 Назвалъ ее чувствительной.

Сардананалъ.

Да, правда;
 И потому о ней не нужно думать.

Салименьъ.

Я долженъ отлучиться, чтобъ узнать
 О ходѣ дѣлъ, взглянуть на исполненье
 Мною отданныхъ приказовъ; если что

Угодно государю приказать —
Я выслушать надѣюсь, возвратившись.

Сарданапаль.

Согласенъ.

Салименъ (*уходит*).

Мирра!

Мирра.

Князь!

Салименъ.

Ты показала

Себя за эту ночь: не будь онъ мужемъ
Моей сестры... Но мнѣ теперь не время.
Ты любишь государя?

Мирра.

Я люблю

Сарданапала.

Салименъ.

Да; но ты бѣ желала

Ему царемъ быть снова?

Мирра.

Я бѣ желала,

Чтобъ онъ былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть — не
меньше.

Салименъ.

Ну — хорошо: чтобъ быть ему царемъ,
Чтобъ быть твоимъ, быть всѣмъ, чѣмъ долженъ онъ —
Или не долженъ быть, чтобъ быть въ живыхъ —
Спаси его отъ нѣги; ты надъ нимъ
Имѣешь больше власти, чѣмъ разумность
Внутри дворца, или кровавый бунтъ
Внѣ стѣнъ его: смотри, чтобъ онъ не палъ.

Мирра.

Для этого и голосъ Салимена

Не нуженъ мнѣ: я общаю все,

Что женское безсиліе лишь можетъ.

Салименъ.

Надъ сердцемъ, какъ его, оно всеильно.
Умъй разпорядиться.

(Уходитъ.)

Сарданапалъ.

Мирра! какъ?

Шептать тайкомъ съ моимъ суровымъ братомъ?
Я сдѣлаюсь ревнивымъ.

Мирра *(улыбаясь).*

И ты будешь

Правъ, государь: другого челоувѣка
Нѣтъ на землѣ, который бы имѣлъ
Такъ много правъ на женскую любовь,
На уваженъе храбрыхъ, на вниманъе
Властителя, на преданность рабовъ,
На удивленъе мира!

Сарданапалъ.

Расточай

Хвалы ему, но ужъ не такъ усердно.
Изъ этихъ устъ прекрасныхъ не должно
Струиться краснорѣчье для другаго,
Кто бъ могъ меня затмить. Но я согласенъ,
Ты правду говоришь.

Мирра.

Теперь поидемъ

Твоей заняться раной. Обопрись
Мнѣ на руку.

Сарданапалъ.

О да, любовь моя!

Хотя не потому, что я страдаю.

(Уходятъ.)

ДВѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Сарданапаль спитъ въ постели; сонъ его беспокоитъ и тревоженъ; Мирра у его изголовья.

Мирра.

Я прихожу тайкомъ сюда на отдыхъ
Его взглянуть, коль въ этомъ снѣ ужасномъ
Лишь отдыхъ есть. Я разбужу его...
Нѣтъ, онъ утихъ. О, богъ успокоенья!
Волшебный царь чарующихъ видѣній,
Замкнутыхъ вѣждъ пеновъ столь крѣпкихъ,
крѣпкихъ,
Что ихъ и сны не возмущаютъ! бѣдъ
Похожимъ на сестру свою—на смерть,
Столь тихую, недвижную; мы въ этомъ
Находимъ столько счастья; можетъ быть,
Лишь потому, что счастье живетъ
Лишь въ царствѣ молчаливой, непробудной,
Таинственной сестры твоей. Опять
Онъ весь дрожитъ; опять припадокъ боли
Стянулъ лицо: вотъ такъ въ тѣни подгорной
Надъ озеромъ мелькаетъ легкой рябью
Внезапный вихрь; такъ колыхаетъ вѣтеръ
Осенними листьями, недвижно
И жалобно прильнувшими къ своимъ
Роднымъ вѣтвямъ. Иль разбудить его?
Однако, нѣтъ; кто знаетъ, что за сонъ я
Могу прервать? Онъ страждетъ — это видно:
Но если я для большаго страданья
Дамъ вѣстать ему? Притомъ, всему причиной
Быть могутъ лишь событья этой ночи

Томительной и боль отъ этой раны,
 Хотя пустой. Быть можетъ, онъ и страждетъ
 Совсѣмъ не такъ, какъ я воображаю.
 Такъ пусть о немъ радѣетъ мать-природа
 Заботой материнской; я должна
 Ей помогать скорѣе, чѣмъ мѣшать.

Сарданапалъ (просыпаясь).

Нѣтъ, нѣтъ! хотя бъ вы мнѣ всѣ звѣзды неба
 Могли отдать и мнѣ устроить вѣчный
 Межъ ними тронъ, я бъ этою цѣною
 Не захотѣлъ купить его! Прочь древнѣй
 Ловець звѣрей! и вы, своихъ собратій
 Травившіе съ звѣрями наравнѣ—
 Вы, нѣкогда кровавыя лишь твари,
 Теперь такіе жъ боги, если ваши
 Жрецы не лгутъ! И ты, сѣдая вѣдьма,
 Обогренная кровію солдатъ
 Индійскаго похода! Прочь! Гдѣ я?
 Гдѣ признаки?... Нѣтъ, ты не привидѣнье:
 Тебя ль отъ мертвецовъ, изъ черной бездны
 Дерзающихъ вставать на страхъ живыхъ,
 Не отличи я? Мирра!

Мирра.

Ахъ! ты блѣдень;
 Холодный потъ покрылъ твое чело
 Какъ бы росой вечерней. Милый, милый!
 Твои слова съ того какъ-будто свѣта,
 А ты любимъ на этомъ. Успокойся:
 Худого ничего нѣтъ.

Сарданапалъ.

Руку! — такъ:
 Я чувствую, что это плоть, что это

Твоя рука; сожми ее, но крѣпче;
Дай мнѣ сознать, что я сталъ вновь чѣмъ былъ.

Мирра.

И что и я все таже, какъ была,
Такая же, какъ быть должна: твоя.

Сардананалъ.

Теперь я сознаю. Я эту жизнь
Вновь узнаю. Ахъ, Мирра! я былъ тамъ,
Гдѣ будутъ всѣ.

Мирра.

Мой царь!...

Сардананалъ.

Я былъ въ могилѣ,
Гдѣ червяки—цари, и гдѣ цари...
Но я тому не вѣрилъ; я считалъ
Все это за ничто.

Мирра.

И ты былъ правъ.

Несбыточность являться можетъ въ лицахъ
Однимъ лишь боязливымъ.

Сардананалъ.

Мирра! ахъ!

Когда намъ сны такія вещи кажутъ,
То чтó намъ смерть откроетъ?

Мирра.

Я не знаю,
Чтобъ смерть могла открыть такое зло,
Какого жизнь еще бы не открыла.
Тому, кто жилъ во плоти на землѣ.
Когда лишь есть страна, гдѣ и по смерти
Душа живетъ — тамъ все должно безплотнымъ
Быть, какъ душа; но если тѣнь отъ этихъ
Земныхъ оковъ, бродящихъ между небомъ

И нашими душами и къ землѣ
 Давящихъ насъ, останется и тамъ,
 То эта тѣнь — какой ни предстоитъ бы
 Ей страхъ еще — по-крайней-мѣрѣ смерти
 Не будетъ ужъ страшиться.

Сарданапалъ.

Я ее

Нисколько не страшуся; но я видѣлъ
 Фалангу мертвецовъ.

Мирра.

И я видала:

Весь эготъ прахъ, что мы ногами топчемъ,
 Когда-то жилъ и бѣдствовалъ. Но дальше —
 Открой мнѣ, что ты видѣлъ: ты расскажемъ
 Скорѣй свой умъ въ сознанье приведешь.

Сарданапалъ.

Мнѣ чудилось...

Мирра.

Нѣтъ, погоди, ты слабъ,
 Ты изнуренъ отъ боли; это можетъ
 Опять тебя разстроить; ты бы лучше
 Еще заснулъ.

Сарданапалъ.

О, нѣтъ! мнѣ будетъ сниться...

Я не хочу... хоть то, что мнѣ приснилось,
 Теперь я самъ считаю лишь за сонъ...
 Но можешь ли ты вынести рассказъ мой?

Мирра.

Я все могу, и вынесу всѣ сны,
 Какіе жизнь, иль смерть послать лишь могутъ,
 Все, все, что я дѣлю съ тобой въ мечтахъ,
 Иль на-яву.

Сарданапаль.

Я говорю, что это
 Какъ на яву казалось мнѣ: я видѣлъ
 Открытыми глазами, какъ они
 Отсюда исчезали.

Мирра.

Продолжай!

Сарданапаль.

Я видѣлъ... нѣтъ, мнѣ снилось, будто тутъ,
 На этомъ самомъ мѣстѣ возлежалъ
 Я на пиру; я былъ хозяинъ пира,
 Но, милое равенство соблюдая,
 Казался только гостемъ; отъ меня
 Направо и налево, вмѣсто Замы,
 Тебя и всѣхъ гостей обычныхъ нашихъ,
 Тянулся рядъ... и я замѣтилъ слѣва
 Надменный, мрачный, помертвѣлый ликъ,
 Который я хотя не могъ признать,
 Но будто гдѣ-то видѣлъ, гдѣ — не знаю;
 Онъ былъ гигантъ, глаза его горѣли,
 Но были неподвижны; ниже плечъ
 Волосъ вилися пряди; за спиной
 Висѣлъ колчанъ огромный, полонъ стрѣлъ,
 На счетъ крыла орлиного добытыхъ,
 И сквозь его змѣющихся волосъ
 Сквозившихъ, какъ щетина. Я его
 Просилъ наполнить чашу, что стояла
 Межъ нимъ и мной, но онъ не отвѣчалъ;
 Я налилъ самъ, онъ не взялъ, но взглянулъ
 Такъ на меня упорно, такъ недвижно,
 Такъ пристально, что я затрепеталъ.
 Тогда я сдвинулъ брови, какъ царю

Должно сдвигать; онъ мнѣ въ отвѣтъ не сдвинулъ
Своихъ бровей, но продолжалъ хранить
Все тотъ же видъ, невыносимый, страшный,
Своею неподвижностью, и я
Къ другимъ гостямъ, глядѣвшимъ добродушнѣй,
Направо повернулся, гдѣ привыкъ
Встрѣчать тебя. Гляжу...

(Онъ останавливается.)

Мирра.

И что же... что?

Сарданапаль.

Тамъ, тамъ, гдѣ я искалъ твой образъ милый,
Гдѣ ждалъ найти тебя, гляжу—сѣдая,
Костлявая, съ кровавыми зрачками,
Съ запекшеюся кровью на рукахъ,
Двужильная, могильная, сухая
Тварь, женщиной одѣтая, съ короной
На головѣ, съ морщинистымъ лицомъ,
Усмѣшкой кровожадной искаженнымъ,
Отъ бѣшенства разврата покошеннымъ,
Сидитъ: во мнѣ застыла кровь.

Мирра.

Тутъ все?

Сарданапаль.

Въ одной рукѣ, въ рукѣ, какъ птичьи когти
Изсохнувшей, она держала чашу
Клубившуюся кровью черезъ край,
Въ другой — другую, съ чѣмъ — я не видалъ:
Я отвернулся. Вдоль стола сидѣли
Вѣчанныя всё твари разныхъ видовъ,
Но сходныя по выраженью лицъ.

Мирра.

И ты не сознавалъ, что это было
Простое сновидѣнье?

Сарданапаль.

Нѣтъ; оно

Такъ было осязательно, что я
 Къ нимъ могъ бы прикоснуться; я глазами
 Отъ одного лица блуждалъ къ другому,
 Межъ нихъ найти стараясь хотъ одно,
 Которое я зналъ бы — нѣтъ!... Они
 Ко мнѣ поворотились и недвижно
 Всѣ на меня уставились; никто
 Ни вѣлъ ни шлъ; уставились не движно
 Всѣ на меня; я сталъ такимъ же камнемъ,
 Какъ и они; но не бездушнымъ камнемъ,
 Какъ и они; я чуялъ жизнь, да, жизнь
 Въ себѣ и въ нихъ: межъ нами былъ какой-то
 Ужасный родъ сочувствія, какъ - будто
 Отъ нихъ полсмерти перешло въ меня
 И отъ меня полжизни въ нихъ: то былъ
 Особый мѣръ съ особымъ бытїемъ
 Отличнымъ отъ земнаго, непохожимъ
 На адское. Скорѣе смерть, всю смерть —
 Чѣмъ бытїе такое!...

Мирра.

Наконецъ?

Сарданапаль.

Такъ я сидѣлъ, какъ мраморъ; вдругъ ловець
 Во весь свой ростъ встаетъ; за нимъ вся шайка;
 Онъ улыбнулся мнѣ; да, благородный
 Гигантскій ликъ ловца мнѣ улыбнулся,
 Но только лишь губами: взоръ его
 Былъ такъ же неподвиженъ; на устахъ
 У женщины мнѣ тоже показалось
 Подобіе улыбки. Вотъ они

Встають вдвоемъ; всѣ царственныя твари
 За ними вслѣдъ, стараясь обезьянить
 Своихъ вожей; да, обезьянить — даже
 И послѣ самой смерти. Я одинъ
 Не тронулся: отчаянная бодрость
 Вдругъ мною овладѣла; я не сталъ
 Ихъ наконецъ бояться; я въ лицо
 Смѣялся привидѣньямъ... Но тогда,
 Тогда ловецъ вдругъ протянулъ мнѣ руку;
 Я взялъ ее, хотѣлъ пожать — она
 Какъ-будто бы растаяла, межъ тѣмъ
 Исчезъ и онъ, оставивъ за собою
 Лишь память о героѣ.

Мирра.

Это былъ

Родоначальникъ племени героевъ,
 Равно и твой.

Сарданапалъ.

Да, Мирра; но старуха,
 Та женщина, та вѣдьма, вдругъ ко мнѣ
 Такъ бѣшено прильнула и, цалуя
 Мои уста такъ громко, жгла ихъ, жгла...
 Изъ чашъ ея, пролитыхъ ею, ядъ
 Текъ справа и текъ слѣва; мнѣ казалось,
 Что двѣ рѣки зловонныхъ наконецъ
 Составилось. Она ко мнѣ все льнула...
 Какъ рядъ статуй печальныхъ въ нашихъ храмахъ,
 Стояли признаки другіе; но она
 Меня все цаловала; наконецъ
 Я вырвался и отскочилъ, какъ-будто
 Я былъ ей не потомокъ, а тотъ сынъ,
 Что наказалъ ея кровосмѣшенъе,

Убивъ ее. Потомъ... потомъ насталь
 Хаосъ вещей невыразимо-мерзкихъ,
 Мѣнявшихся такъ быстро, но безличныхъ.
 Я чувствовалъ, но я былъ мертвецомъ
 Усопшимъ и возставшимъ, былъ червями
 Изъѣденнымъ, очищеннымъ въ огнѣ,
 И въ воздухѣ исчезнувшимъ... Я дальше
 Не въ силахъ чувствъ своихъ опредѣлить,
 Кромѣ того, что средь моихъ томленій
 Грустилъ я по тебѣ, искалъ тебя,
 Очнулся вдругъ — и нахожу тебя.

Мирра.

Такъ близъ себя всегда меня найдешь ты
 И здѣсь, и тамъ, когда не все со смертью
 Кончается. Но позабуди объ этомъ
 Ужасномъ снѣ; онъ — слѣдствіе событій,
 Разстроившихъ тѣлесный твой составъ,
 Къ труду непріученный, между тѣмъ,
 Какъ трудъ, тобой подъятый, великана
 Могъ изнурить.

Сардаанааль.

Мнѣ лучше. Я теперь,
 Какъ вновь тебя увидѣлъ, въ томъ, что видѣлъ,
 Не вижу ничего.

(Входитъ Салимень.)

Салимень.

Уже ли царь
 Такъ скоро могъ проснуться?

Сардаанааль.

Да, братъ; я
 Жалѣю, что и спалъ; я видѣлъ тутъ
 Воскресшими всѣхъ пращѣдовъ моихъ,

За мною приходившихъ; мой отецъ
 Былъ также между нихъ; но онъ меня
 Все избѣгалъ за чѣмъ-то, и покпнулъ
 Между ловцомъ, нашъ древній родъ начавшимъ,
 И эту женой-мужеубійцей,
 Что ты зовешь великой.

Салименъ.

Такъ зову
 Я и тебя теперь, какъ показалъ ты
 Такой же духъ. Я снова на разсвѣтъ
 Иду смирять мятежниковъ отбитыхъ,
 Отброшенныхъ, но не совѣмъ разбитыхъ.

Сарданапаль.

Въ какой мы части ночи?

Салименъ.

Темнота
 Еще продлится нѣсколько часовъ;
 Употреби ихъ съ пользою — на отдыхъ.

Сарданапаль.

Въ другую ночь, а эта пусть пройдетъ:
 Я въ этомъ снѣ, казалось мнѣ, провелъ
 Часы, часы...

Мирра.

Едва одинъ лишь часъ;
 Я тутъ была: то былъ тяжелый часъ,
 Но только часъ.

Сарданапаль.

Я обращаюсь къ дѣлу:
 Мы утромъ выступаемъ.

Салименъ.

Но покуда
 Я милости просить пришелъ.

Сардапалъ.

Она

Дана тебѣ.

Салименъ.

Ты выслушалъ бы прежде,
Потомъ бы далъ; и говорить хочу я
Съ однимъ тобою.

Мирра.

Князь, я ухожу.

(Уходитъ.)

Салименъ.

Теперь раба достойна быть свободной.

Сардапалъ.

Свободной быть? Теперь раба достойна
Участницей быть трона.

Салименъ.

Потерпи,

Пока другой онъ занять, и какъ разъ
Я говорить хочу съ тобой о ней.

Сардапалъ.

Какъ! о царицѣ?

Салименъ.

Да. Я рассчиталъ,

Что ей съ дѣтьми гораздо безопаснѣй
Отправиться теперь жѣ, до разсвѣта,
Отсѣвъ въ Пафлагонію, гдѣ Котта,
Нашъ родственникъ, правителемъ: тамъ жизнь
Твоихъ дѣтей, племянниковъ моихъ,
Вполнѣ обезопасена, а съ нею
И ихъ права законныя на тронъ,
На случай, если...

Сарданапалъ.

Я паду; а это
Теперь такъ вѣроятно. Хорошо
Придумано: дать имъ отрядъ надежный
И поскорѣй отправить.

Саликенъ.

Это все
Устроено; галера на Евфратѣ
Стоитъ давно; но прежде, чѣмъ разстаться,
Не хочешь ли ты видѣть...

Сарданапалъ.

Сыновей?

Малютки будутъ плакать; это можетъ
Меня обезоружить. Чѣмъ могу я
Утѣшить ихъ, кромѣ пустыхъ надеждъ,
Натянутыхъ улыбокъ? Притворяться
Я не могу — ты знаешь.

Саликенъ.

Но ты можешь,
Надѣюсь, чувствовать—не правда ль? Словомъ,
Царица просить на тебя взглянуть,
Пока вы не разстались на всегда.

Сарданапалъ.

Къ чему? какая цѣль? Я ей даю
Все, что она способна лишь желать...
Но эта встрѣча...

Саликенъ.

Царь! ты знаешь женщинъ,
Иль долженъ знать; ты съ рѣдкимъ постоянствомъ
Ихъ изучалъ: когда онѣ желаютъ
Чего-нибудь такого, въ чемъ ихъ сердце
Замѣшано, такъ это для ихъ чувствъ,
Иль ихъ причудъ, дороже всей вселенной.

Твой взглядъ насчетъ желанія сестры
 Я раздѣлю самъ; но тѣмъ не меньше
 Оно ея желанье — я ей братъ,
 Она — твоя жена, такъ что жь, позволишь?

Сарданапаль.

Все это бесполезно: но вели —
 Пускай придетъ.

Салименъ.

Иду.

(Уходитъ.)

Сарданапаль.

Мы слишкомъ долго
 Съ ней жили врознь, чтобъ встрѣтиться опять
 И встрѣтиться теперь. Еще ли мало
 Страдаю я? Еще ли не довольно
 Мнѣ этихъ мукъ? И почему должны мы
 Дѣлать печаль, когда любви не дѣлимъ?

(Входятъ Салименъ и Зарина.)

Салименъ.

Сестра! смѣлуй: не забудь, какая
 Въ тебѣ струится кровь и отъ кого
 Мы родъ ведемъ. Царица, государь,
 Передъ тобой.

Зарина.

Я умоляю, братъ,
 Оставь меня.

Салименъ.

Коль ты объ этомъ просишь...

(Уходитъ.)

Зарина.

Я съ нимъ! одна! какъ много лѣтъ прошло,
 Хоть мы еще такъ молоды, съ тѣхъ поръ,
 Какъ сердцемъ овдовѣла я, какъ съ нимъ

Не видѣлась. Онъ не любилъ меня,
 Но онъ не измѣнился; измѣнился
 Къ одной лишь мнѣ. О, еслибъ перемѣна
 Была хотя взаимной! Онъ меня
 Почти не замѣчаетъ; онъ со мною
 Не говоритъ: ни слова и ни взгляда.
 Межъ тѣмъ онъ былъ такъ кротокъ и доступенъ
 И голосомъ и видомъ, хотъ небреженъ,
 Но не суровъ. Властитель мой...

Сарданапалъ.

Заріна!

Зарина.

Заріна! нѣтъ, не говори Заріна.
 О! этотъ звукъ уничтожаетъ разомъ
 Дни долгіе, и вещи, отъ которыхъ
 Дни столькихъ лѣтъ казались мнѣ годами.

Сарданапалъ.

Теперь такъ поздно вспоминать объ этихъ
 Минувшихъ снахъ. Оставимъ укоризны...
 Оставь, хочу сказать я, укоризны
 На этотъ разъ...

Зарина.

И первый и послѣдній:

Я никогда тебя не укоряла.

Сарданапалъ.

О, это слишкомъ вѣрно! твой упрекъ
 Поэтому ложится мнѣ на сердце
 Гораздо тяжелѣе, чѣмъ когда бъ...
 Но мы въ своемъ не властны сердца.

Зарина.

Такъ же,

Какъ и въ рукѣ; межъ тѣмъ я безраздѣльно
 Ихъ отдала.

Сарданапалъ.

Мнѣ братъ твой говорилъ,
 Что этого свиданья ты желала,
 Такъ-какъ тебѣ покинуть Ниневію
 Должно съ своими...

(Колеблется.)

Зарина.

Съ нашими дѣтьми—

Да, это такъ. Я быть къ тебѣ хотѣла
 Признательной за то, что это сердце
 Ты не совсѣмъ разрознилъ, что ему
 Любить теперь осталось; ты оставилъ
 Со мною тѣхъ, которыхъ называю
 Я *нашими*, которые похожи
 Такъ на тебя, которые глядятъ
 Съ такою же любовію мнѣ въ очи
 Какъ ты глядѣлъ когда-то... Но они
 Пока не измѣнились.

Сарданапалъ.

Никогда

И не должны. Я видѣть ихъ желаю
 Покорными.

Зарина.

Я ихъ люблю — малютокъ,
 Не только лишь какъ нѣжная ихъ мать,
 Но и супруга нѣжная, одною
 Любовію живущая: межъ нами
 Вся связь теперь заключена лишь въ нихъ,

Сарданапалъ.

Сокрой отъ нихъ, что я передъ тобою
 Несправедливъ; старайся имъ внушить
 Примѣры братъ изъ вашей родословной,
 Чѣмъ съ ихъ отца. Я ввѣрилъ ихъ тебѣ,

Ты къ трону приготовишь ихъ; но если
Престоль для нихъ утраченъ... Ты слыхала
О безпорядкахъ этой ночи?

Зарина.

Я

Совсѣмъ почти забыла и могла бѣ
Благословить бѣду какую хочешь,
Кромѣ твоей, которая дала
Мнѣ случай вновь лицо твое увидѣть.

Сарданапалъ.

Престоль — я говорю не изъ боязни —
Престоль въ опасности; быть можетъ, дѣтямъ
На немъ не быть; но пусть они отъ правъ
Своихъ не отрекутся. Я отважусь
На все, чтобъ ихъ за ними утвердить.
Но если я паду, они должны —
Должны ихъ возвратить и, возвративъ,
Ихъ сохранять разумно, а не такъ,
Какъ я моей порфирой помыкалъ.

Зарина.

Я передать берусь — и въ состоянны —
Имъ только то, что памяти отца ихъ
Приносить честь.

Сарданапалъ.

Пускай они узнаютъ
Всю истину скорѣе отъ тебя,
Чѣмъ по молвѣ презрительной. Когда
Имъ суждено въ несчастьи жить, они
Пресытятся презрѣнiемъ толпы
Къ развѣнчаннымъ монархамъ; всѣ ошибки,
Несчастья ихъ отцовъ падутъ на нихъ.

Малютки!.. ахъ! не будь лишь ихъ, я все бы
Все перенесъ.

Зарина.

Увы! не говори,
Не отравляй послѣдній мой покой
Раскаяньемъ, что ты отецъ. Быть можетъ,
Ты побѣдишь—они царями будутъ,
И будутъ чтить того, кто спасъ имъ царство,
Которымъ самъ такъ мало дорожилъ.
Но ежели...

Сардапалъ.

Его я потеряю,
Тогда земля отъ крику надорвется:
«Отца благодарите!» — и они
На этотъ крикъ проклятіемъ отвѣтятъ.

Зарина.

Нѣтъ этого не будетъ. Тотъ довольно
Свое прославилъ имя, кто, поцарски
Кончая жизнь, въ ся послѣдній часъ
Для своего безсмертья сдѣлалъ больше,
Чѣмъ многіе цари — твои отцы —
Во много лѣтъ, продлившихъ только время,
Не лѣтописи царства.

Сардапалъ.

Что до насъ —
Быть можетъ, эти лѣтописи съ нами
Окончатся. Но чѣмъ бы ни казалось
Ихъ прошлое, мы сдѣлаемъ конецъ
Подобнымъ ихъ началу — *незабвеннымъ*.

Зарина.

Лишь береги себя, будь остороженъ;
Живи для тѣхъ, которые такъ любятъ...

Сарданапалъ.

Да кто они? — раба, любовь которой
 Есть только страсть — я не скажу тщеславье:
 Мой тронъ дрожить, межъ тѣмъ она все любитъ;
 Немногіе друзья, которыхъ я
 Съ собой равнялъ среди оргій, но которымъ
 Ничтожество грозить съ моимъ паденьемъ;
 Достойный братъ, котораго такъ часто
 Я оскорблялъ; да дѣти, о которыхъ
 Позабывалъ, да наконецъ жена...

Зарина.

Которая все любитъ...

Сарданапалъ.

И прощаетъ?

Зарина.

Я никогда не думала объ этомъ;
 Но никогда тебя не обвинявши,
 Что я прощу?

Сарданапалъ.

Жена! жена моя!

Зарина.

Будь ты благословенъ за это слово!
 Не думала его уже услышать
 Я отъ тебя.

Сарданапалъ.

Увы! но ты услышишь
 Его отъ поданныхъ моихъ. Да, эти
 Рабы, которыхъ я питалъ, лелѣлъ,
 Пресытилъ миромъ, обормилъ довольствомъ,
 Царями всѣхъ подѣлалъ — да, царями
 Въ ихъ собственныхъ домахъ, теперь кишатъ
 Мятежными роями, просятъ смерти

Того, кто жизнь ихъ сдѣлалъ юбилеемъ.
 Межъ тѣмъ немногіе, хотя такъ много
 Обиженные мною, мнѣ вѣрны!
 Чудовищно, но это такъ.

Зарина.

Быть можетъ,
 Тутъ ничего нѣтъ страннаго: добро
 Въ дурныхъ рукахъ становится отравой.

Сарданапалъ.

А добрыя искусѣ пчелы,
 Берущей медъ съ однихъ цвѣтовъ цѣлебныхъ:
 Ядъ дѣлаютъ безвреднымъ.

Зарина.

Такъ бери
 И ты свой медъ откуда бѣ онъ ни шелъ.
 Не унывай: тебя еще не всѣ
 Покинули.

Сарданапалъ.

Порукой въ этомъ тѣ,
 Чтѣ я живу. Уже ль ты допускаешь,
 Что, переставъ царемъ быть, я бы могъ
 Хоть часъ одинъ быть смертнымъ? то есть, быть
 Межъ смертными... не тамъ еще, гдѣ будутъ
 Всѣ смертныя.

Зарина.

Ты долженъ жить, для той...
 Жить для дѣтей, хотѣла я сказать.

Сарданапалъ.

Обиженный, но добрый другъ! Зарина!
 Я жалкій рабъ случайности, игрушка,
 Носимая по прихоти вѣтровъ.
 Не кстати тронъ, не кстати жизнь дана мнѣ.
 Не знаю, чѣмъ я могъ бы быть, но знаю,

Что я не то, чѣмъ долженъ быть. Пора
 Покончить все. Но я скажу тебѣ:
 Я не рожденъ, чтобъ оцѣнить дары
 Такой любви такой души, съ какими
 Ты рождена; ни даже упиваться
 Твоею красотою такъ, какъ я
 Столь меньшимъ совершенствомъ упивался —
 И почему?.. Лишь по одной причинѣ,
 Что преданность къ тебѣ была—мой долгъ,
 А я такъ ненавидѣлъ все, что цѣпи
 Могло напоминать не только мнѣ,
 Но и другимъ, что подтвердить обязанъ
 И самый бунтъ; но вотъ мои слова
 И, можетъ быть, послѣднія: никто
 Такъ искренно тебя за добродѣтель
 Не уважалъ, какъ я, хоть и не нажилъ
 И тутъ добра. Такъ бѣдный рудокопъ,
 Наткнувшійся на дѣвственную жилу
 Разсыпчатого золота, находить
 Кладъ бесполезный для себя. Что нужды,
 Что онъ нашелъ находку? — не ему
 Находкой обладать, а господину,
 Которымъ онъ приставленъ лишь копать,
 А не дѣлить богатство, что блистаетъ
 У ногъ его: ни взять его не смѣетъ,
 Ни даже взвѣсить; онъ, хотя съ проклятьемъ,
 Обязанъ рыть неблагодарный грунтъ.

Зарина.

Ахъ! если ты находишь наконецъ
 Мою любовь достойной уваженья
 То я прошу немногаго: рѣшимся
 Бѣжать отселѣ вмѣстѣ. Какъ бы я...

Позволь сказать мнѣ *мы*... о, какъ бы мы
Еще могли быть счастливы! Земля
Пространнѣй Ассиріи; мы особый
Міръ создадимъ, такимъ блаженствомъ полный,
Какого я не знала никогда,
И даже ты, со всѣмъ громаднымъ царствомъ
Своихъ льстецовъ.

(Входитъ Салимень.)

Салимень.

Я разлучить васъ долженъ;
Такихъ минутъ мы тратить такъ не можемъ
И не должны.

Зарина.

Безчеловѣчный братъ!
Какъ можешь ты высчитывать мгновенья,
Столь полныя блаженства?

Салимень.

Какъ! блаженства?

Зарина.

Онъ такъ былъ добръ со мною, что теперь
Я не могу и думать о разлукѣ.

Салимень.

Вотъ женскія прощанья! всѣ они
Кончаются рѣшимостью остаться.
Я это зналъ; но этому не быть.

Зарина.

Не быть?

Салимень.

Останься и погибни.

Зарина.

Вмѣстѣ
Съ моимъ супругомъ.

Салиментъ.

И съ дѣтьми.

Зарина.

Увы!

Салиментъ.

Но эти колебанья не достойны
Моей сестры: не позабудь, что ты
Дѣтей спасешь; а въ нихъ теперь вся важность,
И вся надежда наша. Дѣло тутъ
Не чувствъ однихъ касается, хотя
И этого ужъ много, но вопросъ
Тутъ государственный. Бунтовщики
Предпримутъ все, чтобъ овладѣть потомствомъ
Законнаго царя ихъ, чтобъ затѣмъ
Покончить разомъ...

Зарина.

Ахъ, остановись!

Салиментъ.

Такъ выслушай меня: какъ скоро мы
Спасти дѣтей успѣемъ отъ захвата,
Бунтовщики теряютъ весь свой планъ,
Основанный на истребленьи рода
Немвродова. Положимъ, что царя
Удастся имъ низвергнуть; онъ оставитъ
Для мщенья и побѣды сыновей.

Зарина.

Такъ я одна останусь?

Салиментъ.

Какъ! младенцевъ

Отца и мать имѣющихъ, столь малыхъ,
Такъ далеко, на сторонѣ чужой,
Оставить сиротами?

Зарина.

Нѣтъ! во мнѣ

Изнемогаетъ сердце.

Салименъ.

Выбирай

Теперь сама; ты знаешь все.

Сардананаалъ.

Зарина!

Онъ дѣло говоритъ; и уступить
Такой необходимости должны мы.
Оставшись тутъ, ты все, быть можетъ, губишь,
Бѣжавъ отсель, ты сохранишь хоть то,
Что самаго безцѣннаго осталось
И намъ съ тобой, и всѣмъ сердцамъ правдивымъ,
Пока неизмѣнчившимъ намъ.

Салименъ.

Пора.

Сардананаалъ.

Такъ отправляйся. Если мы опять
Увидимся, я болѣе достоинъ
Тебя, быть можетъ, буду; если жъ нѣтъ,
То вспоминай, что всѣ мои пороки,
Какъ ни были они неисправимы,
Окончены. Но вотъ что: я боюсь,
Не больше ль ты способна сокрушаться
О томъ, что такъ позорны прахъ и имя,
Которыя такъ были всемогущи
Когда-то въ Ассиріи, чѣмъ... Но я
Вновь поддаюся чувству; между тѣмъ
Какъ долженъ быть безчувственъ какъ скала.
Вотъ такъ и всѣ вины мои... простыя

Лишь слабости. Скрой эти слезы! я
 Не говорю: не лей ихъ; было бь легче
 Остановить Евфратъ въ его истокъ,
 Чьмъ удержать одну слезу подь сердцемъ
 Столь правымъ и столь нѣжнымъ; но не лей
 Ихъ предо мной: не то мои усиля,
 Чтобъ перестать быть женщиной, напрасны.
 Братъ, уведи ее.

Зарина.

О боги! боги!

Я никогда его ужь не увижу.

Салименъ (стараясь увести ее).

Сестра, пойдемъ; ты слышишь—мнѣ велятъ.

Зарина.

Ты слышишь: прочь! Я остаюся. Какъ!

Онъ умирать останется одинъ?

Я жить одна останусь?

Салименъ.

Не одинъ

Онъ умирать останется; но ты

Года жила съ нимъ розно.

Зарина.

Ложь! я знала,
 Что онъ живеть; его любезный образъ
 Со мною жилъ. Оставь меня!

Салименъ (улекая ее).

Такъ я,
 Какъ братъ, употребляю силу; ты
 Должна простить мнѣ.

Зарина.

Никогда! Спасите!

Сарданапаль, ужель ты позволяешь

Такъ изгонять меня отсель? Ахъ!...

Салименъ.

Пойми жь, что мы погубимъ все, коль это
Мгновенье потеряемъ:

Зарина.

У меня

Кружится голова, темнѣетъ взоръ...

Гдѣ онъ?

(Лишается чувствъ.)

Сарданапалъ.

Постой! Будь съ нею остороженъ;
Она мертва и ты убилъ ее.

Салименъ.

Она лишь ослабѣла отъ избытка
Печали непомѣрной: воздухъ вновь
Придти въ себя поможетъ ей. Прошу,
Уйди отсель.

(Въ сторону.)

Я этою минутой

Воспользоваться долженъ, чтобъ ее
Перенести на царскую галеру,
Готовую отплыть съ ея дѣтьми.

(Салименъ уноситъ ее.)

Сарданапалъ *(одинъ.)*

Такъ вотъ что я, такъ вотъ что перенести
Еще обязанъ я—кто никогда
Намѣренно не причинялъ печалей
Серцамъ людскимъ. Но это ложь — она
Меня любила и я самъ, я самъ
Ее любилъ. О, роковая страсть!
Зачѣмъ не вдругъ погасла ты въ сердцахъ,
Которыя зажгла ты вдругъ? Зарина!
Какъ дорого расплачиваюсь я

За все, что ты терпѣла. Будь я вѣренъ
 Твоей любви — почтительный народъ
 Монархомъ бы считать меня достойнымъ
 Теперь не пересталъ. Въ какую бездну
 Презрѣнье къ человѣческому долгу
 Ввергаетъ даже тѣхъ, кого бы весь
 Родъ человѣческой природнымъ долгомъ
 Обязанъ чтить, и чтить — пока они
 Себя не обезславятъ сами.

(Входитъ Мирра.)

Ты!

Кто требовалъ тебя?

Мирра.

Никто; но мнѣ

Послышался какъ будто голосъ плача:

Я думала...

Сарданапалъ.

Пока тебя не звали,

Ты не была обязана нисколько

Входить сюда.

Мирра.

Хотя я и могла бы

О болѣе привѣтливыхъ рѣчахъ,

Хоть такъ же мнѣ съ укоромъ говоренныхъ,

Припомнить, можетъ быть, когда меня

Ты упрекалъ за то, что я боялась

Входить къ тебѣ безъ зова, и что я,

Наперекоръ и собственному чувству

И всѣмъ твоимъ внушеньямъ, никогда

Не разбирать ни времени, ни мѣста,

Ни лицъ, ни обстоятельствъ, а входить

Незваную къ тебѣ, все не могла

На столько смѣлой быть. Я уйду.

Сарданапалъ.

Ты здѣсь, такъ погоди, и обвиняй
Событія: они меня совсѣмъ
Испортили; я становлюсь бранчивымъ...
Прости меня, и не гляди на это:
Я не замедлю стать самимъ собой.

Мирра.

Я этого рѣшаюсь ждать съ терпѣньемъ,
Увижу съ удовольствіемъ.

Сарданапалъ.

За мигъ

Предъ тѣмъ, какъ ты вошла сюда, отсель
Царица Ассиріи выходила,
Заріна.

Мирра.

Ахъ!

Сарданапалъ.

Ты содрогнулась?

Мирра.

Я?

Сарданапалъ.

Какъ хорошо, что ты другою дверью
Вошла сюда, иначе, вы могли
Съ ней повстрѣчаться. Пусть отъ этой пытки
Она избавлена, по-крайней-мѣрѣ.

Мирра.

Какъ мнѣ больна печаль ея!

Сарданапалъ.

Тебѣ?

Но это черезъ-чуръ и вопреки
Природѣ человѣка; это чувство
Не можетъ быть взаимнымъ, да едва ль
Оно и вѣроятно: какъ ты можешь
Жалѣть ее, когда межъ тѣмъ она,
Какъ женщина, должна лишь...

Мирра.

Презирать

Наперсницу-рабыню? Но не больше,
Чѣмъ я сама гнушаюся собой.

Сарданапаль.

Гнушаешься? быть гордостію женщинъ,
Царицей быть надъ чувствами царя,
Властителя вселенной?

Мирра.

Если бѣ ты

Имѣлъ такихъ вселенныхъ двадцать тысячъ,
Хоть и одна, которой ты владѣешь,
Изъ рукъ твоихъ уходитъ, я себя
Не меньше унижала бѣ, бывъ твоею
Наложницей, чѣмъ еслибы ты былъ
Простой пастухъ; а еслибъ тотъ пастухъ
Былъ грекъ притомъ, то и того бы больше...

Сарданапаль.

Вотъ *это* рѣчь...

Мирра.

Изъ глубины души.

Сарданапаль.

Въ суровый часъ паденья все дерзаетъ
На падшаго! но такъ какъ не совсѣмъ
Я палъ еще, и такъ какъ я не склоненъ
Выслушивать упреки, можетъ быть,
По одному тому, что слишкомъ много
Ихъ заслужилъ, тѣ поспѣшимъ разлукой,
Пока межъ насъ хранится миръ.

Мирра.

Разлукой!

Сарданапалъ.

Всѣ прошлыя созданья разлучились;
И нынѣшнимъ—не всѣмъ ли предстоитъ
Такъ точно разлучиться?

Мирра.

Для чего?

Сарданапалъ.

Для лучшей безопасности твоей.
Я отпустить съ прикрытіемъ надежнымъ
Хочу тебя на родину, и я
Такими надѣлю тебя дарами,
Что если ты и не была вполнѣ —
Царицею, то не дешевле царства
Приданое получишь.

Мирра.

Я прошу —

Не унижай меня.

Сарданапалъ.

Но вѣдь царица

Отправилась, ты, подражая ей,
Не можешь быть униженной; я пасть
Хотѣлъ бы одинокимъ. Я друзей
Ищу лишь въ удовольствіи.

Мирра.

А я

Ищу лишь удовольствія остаться.
Ты силою, конечно, не захочешь
Прогнать меня.

Сарданапалъ.

Подумай хорошенько,
Иль можешь опоздать.

Мирра.

Тѣмъ лучше: ты
 Меня тогда не будешь въ состояннѣ
 Съ собою разлучить.

Сардананалъ.

И не хочу;
 Но ты того сама хотѣла.

Мирра.

Я!

Сардананалъ.

Ты о своемъ паденнѣ говорила.

Мирра.

Но я его и чувствую такъ живо...
 Какъ ничего не чувствую на свѣтѣ,
 Кромѣ любви.

Сардананалъ.

Бѣги же отъ него.

Мирра.

Но прошлаго я этимъ не верну,
 Ни честь мою неискуплю, ни сердце.
 Паду ли я, возстану ли,—но здѣсь!
 Ты побѣдишь — твоя побѣда будетъ
 Мнѣ жизнiю; но если жребiй твой
 Совсѣмъ иной, я не оплачу только—
 Я раздѣлю его съ тобою. Ты
 За часъ назадъ во мнѣ не сомнѣвался.

Сардананалъ.

Въ геройствѣ—никогда; въ любви—доселѣ;
 И въ этомъ усомниться бы никто,
 Кромѣ тебя, не могъ меня заставить.
 Твои слова...

Мирра.

Слова. Ты достоинъ
 Почтить хвалою дѣла мои, не дальше,

Какъ въ эту ночь; я это поведенье
 Не измѣню, какая бы судьба
 Тебя ни ожидала.

Сарданапалъ.

Я доволенъ

И, вѣря въ правоту свою, надвюсь
 Быть побѣдителемъ и водворить
 Желанный миръ—единственный трофей,
 Любезный мнѣ. Война, по мнѣ, не слава,
 Побѣда не величье. Быть вотъ такъ
 Принуждену поддерживать оружьемъ
 Свои права... о, это тяжелѣй
 Мнѣ давить грудь, чѣмъ вся неблагодарность,
 Которою такъ изумить меня
 Рѣшились эти люди. Никогда,
 Нѣтъ, никогда не буду въ состояннн
 Забыть я эту ночь, хотя бѣ мнѣ жить
 Пришлось затѣмъ, чтобъ сдѣлать незабвенной
 Ее другимъ. Я думалъ, что мое
 Правленье безобидное на вѣки
 Эпохою сладчайшей тишины
 Среди кровавыхъ лѣтописей будетъ,
 Зеленымъ лугомъ посреди пустынь
 Столѣтнй безотрадныхъ, что потомки
 Съ улыбкою покоить будутъ взоры
 Свои на немъ, и подражать ему,
 Или вздыхать, что золотаго царства
 Сарданапала имъ не возвратить.
 Я помышлялъ, какъ изъ моихъ владѣннй
 Устроить рай, какъ сдѣлать, чтобъ луна
 Свѣтила въ нихъ затѣмъ лишь, чтобъ эпохи
 Различныхъ наслажденнй измѣрять.

Я принималъ безумной черни клики
 За преданность, слова друзей мнѣ льстившихъ—
 За истину, уста моихъ красавицъ—
 За высшую награду... Да — и точно
 Въ нихъ есть награда: поцалуй меня.

(Цалуетъ Мирру.)

Пускай они и власть мою и жизнь
 Берутъ теперь. Такія вещи могутъ
 Быть взяты, но — не ты.

Мирра.

Нѣтъ! никогда!

Все человѣкъ ограбить въ состояннѣ
 У своего собрата человѣка —
 Величіе и славу; могутъ царства
 Разрушиться, войска поколебаться,
 Рабы уйти, друзья друзей оставить,
 Всѣ измѣнить, и — болѣе чѣмъ всѣ —
 Тѣ, для кого мы сдѣлали всѣхъ больше,
 Но не душа, которая любила
 Не изъ корысти: такова моя;
 Подвергни испытанью.

(Входитъ Салимень.)

Салимень.

Я искалъ

Тебя. Она! опять она явилась?

Сарданапалъ.

И ты опять? но на твоємъ лицѣ
 Я замѣчаю что-то поважнѣе,
 Чѣмъ пребыванье женщины со мной.

Салимень.

Та женщина, которой озабоченъ
 Я въ этотъ мигъ, теперь ужъ далеко:
 Царица отплыла.

Сарданапалъ.

Но какъ? Скажи,
Она здорова?

Саллименъ.

Да; ея припадокъ
На воздухъ прошолъ; по-крайней-мѣрѣ,
Онъ перешелъ въ безмолвную печаль.
Опомнившись, и заглянувъ на спящихъ
Дѣтей своихъ, она горящій взоръ
Спѣшила приковать къ дворцовымъ балшнямъ;
Ну—а межъ тѣмъ гребцы при свѣтѣ звѣздъ
Спускались по теченью. Но она
Ни слова не сказала.

Сарданапалъ.

Ахъ зачѣмъ,
Я чувствъ имѣю больше, чѣмъ она
Сказала словъ.

Саллименъ.

Но этимъ позднимъ чувствомъ
Ты ни одной не заживишь ей раны.
Такъ обратись къ событіямъ: халдейцы
И мидяне вновь въ боевой порядокъ
Приведены мятежными вождями;
По ихъ рядамъ сомкнутымъ можно думать,
Что цѣль у нихъ — устроить нападенье:
Я убѣжденъ, что новые сатрапы
Пристали къ нимъ.

Сарданапалъ.

Какъ! новая измѣна?
Такъ нападать мы первые начнемъ.

Салинетъ.

Я вижу въ этомъ рискъ теперь, хоть это
И было рѣшено у насъ; когда
Есть намъ подойдутъ войска, которыхъ я
Жду съ солнечнымъ восходомъ, мы, пожалуй,
Довольно будемъ сильны — и напасть
И поразить; до тѣхъ же поръ совѣтъ мой:
Ждать приступа.

Сарданапалъ.

Я ненавижу эту
Медлительность; я знаю, что вѣрнѣе
Сражаться за высокими стѣнами,
Свергать враговъ въ глубокіе окопы,
Иль видѣть ихъ торчащими на кольяхъ,
Разставленныхъ для нихъ, но не люблю
Я этого; я потеряю тотчасъ
Терпѣніе; когда же нападеніе
Я самъ начну, засядь они въ твердыню,
На гребнѣ горъ отвѣсныхъ, все до нихъ
Я доберусь, или паду въ порывѣ
Высокихъ чувствъ. Веди меня на приступъ!

Салинетъ.

Ты говоришь какъ молодой солдатъ.

Сарданапалъ.

Я не солдатъ, я человѣкъ; ни слова
Мнѣ о солдатствѣ; я и это званіе
И тѣхъ, кто имъ гордится, презираю.
Ты только покажи, гдѣ ихъ найти?

Салинетъ.

Ты жизнь свою не долженъ такъ поспѣшно
Отваживать; она не то, что жизнь

Моя, иль чья другая: вся война
 Вращается на ней, изъ-за нея;
 Она одна зажгла ее и можетъ
 Раздуть и погасить ее, продлить
 Какъ и окончить.

Сарданапалъ.

Такъ покончимъ разомъ
 Съ объими! Быть можетъ, это лучше,
 Чѣмъ длить ихъ бесполезно... Мнѣ противна
 Одна изъ нихъ, быть можетъ -- обѣ.

(Слышенъ звукъ трубы.)

Салименъ.

Чу!

Сарданапалъ.

Я возражать хочу имъ, а не слушать.

Салименъ.

А какъ же рана, государь, твоя?

Сарданапалъ.

Забыта... перевязана... прошла.
 Идемъ! Меня иголка оцарапалъ
 Могла бъ больнѣй; рабъ, сдѣлавшій мнѣ рану,
 Безславія достоинъ за свою
 Царапину.

Салименъ.

О, еслибъ и теперь
 Никто тебя больнѣй не оцарапнулъ!

Сарданапалъ.

Да, если мы останемся съ побѣдой;
 А если нѣтъ, рабы мнѣ предоставятъ

Исполнить трудъ, котораго ихъ царь
Могъ ждаты отъ нихъ. Идемъ!

Саллимонъ.

Я не отстану.

Сарданшпалъ.

Мои доспѣхи, гей! мои доспѣхи!

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Та же дворцовая палата.

МИРРА И БАЛВА.

Мирра (у окна).

Ну, вотъ и день. Какая ночь предтечей
Ему была! Какъ хороша на небѣ!
Мгновенная гроза ей придала
Лишь красоты своимъ разнообразьемъ.
Какъ безобразно на землѣ! гдѣ миръ,
Любовь, надежда, оргія внезапно
Повержены страстями человѣка
Въ такой хаосъ чудовищный... Война
Еще горить. Какъ можешь ты, о солнце!
И такъ вставать, и такъ сіять, и такъ
Въ богряныхъ облакахъ играть, и строить
Воздушныя созданія изъ нихъ:

Вотъ снѣговья горы, вотъ гряды
 Бѣгровыхъ волнъ, вотъ золотые шпицы
 Какихъ-то башень — чудная игра!
 Такъ землю отражающая въ небѣ,
 Что можно обмануться, но и такъ
 Причудливо на вѣчномъ этомъ сводѣ
 Скользящая, что мы должны назвать
 Ее лишь сномъ. А, между тѣмъ, все это
 Такъ умиляетъ душу, такъ съ душою
 Сливается и властвуетъ надъ ней,
 Что времена восхода и заката
 Считаются порой любви и грусти —
 Двухъ геніевъ-мучителей сердець,
 Двухъ сладкихъ истязателей, которыхъ
 Мученій мы не отдали бъ за всѣ
 Отрады на землѣ. Кто этимъ мирнымъ
 Богинямъ не служилъ, тотъ не знакомъ
 Съ волшебными дворцами, гдѣ усердный
 Поклонникъ ихъ свой освѣжаетъ духъ,
 Хотя на мигъ; но мигъ такой отрады
 Даетъ довольно неба для того,
 Чтобъ облегчить ему и остальные
 Тяжолые и скучные часы
 Вседневной нашей жизни и сносить,
 Подобно всѣмъ живущимъ и терпящимъ,
 Ея печаль и радость — *два* названья
Одной и той же вещи... Мы хотимъ
 Въ своей тоскѣ глубокой, безпокойной
 Хоть звуками разнообразить то
 Гнетущее надъ чувство, что напрасны
 Всѣ, всѣ старанья наши, всѣ труды,
 Чтобъ испытать — что значитъ чувство счастья...

Балеа.

Спокойна и задумчива; возможно ль
Такъ солнечнымъ восходомъ любоваться,
Когда для насъ онъ можетъ быть послѣднимъ?

Мирра.

Я потому имъ и люблюсь такъ,
И этотъ взоръ, которому, быть можетъ,
Ужь имъ не любоваться, укоряю
За то, что онъ такъ часто на него
Глядѣлъ безъ упоенья... безъ любви
Къ чудесному свѣтилу, что одно
Мѣшаетъ быть землѣ такой же бренной,
Какъ ты и я. Приди, взгляни на это
Царь — божество халдейское... Чѣмъ больше
Я на него гляжу, тѣмъ становлюсь
Все болѣе поклонницей Ваала.

Балеа.

Онъ такъ же, какъ теперь на небесахъ,
Когда-то царствовалъ и на землѣ.

Мирра.

Онъ царствуетъ досель на ней, и лучше,
Чѣмъ нѣкогда: найди мнѣ на землѣ
Царя, чтобъ онъ имѣлъ хоть половину
Величія и славы — одного
Его луча.

Балеа.

Воистину онъ богъ!

Мирра.

Такъ думаютъ и греки; но порою
Мнѣ кажется, что этотъ чудный шаръ
Скорѣй боговъ безсмертное жилище,

Чѣмъ равный имъ властитель. Вотъ онъ, вотъ
 Разсѣялъ облака; онъ ослѣпляетъ
 Мои глаза, весь застилаетъ міръ.
 Я больше не могу смотрѣть.

Балеа.

Чу! слышишь?

Какой-то стукъ...

Мирра.

Стукъ? нѣтъ! они дерутся
 Теперь ужъ за стѣнами, а не такъ,
 Какъ въ эту ночь—среди дворцовыхъ комнатъ:
 Съ того часа обиднаго дворецъ
 Сталъ крѣпостью, и здѣсь, въ его срединѣ —
 Широкими дворами оркужонной
 И цѣпью залъ громадныхъ, по которымъ
 Они должны пройти поочередно,
 За шагомъ шагъ, чтобъ вновь зайти сюда,
 Какъ въ прошлый разъ — мы далеки отъ всякой
 Опасности, какъ и отъ всякой славы.

Балеа.

Но въ эту даль они ужъ проникали.

Мирра.

Имъ помогла внезапность, и отпоръ
 Данъ храбростью; теперь у насъ на стражѣ
 И зоркій глазъ и храбрость.

Балеа.

Я молю

Успѣха имъ!

Мирра.

Теперь объ этомъ много
Молящихся; но болѣе за это
Боящихся: да, это трудный часъ!
Я силуюсь позабыть о немъ. Увы!
Напрасный трудъ!

Балеа.

Я слышалъ, будто царь
Такъ велъ себя во время этихъ схватокъ,
Что удивилъ измѣнниковъ не меньше,
Чѣмъ и друзей.

Мирра.

Не трудно удивить
Такую чернь ничтожную, такую
Орду рабовъ; а впрочемъ, онъ отважно
Себя держалъ.

Балеа.

Убилъ онъ Белезиса?
Я слышалъ отъ солдатъ, что онъ ему
На горло наступилъ.

Мирра.

Несчастный былъ
У ногъ его; но былъ спасенъ, быть можетъ —
Для торжества надъ тѣмъ, кто побѣдилъ
Его въ бою, простилъ ему измѣну,
Кто за порывъ великодушный свой
Теперь короной платить.

Балеа.

Чу!

Мирра.

Ты правъ:

То шумъ шаговъ... но медленныхъ.

(Входятъ воины, внося раненаго Салимена; въ боку его видны обломокъ дротика, которымъ онъ раненъ; его кладутъ на одну изъ скамей, входящихъ въ составъ мебели).

Мирра.

Юпитерь!

Балеа.

Такъ значить, всё погибло!

Салименъ.

Это ложь!

Убить раба, сказавшаго ее,
Коль онъ солдатъ.

Мирра.

Такъ пощади его:

Онъ не солдатъ, онъ мотылёкъ придворный,
Порхающій въ сіяньи царской славы.

Салименъ.

Такъ пусть его живетъ.

Мирра.

И ты, надѣюсь,

Останешься въ живыхъ!

Салименъ.

Я пережить

Хотѣлъ бы этотъ часъ и эту битву,
Но въ этомъ сомнѣваюсь. Для чего
Вы принесли сюда меня?

Воинъ.

Намъ царь

Такъ приказалъ. Когда ты пораженъ

Былъ дротикомъ, упалъ и чувствъ лишился,
Онъ именно велѣлъ тебя вотъ въ эту
Палату перенести.

Салименъ.

И хорошо

Онъ поступилъ; не то средь этой схватки,
Видъ мертваго вождя могъ уронить
Духъ нашихъ войскъ; но только это
Не воскресить меня—и мнѣ не жить.

Мирра.

Дай мнѣ взглянуть на рану: это дѣло
Отчасти мнѣ знакомо: тамъ у насъ,
На родинѣ моей насъ воспитанье
Знакомить съ нимъ, такъ какъ война для грековъ
Простой, всеневный видъ..

Воинъ.

Не лучше ль дротикъ

Сперва извлечь...

Мирра.

Нѣтъ! это невозможно.

Салименъ.

Такъ кончено!

Мирра.

За вынутымъ оружьемъ

Кровь побѣжитъ изъ раны: я боюсь
За жизнь твою.

Салименъ.

Я не того боюсь,

Что я умру. Гдѣ былъ въ то время царь,
Какъ вы меня изъ битвы выносили?

Воинъ.

Вблизи тебя, стараясь оживить
Смутившихся солдатъ: они твое паденье
Замѣтили.

Салименъ.

А кто назначенъ, слышно,
Начальствовать?

Воинъ.

Я не слыхалъ.

Салименъ.

Скорѣй же
Лети къ нему; скажи, что мой послѣдній
Ему совѣтъ: отдать начальство Замѣ,
Покуда не придетъ къ намъ Офратанъ,
Сатрапъ изъ Сузы — я съ часу на часъ
Жду этой вѣрной помощи. Идите —
Идите всѣ: мы не настолькоъ сильны,
Чтобы терять такъ много рукъ.

Воинъ.

Но князь...

Салименъ.

Иди, я говорю! Вотъ царедворецъ
И женщина! Какого лучше надо
Мнѣ общества подъ сводами палатъ?
Вы не дали мнѣ умереть средь боя;
Я не хочу, чтобъ праздные солдаты,
Торчали при одрѣ моемъ. Въ походѣ!

(Воины уходятъ.)

Мирра.

Высокая, прекрасная душа!
Уже-ль земля должна тебя лишиться?

Салименъ.

Ахъ, ласковая Мирра! я доволенъ
Кончиною такою, лишь бы въ ней
Монархія, или монархъ спасенъ.

Нашли себѣ... никто, по-крайней-мѣрѣ,
Не скажетъ мнѣ, что я ихъ пережилъ.

Мирра.

Ты все блѣднѣй становишься.

Салименъ.

Дай руку.

Осколокъ этотъ только продолжаетъ
Мои мученія, не давая мнѣ
Полезнымъ быть. Я вырвалъ бы его
И съ жизнію... когда бъ могъ знать о ходѣ
Сраженія.

(Входитъ Сарданапалъ въ сопровожденіи воиновъ.)

Сарданапалъ.

Безцѣнный братъ!

Салименъ.

А битва

Проиграна?

Сарданапалъ *(съ отчаяніемъ)*.

Ты видишь, что я здѣсь.

Салименъ.

Вотъ какъ тебя я видѣть радъ!

(Вырываетъ изъ раны дротикъ и умираетъ)

Сарданапалъ.

Я такъ

И покажу себя; — вотъ только
Не подоспѣй къ намъ вѣрный Офрананъ,
Послѣдняя былинка всѣхъ разбитыхъ
Надеждъ моихъ.

Мирра.

Ты слышалъ о послѣднемъ
Желаніи умершаго — отдать
Начальство Замъ?

Сарданапалъ.

Слышалъ.

Мирра.

Гдѣ онъ?

Сарданапалъ.

Умеръ.

Мирра.

Альтада?

Сарданапалъ.

Этотъ умираетъ.

Мирра.

Сферо

И Панія?

Сарданапалъ.

Послѣдній живъ; а Сферо

Или въ плѣну, или бѣжалъ отъ насъ.

Я весь — одинъ.

Мирра.

Такъ никакой надежды?

Сарданапалъ.

Не будь еще измѣны, наши стѣны,
Хотя онѣ укрѣплены и слабо,
Противу силъ теперешнихъ стоять,
Еще могли бѣ, но въ полѣ...

Мирра.

Салимень,

Мнѣ кажется, не думалъ нападать
Безъ новыхъ силъ, которыхъ ожидалъ
Онъ въ скорости.

Сарданапалъ. ●

Но я увлекъ его.

Мирра.

О чемъ жалѣть?—Ты увлеченно храбрыхъ
Послѣдовалъ.

Сардапалъ.

На гибель. Братъ мой, братъ!
Я отдалъ бы всю власть мою, которой
Ты былъ щитомъ, мечомъ и украшеньемъ,
И честью искупительной, чтобъ вновь
Вернуть назадъ... Но надъ тобой лить слезы
Не буду я—нѣтъ, ты оплаканъ будешь,
Какъ самъ ты быть оплаканнымъ желалъ...
Я объ одномъ скорблю, что, умирая,
Ты думать могъ, что я переживу
Все то, за чтó ты умеръ—наше царство
И царственность властительнаго рода.
Когда я ворочу ихъ, въ искупленье
За жизнь твою я дамъ тебѣ кровь тысячъ
И слезы миллионовъ... (Слезы честныхъ
И добрыхъ душъ и безъ того твои.)
Не то... не то, тебя я не заставлю
Свиданья ждать со мною, если точно
Въ насъ есть душа... Ты видишь эту душу?
Отдай ей справедливость. Дай, я руку
Твою пожму, пока она тепла;
Дай, приложусь къ небьющемуся сердцу
Я сердцемъ бьющимся такъ горько, горько...

(Обнимаетъ тѣло.)

Ну, уберите тѣло!

Воня.

Царь, куда?

Сардапалъ.

Въ мой собственный покой. Подъ балдахиномъ
Поставь его, какъ-будто бы подъ нимъ

Кладутъ царя: обряды похоронъ,
Приличные такому праху, мы
Опредѣлимъ потомъ.

(Воины уходятъ съ тѣломъ Салимена. Входитъ Панія.)

Что, Панія,
Разставилъ ли ты стражу? все ли сдѣлалъ,
Какъ я велѣлъ?

Панія.

Монархъ! какъ только могъ.

Сардананапалъ.

Какъ держатся солдаты?

Панія.

Государь...

Сардананапалъ.

Ты все сказалъ! Когда на царскій спросъ
Вопросомъ отвѣчаютъ, это признакъ
Злосчастія. Войска упали духомъ?

Панія.

Побѣдный крикъ мятежниковъ при видѣ
Паденія и смерти Салимена
Заставилъ ихъ...

Сардананапалъ.

Разсвирѣпѣть—не дрогнуть
Онъ долженъ былъ заставить ихъ; но мы
Ихъ вдохновимъ.

Панія.

Подобная потеря
И самую побѣду опечалить.

Сардананапалъ.

Увы! да кто такъ чувствовать способенъ
Ее, какъ я? А впрочемъ, хоть и точно,
Насъ заперли въ стѣнахъ, но эти стѣны
Падутъ не вдругъ; притомъ, мы ждемъ отважныхъ,

Которые себѣ проложатъ путь
 Сквозь вражій станъ, чтобъ царское жилище
 Вновь сдѣлать тѣмъ, чѣмъ быть оно должно —
 Дворцомъ, а не тюрьмой и не бойницей.

(Входитъ почетный стражъ.)

Твое лицо мнѣ кажется зловѣщимъ.

Но говори!

Почетный стражъ.

Не смѣю.

Сарданапалъ.

Какъ, не смѣешь?

Да противъ насъ осмѣлились миллионы
 Возстать открытой силой? Странно! Я
 Прошу тебя, прерви свое молчанье
 Столь честное; не бойся оскорбить
 Меня ничѣмъ: ты ничего не скажешь,
 Чѣмъ могъ бы изумить меня.

Наня.

Ты слышишь —

Разсказывай!

Почетный стражъ.

Стѣна, которой берегъ

Былъ обнесенъ, внезапнымъ наводненьемъ
 Разрушена. Бушующій Евфратъ,
 Пресыщенный послѣдними дождями
 Тѣхъ горныхъ странъ, отколѣ онъ начало
 Беретъ свое, изъ береговъ вдругъ хлынулъ
 И повалилъ береговой оплотъ.

Наня.

Зловѣщій знакъ! Есть искони вѣковъ
 Преданіе, «что городъ челоувку
 Не будетъ сданъ, пока рѣка не будетъ
 Ему врагомъ».

Сарданапаль.

Преданье — ничего;
Но съ этимъ разрушеньемъ примириться
Я не могу. А какъ великъ пространствомъ
Проломъ стѣны?

Почетный стражъ.

Примѣрно—стадїй въ двадцать.

Сарданапаль.

И это все доступно нападенью
Мятежниковъ?

Почетный стражъ.

Пока рѣка въ разливѣ,
Имъ невозможенъ приступъ; но какъ скоро
Она опять войдетъ въ свое русло
И вновь начнутъ обычной чередою
По ней ходить суда—дворецъ въ ихъ власти.

Сарданапаль.

Нѣтъ, этого не будетъ никогда!
Пусть возстають стихїи, боги, люди
И знаменья противъ того, кто ихъ
Вооружать не думалъ, никогда
Домъ моего отца не будетъ смрадной
Пещерою волковъ: ни жить, ни выть
Не будутъ въ немъ они.

Наня.

Позволь на мѣстѣ
Мнѣ осмотрѣть проломъ и предпринять
Возможныя—по времени и средствамъ—
Къ его защитѣ мѣры.

Сарданапаль.

Это такъ.
Лети стрѣлой; взгляни на все, подробно

Все разузнай и не заставь меня
Отчета ждать объ этомъ наводненнн.
(Панн и почетный стражъ уходятъ.)

Мирра.

Вотъ до чего дошло, что даже волны
Противъ тебя!

Сарданапалъ.

Они мнѣ неподвластны,
Красавица, и такъ какъ я не въ силахъ
Ихъ наказать, то долженъ извинить.

Мирра.

Я радуюсь, что этимъ предвѣщаньемъ
Ты не сраженъ.

Сарданапалъ.

Я выше предвѣщаннй
Стою теперь; они мнѣ ничего
Не могутъ предсказать, чего бы самъ я
Не предсказалъ себѣ за эту ночь.
Отчаянье не можетъ знать боязни.

Мирра.

Отчаянье!

Сарданапалъ.

Не то — чтобы совсѣмъ
Отчаянье. Когда мы знаемъ все,
Что встрѣтитъ насъ, и какъ намъ это встрѣтитъ,
То твердая рѣшимость наша стѣбитъ
Быть названной не столь обиднымъ словомъ.
Но что для насъ слова? мы все почти
Покончили и съ ними — и со всѣмъ.

Мирра.

Еще одно послѣднее дѣянье
Равно для всѣхъ великое, вѣнецъ

Всего, что было, есть, что даже быть
 Готовится — единственная вещь
 Столь общая, всѣмъ людямъ — столь различнымъ
 По ихъ странамъ, рожденью, нравамъ, цвѣту,
 По временамъ, характерамъ, языкамъ,
 Чертамъ лица, наклонностямъ и чувствамъ,
 Безъ всякаго подобія во всемъ
 И сходнымъ только въ этомъ, для чего
 Мы родились, страдали, пресмыкались,
 Къ чему мы шли сквозь этотъ лабиринтъ
 Таинственный, который названъ — жизнью.

Сарданапалъ.

Но такъ какъ нашъ клубокъ почти размотанъ,
 То будемъ веселѣй. Кто все уже —
 Все испыталъ, чего бояться можно,
 Тотъ смѣетъ улыбаться и предъ тѣмъ,
 Чего робѣлъ. Разгаданная буква
 Перестаетъ быть страшной для дѣтей.

(Панія возвращается.)

Панія.

Все вышло такъ, какъ было государю
 Донесено: въ мѣстахъ не столь опасныхъ
 Я приказалъ ослабить караулъ
 Съ тѣмъ, чтобы двойной поставить у пролома
 Пробитаго водою.

Сарданапалъ.

Ты свою

Обязанность исполнилъ честно — такъ,
 Какъ мой достойный Панія, и этимъ
 Мы кончимъ наши связи. На, возьми
 Вотъ этотъ ключъ.

(Даетъ ему ключъ.)

Онъ отмыкаетъ двери
 У комнаты, устроенной въ стѣнѣ
 Моей палаты спальной, за моей
 Кроватью—(увы! обремененной
 Столь благородной ношею теперь,
 Какой еще носить ей не случилось,
 Хоть въ рамкахъ золотыхъ ея такъ много
 Царей опочивало: я хочу
 Сказать о томъ, что было съ Салименомъ
 Лишь часъ назадъ) — тотъ сокровенный ходъ
 Ты отыщи: онъ грудами сокровищъ
 Загроможденъ; бери изъ нихъ себѣ,
 Бери друзьямъ: вамъ всѣмъ до пресыщенья
 Достанетъ ихъ, рабовъ я объявляю
 Свободными; всѣмъ-во дворцѣ живущимъ
 Всѣхъ возрастовъ и половъ я даю
 Совѣтъ—его оставить, и немедленно.
 Пусть заберутъ весь царскій флотъ, когда-то
 Забавою служившій, а теперь
 Убѣжищемъ отъ золь — и поплывутъ:
 Рѣка такъ широка и полноводна
 И, будучи властительнѣй царя,
 Свободна отъ осады. Торопись —
 И будьте всѣ счастливы!

Панія.

Подъ твоей
 Защитою! Будь вѣрной своей стражѣ
 Вождемъ въ пути.

Сардананапаль.

Нѣтъ, Панія, бѣги —
 И предоставь меня моей судьбѣ.
 Со мной другое будетъ.

Нанія.

Я ни разу
Ослушнымъ не являлся; но теперь...

Сарданапаль.

Ужель я палъ такъ глубоко, что наглость
Моихъ друзей равняется измѣнѣ
Моихъ враговъ? Ни слова! — это мой
Приказъ тебѣ, послѣдній мой приказъ.
Уже ли ты его нарушишь—ты?

Нанія.

Дай время намъ.

Сарданапаль.

Даю; но поклонись
Покорнымъ быть, какъ только я дамъ знакъ.

Нанія.

Отъ всей души, хотя убитой скорбью,
Я общаю.

Сарданапаль.

Этого довольно.

Теперь вели принести сюда побольше
Сухой сосны, увядшихъ листьевъ, прутьевъ,
Такихъ веществъ, чтобъ обнялись пожаромъ
Въ единый мигъ и отъ одной лишь искры;
Не позабуди о кедрѣ; принеси
Душистыхъ смоль, кореньевъ благовонныхъ;
А чтобъ огонь былъ ярче и сильнѣй,
Побольше досокъ большихъ; ни мирры,
Ни ладону не позабуди съ собою
Принести сюда: я для великой жертвы
Костерь сооружаю. Уложи
Все это вокругъ престола.

Панія.

Государь!..

Сарданапаль.

Я приказалъ — ты мнѣ клялся.

Панія.

Я вѣрнымъ

Остался бѣ и безъ клятвъ.

(Панія уходитъ.)

Мирра.

Что это значитъ?

Сарданапаль.

Что предстоитъ узнать тебѣ, объ этомъ
Миръ цѣлый не забудетъ никогда.

(Панія возвращается съ вѣстникомъ.)

Панія.

Мнѣ, государь, при выходѣ отсюда
Попался этотъ вѣстникъ: онъ желалъ
Быть предъ тобой.

Сарданапаль.

Онъ можетъ говорить.

Въ чемъ дѣло?

Вѣстникъ.

Царь Арбакъ...

Сарданапаль.

Ужъ онъ успѣлъ
Короноваться? Какъ! Но продолжай!
Я слушаю, что дальше.

Вѣстникъ.

Белезись,
Верховный жрецъ, помазанный служитель...

Сарданапалъ.

Какихъ боговъ, иль дьяволовъ? Съ другими
Царями воздвигаются тотчасъ,
И алтари другіе. Продолжай!
Ты можешь мнѣ не отвѣчать; ты присланъ
Лишь волю господина своего
Мнѣ передать.

Вѣстникъ.

И Офратанъ, сатрапъ...

Сарданапалъ.

Какъ, Офратанъ? Онъ былъ одинъ изъ нашихъ.

Вѣстникъ.

Онъ въ станѣ побѣдителей теперь.
И вотъ его перстневая печать.

(Показываетъ перстень.)

Сарданапалъ.

Кольцо его. Что можетъ быть достойнѣй
Такихъ людей? Ты во-время покончилъ,
Мой бѣдный Салимень! одной измѣной
Ты видѣлъ меньше: этотъ человекъ
Былъ изъ числа друзей твоихъ; онъ былъ
Мой подданный вѣрнѣйшій... Продолжай!

Вѣстникъ.

Тебѣ даруютъ жизнь; ты въ правѣ выбрать
Одну изъ отдаленныхъ областей
Для жительства; тамъ будетъ за тобою
Слѣдить надзоръ; но лично ты свободенъ —
Ты можешь жить тамъ въ мирѣ, но съ однимъ
Условіемъ: троихъ князей наслѣдныхъ
Отдать въ заложники ты долженъ.

Сарданапаль.

Такъ!

Кто могъ бы ждать такого снисхожденья
Отъ побѣдителей?

Вѣстникъ.

Я жду отвѣта.

Сарданапаль.

Отвѣта? Рабъ! давно ль располагаютъ
Рабы судьбой царей?

Вѣстникъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали
Свободными.

Сарданапаль.

Прислужникъ мятежа!

Я покажу тебѣ, по-крайней-мѣрѣ,
Какъ измѣнять опасно. Панія!
Пусть съ нашихъ стѣнъ въ измѣннической лагерь
Забросятъ его голову, а трупъ
Вдоль по рѣкѣ пустить. Покончи съ нимъ!

(Панія и воины схватываютъ вѣстника.)

Панія.

Я никогда съ подобнымъ наслажденьемъ
Не исполнялъ твоей высокой воли!
Не тутъ, солдаты, стой! не оскверняйте
Нечистой кровью царственныхъ палатъ:
Съ измѣнникомъ мы кончимъ на просторѣ.
Идемъ отсель.

Вѣстникъ.

Одно лишь слово: званье
Мое священно, царь.

Сарданапалъ.

А это званье,
 Которое ты оскорбилъ во мнѣ,
 Такъ нагло предложивъ мнѣ отказаться
 Отъ правъ моихъ, оно какого свойства?

Вѣстникъ.

Я долженъ былъ исполнить порученье;
 За мой отказъ меня могла постигнуть
 Такая же опасность, какъ теперь.

Сарданапалъ.

Такъ вотъ они—минутные монархи!
 Ужъ деспоты... какъ-будто багряница
 Пеленками служила имъ и тронъ
 Съ младенчества ихъ нянчилъ.

Вѣстникъ.

Жизнь моя

Въ одномъ дыханьи устъ твоихъ. Твоя —
 Я говорю о томъ, что такъ возможно,
 И говорю съ смиреніемъ—твоя
 Находится въ опасности не меньшей.
 Прилично ли послѣдніе часы
 Немродовой великой родословной
 Пятнать убійствомъ мирнаго посла,
 Смиреннаго, безсильнаго? Уже ли
 Въ подобный часъ свершится поруганье
 Не только надо всѣмъ, что человѣкъ
 Привыкъ считать святымъ межъ человѣкомъ
 И человѣкомъ, нѣтъ, но и надъ тѣмъ,
 Что насъ одно связуетъ лишь съ богами?

Сарданапалъ.

Онъ правъ; пустить его. Дѣянье гнѣва
Не можетъ быть концомъ всѣхъ дѣлъ моихъ.
Поди сюда, пріятель.

(Веретъ со стола золотую чашу.)

Этотъ кубокъ

Я отдаю тебѣ; пей изъ него
Вино свое и помни обо мнѣ;
Иль сплавъ его и помни объ одной
Лишь цѣнности и тяжести металла.

Вѣстникъ.

Благодарю вдвойнѣ тебя: за жизнь
И этотъ даръ, дающій цѣну жизни.
Съ какимъ же я иду отвѣтомъ?

Сарданапалъ.

Да...

Скажи, что я прошу на размышленіе
Часъ перемирія.

Вѣстникъ.

Лишь часъ?

Сарданапалъ.

Лишь часъ.

Какъ скоро я по окончаньи срока
Къ союзникамъ ни съ чѣмъ не отнесусь,
То это знакъ, что я не принимаю
Условій ихъ, и пусть они поступятъ
Какъ захотятъ.

Вѣстникъ.

Я не премину быть
Твоимъ истолкователемъ вѣрнѣйшимъ.

(Намъревается уйти.)

Сарданапаль.

Ахъ, да! еще два слова.

Вѣстникъ.

Я ихъ жду,

Съ почтеніемъ.

Сарданапаль.

Поклонъ мой Белезису.

Скажи ему, что ровно черезъ годъ

Я съ нимъ увижусь.

Вѣстникъ.

Гдѣ?

Сарданапаль.

Мы въ Вавилонѣ

Съ нимъ встрѣтимся: по-крайней-мѣрѣ, онъ

Оттоль ко мнѣ отправится.

Вѣстникъ.

Я это

Все передамъ буквально.

(Уходитъ.)

Сарданапаль.

Ну, теперъ

Живѣй, мой добрый Панія! за дѣло!

Панія.

Я приказалъ солдатамъ. государь.

Но вотъ они идутъ.

(Входятъ воины и устраиваютъ около трона костеръ.)

Сарданапаль.

Плотнѣй и выше,

Друзья мои. Да вотъ что: основанье

Устройте такъ, чтобъ изъ него не вышло

Потѣшнаго огня, иль кто-нибудь

Не вздумалъ бы услужливой рукою
 Гасить его, а главное, чтобъ тронъ
 Пришелся въ самомъ сердцѣ: жаль его
 Мнѣ выскочкамъ покинуть; пусть на долю
 Имъ упадетъ огнемъ неистребимый
 Лишь грузъ его... Смолы, смолы побольше.
 Старайтесь такъ, какъ-будто мы твердыню
 Своихъ враговъ закоренѣлыхъ сжечь
 Сбираемся. Вотъ такъ! Теперь въ немъ есть
 Внушающее что-то. Панія!
 Чтѣ скажешь ты? довольно ли такого
 Костра для похоронъ царя?

Панія.

И царства; да,

Теперь я понимаю.

Сардананалъ.

И меня,

Быть можетъ, осуждаешь?

Панія.

Нѣтъ. Дозволь

Зажечь лишь мнѣ костеръ и раздѣлить
 Его съ тобой.

Мирра.

Нѣтъ, это ужъ моя

Обязанность.

Панія.

Какъ, женская?

Мирра.

Когда

Солдатъ считаетъ долгомъ умереть
 За своего царя, такъ почему
 Не умереть бы женщинѣ съ своимъ
 Возлюбленнымъ?

Панія.

Но это чрезвычайно!

Мирра.

Не такъ, однако, рѣдко, какъ ты могъ
Воображать, мой Панія. Межь тѣмъ
Желаю долго жить тебѣ. Прощай.
Костеръ готовъ.

Панія.

Да какъ же моего
Я умирать покину государя
Лишь съ женщиной?

Сарданапаль.

Я много, слишкомъ много
Себѣ предтечь имѣлъ уже ко праху.
Обогатись и уходи.

Панія.

Чтобъ жить
Въ безславіи.

Сарданапаль.

Не позабудь, что ты
Далъ клятву мнѣ: она невозвратима.

Панія.

Когда ужь такъ, властитель мой, прощай!

Сарданапаль.

Обыскивай теперь мои покои
Прилежнѣе. Не чувствуй угрызений
Братъ золото. Не позабудь, что все,
Что только ты оставишь, ты оставишь
Рабамъ, моимъ убійцамъ. Но какъ скоро
Вы на суда отправитесь, дворецъ
Покинувъ безопасно, дай мнѣ знакъ;
Возьми рожокъ и длинный, длинный звукъ
Издай на немъ: рѣчные берега

Такъ далеки, рѣка такъ говорливо
 Течетъ теперь, что слабый звукъ навѣрно
 Сюда не долетитъ отгол. Потомъ —
 Счастливый путь! Но, распустивши парусъ,
 Ты оглянись назадъ, и ужъ затѣмъ
 Плыви, мой Панія, вдоль береговъ
 Широкаго Евфрата; если ты
 Достигнешь Пафлагоніи, гдѣ Котта
 Царицѣ оказалъ гостепріимство
 Съ тремя дѣтьми моими, расскажи
 Ей обо всемъ, что видѣлъ на прощаньи
 И проси не забывать о томъ,
 Чтò при другомъ, при болѣе печальномъ
 Прощаньи говорилъ я.

Панія.

Эту руку
 Высокую! Дозволь намъ прикоснуться
 Устами къ ней и мнѣ и этимъ бѣднымъ
 Солдатамъ, окружающимъ тебя,
 Хотѣвшимъ бы и умереть съ тобою.

*(Воины и Панія тѣснятся вокругъ Сарданапала, цалуя
 его руку и полу его одежды.)*

Сарданапалъ.

Друзья мои! послѣдніе мои
 И лучшіе друзья! къ чему вводитъ
 Въ уныніе другъ друга? лучше вдругъ
 Разстанемся. Послѣднія прощанья
 Мгновенными должны быть, или ихъ
 Минуты намъ покажутся за вѣчность,
 И только лишъ послѣдніе пески
 Дней остальныхъ намъ сдѣлаютъ печальнѣй.
 Прощайте! Будьте счастливы! Спѣшите.

Повѣрьте мнѣ, что если я теперь
 Достоинъ сожалѣнья, то скорѣе
 За то, что жилъ, а не за то, что жить
 Перестаю. Про остальное знаютъ
 Одни лишь боги, если есть они...
 Я скоро все узнаю. Но — прощайте,
 Прощайте всѣ.

(Памя и воины уходятъ.)

Мирра.

Вотъ честный былъ народъ!
 По-крайней-мѣрѣ, взоръ послѣдній нашъ
 На любящихъ былъ лицахъ остановленъ.

Сарданапалъ.

И на возлюбленныхъ, краса моя!
 Но выслушай еще разъ! Если въ это
 Мгновеніе — а мы дошли до края —
 Ты чувствуешь сердечную боязнь
 Перескочить сквозь пламя въ неизвѣстность,
 То говори: я тѣмъ не меньше буду
 Любить тебя, быть можетъ, даже больше,
 За эту слабость женщины; а ты
 Успѣла бы пристать пока къ бѣгущимъ.

Мирра.

За этой дверью жертвенникъ Ваала
 Съ огнемъ неугасимымъ передъ нимъ
 И цѣлой грудой факеловъ: не время ль
 Зажечь одинъ изъ нихъ?

Сарданапалъ.

Зажги; и это

Весь твой отвѣтъ?

Мирра.

Какъ ты сейчасъ увидишь.

(Уходитъ.)

Сардаиналь (одна).

Она тверда. Ты, мой отецъ! вы, предки,
 Къ которымъ отхожу я, можетъ быть,
 Очищенный хоть смертію отъ пятенъ
 Моей не слишкомъ чистой жизни, — вы!
 Я вашего стариннаго жилища
 Не захотѣлъ невольникамъ-ворамъ
 Отдать на оскверненье... Если вашимъ
 Я царствомъ управлялъ не такъ, какъ мнѣ
 Завѣщано, то этотъ перлъ наслѣдства,
 Семейный вашъ очагъ, вашъ домъ, и всѣ
 Сокровища, священные останки
 Оружій вашихъ, статуи, колонны,
 И свитки лѣтописцевъ, и добычи
 Военныя, которыя они
 Въ пирахъ могли истратить, я съ собою
 Къ вамъ уношу — я поручить дерзнулъ
 Все это истребляющей стихіи,
 Которая, погаснувши, оставитъ
 Не болѣе вещественныхъ слѣдовъ,
 Какъ и душа, которая сродни ей.
 Нѣтъ, никогда столь царственный костеръ
 Для похоронъ еще не воздвигался;
 Пожаръ его не будетъ лишь простымъ
 Столбомъ огня и дыма, маякомъ,
 Зажженнымъ надень, и потомъ
 Горой золы: о нѣтъ! онъ разгорится
 Свѣтиломъ, поучающимъ вѣка,
 Мятежные народы и безпечныхъ
 Владыкъ земныхъ. Пусть истребляетъ время
 Дѣла героевъ, лѣтописи царствъ,
 Пускай оно манархіи сметаетъ .

Съ лица земли, одну во слѣдъ другой,
 Подобно этой первой между ними;
 Царь подвиговъ—мой подвигъ и тогда
 Найдеть себѣ пощаду, будетъ вѣчной
 Задачею, которой подражать
 Немногіе посмѣютъ, но никто
 Не оскорбитъ презрѣнемъ, а — быть можетъ —
 Еще и жизнь оставить кто-нибудь,
 Ведущую къ такой развязкѣ.
*(Мирра возвращается съ зажженнымъ факеломъ въ одной
 рукѣ и съ чашею въ другой.)*

Мирра.

Вотъ!

Фонарь зажженъ; онъ будетъ намъ свѣтить
 До самыхъ звѣздъ.

Сардананалъ.

А чаша?

Мирра.

У моей

Отчизны есть обычай: чтить боговъ
 Посредствомъ возліяній.

Сардананалъ.

Мой обычай

Быль дѣлать возліянья межъ людьми.
 Я не забылъ обычая.

(Беретъ чашу.)

Одинъ!...

Но и одинъ я осушу напитокъ
 На память всѣхъ веселыхъ ликованій
 Среди друзей.

*(Выпиваетъ и, опрокинувъ чашу, ударяетъ по дну, чтобы
 выронить каплю, которая и упадетъ.)*

А это возліянье

Во славу Белезиса.

Мирра.
Отчего

Ты этого припомнилъ человѣка,
А не его сообщника въ измѣнѣ?

Сарданапалъ.

Тотъ—лишь солдатъ, простой солдатъ, не больше,
Орудіе, родъ палаша въ рукахъ
Пріятеля; другой же — зачинатель,
Душа и жизнь солдатской этой куклы.
Но я ихъ забываю. Погоди!
Такъ ты, моя возлюбленная Мирра,
Свободно, безбоязненно рѣшилась
Идти за мной?

Мирра.

Уже ль ты можешь думать
Что греческой дѣвицѣ изъ любви
Труднѣе сдѣлать то, что изъ обряда,
Дерзаетъ дѣлать въ Индіи вдова?

Сарданапалъ.

Поэтому; мы ждемъ теперь лишь знака.

Мирра.

Онъ долго заставляетъ ждать.

Сарданапалъ.

Прощай.

Одинъ послѣдній поцалуй...

Мирра.

Одинъ,

Но не послѣдній: остается
Еще одинъ.

Сарданапалъ.

Да, правда; это пламя
Пожарное соединить нашъ пепелъ.

Мирра.

И чистый, какъ любовь моя къ тебѣ.

Прахъ сердца моего соединится
 Съ твоимъ сребристымъ пепломъ. Лишь одно
 Грусть на меня невольную наводитъ.

Сардананалъ.

Скажи, о чемъ?

Мирра.

Ничья рука съ любовью
 Нашъ общій прахъ не соберетъ и урной
 Надгробной не почититъ его.

Сардананалъ.

Тѣмъ лучше:

Пусть разнесутъ его скорѣ вѣтры
 Въ просторномъ поднебесьи, чѣмъ руками
 Нечистыми еще разъ осквернятъ
 Измѣнники. Пылающій дворецъ
 И стѣнъ его дымящихся обломки
 Громадные оставляютъ по себѣ
 Намъ памятникъ, какого самъ Египетъ,
 Горами громоздившій кирпичи,
 Не воздвигалъ надъ мертвыми царями,
 Иль надъ своей скотиной, такъ какъ это—
 Кто изъ двоихъ подъ гордой пирамидой
 Покоится: монархъ, иль быкъ, богъ Аписъ —
 Покуда неизвѣстно. Вотъ цѣна
 Всѣмъ этимъ монументамъ! Пирамида
 Забыла лѣтопись свою

Мирра.

Прощай,

Прощай, земля! и ты, столь мной любимый,
 Край на землѣ, ты, Греція! прощай.
 Будь навсегда свободна и прекрасна,
 Никѣмъ непобѣдима! За тебя
 Была моя послѣдняя молитва

И о тебѣ мои всѣ думы были
Послѣднія, кромѣ одной...

Сарданапалъ.

А эта?

Мирра.

Твоя.

(Раздается рожокъ Пани.)

Сарданапалъ.

Ого!—пора!

Мирра.

Пора!

Сарданапалъ.

Прощай,

О Ассирія! я любилъ тебя,
Любилъ тебя, страна моихъ отцовъ,
И больше какъ отчизну, чѣмъ какъ царство.
За радости, за миръ, которымъ я
Тебя пресытилъ — вотъ моя награда!
И я теперь ничѣмъ, ничѣмъ тебѣ
Не долженъ, ниже моей могилой.
(Всходитъ на костеръ.)

Ну, Мирра.

Мирра.

Ты готовъ?

Сарданапалъ.

Какъ этотъ факель

Въ твоихъ рукахъ.

(Мирра зажигаетъ костеръ.)

Мирра.

Пылаеть! я иду.

*(Мирра принимаетъ положеніе, чтобы съ размаху бро-
ситься въ пламя; занавѣсъ падаетъ.)*

Е. Заринъ.

ПРИМЪЧАНІА БЪ САРДАНАПАЛУ.

1) «Сарданапалъ» былъ первоначально изданъ вмѣстѣ съ трагедіей «Двое Фоскари». Въ послѣдствіи Байронъ снабдилъ объ эти пьесы слѣдующимъ маленькимъ предисловіемъ, въ которомъ высказалъ свой взглядъ на техническое построеніе драмы—взглядъ совершенно необыкновенный для соотечественника Шекспира, но все-таки любопытный, какъ правило, какъ статья изъ эстетическаго кодекса Байрона:

«Издавая въ свѣтъ эти трагедіи, я считаю нужнымъ повторить, что онѣ создавались безъ всякаго, даже самаго отдаленнаго, разчета на театральныя подмоски. Въ одной изъ нихъ авторъ старался вполнѣ а въ другой хотя приблизительно сохранить извѣстныя «единства» (т. е. *мѣста, времени и дѣйствія*). Онъ полагаетъ, что и при какомъ угодно отступленіи отъ этихъ единствъ можно быть поэтичнымъ, но быть драматичнымъ нельзя. Ему известна вся непопулярность этого мнѣнія въ теперешней англійской литературѣ; но система «единствъ» принадлежитъ не ему, а тоже, въ свою очередь, есть мнѣніе, которое еще не такъ давно было литературнымъ закономъ для цѣлаго міра, да и теперь еще остается таковымъ для наиболѣе цивилизованныхъ частей его. Но *tout avons changé tout cela* (мы все это перемѣнили) и починаемъ выгоды такой перемѣны. Авторъ чрезвычайно далекъ отъ самообольщенія, чтобы то, что онъ можетъ преподавать или исполнить лично, собственнымъ примѣромъ, могло

приближаться къ произведеніямъ его предтечей, уважавшихъ ли правила, или вовсе безъ правилъ; онъ только приводитъ резонъ, почему онъ предпочолъ наиболѣе правильный планъ постройки, хотя и слабый, совершенному отрѣшенію отъ какихъ бы то ни было правилъ. Гдѣ онъ потерпѣлъ неудачу, тамъ она должна быть приписана архитектору, а не искусству.

²⁾ Извѣстно, что Гёте глубоко былъ тронутъ этимъ посвященіемъ; извѣстны и самыя слова, высказанныя имъ по этому поводу. Вотъ они: «Хорошо сознавая на старости лѣтъ моихъ цѣну самому себѣ и моимъ произведеніямъ, я, однако, не могу иначе понимать слова этого посвященія, какъ съ благодарностью и уваженіемъ; я вижу въ нихъ не болѣе, какъ благородное вниманіе ко мнѣ высшаго генія, столько же оригинальнаго въ выборѣ, сколько неисчерпаемаго въ матеріалахъ своихъ созданій.»

³⁾ Это мѣсто въ подлинникѣ поясняется слѣдующимъ историческимъ примѣчаніемъ: «Для этой экспедиціи онъ (Александръ Македонскій) взялъ съ собою всѣ свои легкія войска и только небольшую, отборную часть своей фаланги. Въ первый же день пути онъ достигъ Анхіала, города, основаннаго, по преданію, ассирійскимъ царемъ Сарданапаломъ. Укрѣпленія, по ихъ громадности и протяженію, еще во времена Арріана носили характеръ величія, котораго ассиріяне, повидимому, особенно добивались въ постройкахъ подобнаго рода. Памятникъ въ честь Сарданапала, найденный здѣсь, былъ узнанъ по надписи, сдѣланной ассирійскими письменами, конечно, на древне-ассирійскомъ языкѣ. Худо ли, хорошо ли, греки прочитали эту надпись такъ: «Сарданапалъ, сынъ Анасиндаракса, въ одинъ день основалъ Анхіаль и Тарсъ. Ышь, пей, неждайся: всѣ другія человѣческія радости не стоятъ щелчка». Предполагая эту надпись приблизительно подлинной (потому что Арріанъ говоритъ, что она была не совершенно такова), можно, кажется, не безъ основанія задуматься: не имѣла ли эта надпись скорѣе въ виду призвать къ гражданскому порядку народъ, расположенный къ возмущеніямъ, чѣмъ восхвалять ему неумѣренную роскошь? Въ самомъ

дѣль, съ какою цѣлью ассирійскій царь могъ созидать подобные города въ странѣ, столь отдаленной отъ его столицы и отдѣленной отъ нея огромнымъ пространствомъ песчаныхъ пустынь и высокими горами? Даже болѣе, насколько не очевидно, какимъ образомъ жители этихъ городовъ могли бы предаться вдругъ неумѣреннымъ удовольствіямъ, къ которымъ, по предположенію, совѣтовалъ имъ обратиться ихъ государь? Но тутъ очень у мѣста одно замѣчаніе: по той же самой береговой линіи, составляющей югъ Малой Азіи, развалины, едва упоминаемыя въ исторіи, но, очевидно, принадлежація вѣку позднѣйшему Александра, еще и до сихъ поръ удивляютъ путешественниковъ своимъ величіемъ и красотою. Въ условіяхъ ли климата и почвы, или въ удобствахъ для торговли, но, во всякомъ случаѣ, для процвѣтанія здѣсь человѣческихъ обществъ—здѣсь, среди заустѣнія въ продолженіе столькихъ столѣтій—каждодневно все дальше и дальше распространяемаго варварскимъ невѣжествомъ на прекраснѣйшія страны въ міръ—должны были существовать, или быть открыты необыкновенныя средства. А отсюда можно заключать, что предпріятіе Сарданапала вытекало изъ болѣе здравыхъ соображеній, чѣмъ какія обыкновенно ему приписываются. И такъ какъ этотъ государь былъ послѣднимъ въ династіи, погибшей отъ революціи, то поборъ, сопровождающій его память, можетъ быть очень естественно объясненъ политикою его преемниковъ и ихъ сторонниковъ. Несостоятельность преданій о Сарданапалѣ поразительна въ разсказѣ о немъ Діодора». *Митфордъ.*

СПИСОКЪ
РУССКИХЪ ПЕРЕВODOВЪ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ
«БАЙРОНЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ».

Еврейскія мелодіи.

I.

Она идетъ.

1. Н. Маркевича. (Мелодія, изъ лорда Байрона.) «Новости Литературы», 1825, кн. XII, май, стр. 140. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Н. Маркевича» (1829, стр. 68).

2. А. Озновишина. (Еврейская мелодія лорда Байрона). «Сѣверная Лира», 1827, стр. 51.

3. И. Козлова. (Подражаніе Байрону.) «Стихотворенія Ивана Козлова» (1828), стр. 57. перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ.

4. Н. Берга. (Л. Г. К., изъ Байрона.) «Московскій Городской Листокъ», 1847, № 40, стр. 162. Перепечатано въ «Перелодахъ и подражаніяхъ Н. В. Берга» (1860, стр. 199).

5. Д. Михаловскаго. (She walks in beauty, изъ Байрона.) «Современникъ», 1859, т. 73, № 2, отд. I, стр. 470.

6. П. Козлова. (Израильтянка, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 1.

7. Д. М. (Мелодія, изъ Байрона.) «Русскій Миръ», 1861, № 3, стр. 54.

8. В. Костомарова. (Еврейская мелодія Байрона.) «Свѣточъ», 1862, № 4, отд. I, стр. 180.

II.

Разорваны струны.

1. Н. Гнѣдича. (Арфа Давида, подражаніе лорду Байрону.) «Вѣстникъ Европы», 1822, ч. 122, № 3, стр. 176. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Н. Гнѣдича».

2. П. Козлова. (Лира Давида, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 3.

III.

0, если тамъ, за небесами!

1. Н. Маркевича. (Мелодія, изъ Байрона.) «Стихотвореніе Н. Маркевича» (1829), стр. 64.

2. И. Козлова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Библиотека для Чтенія», 1836, т. 19, № 11, отд. I, стр. 16.

3. Н. Жандра. (Idem.) «Невскій Альманахъ», 1847, стр. 207.

4. Д. Михаловскаго. (If that high world, изъ Байрона.) «Современникъ», 1859, т. 73, № 2, отд. I, стр. 471.

5. П. Козлова. (Вѣчность, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 5.

IV.

Газель.

1. А. Кирова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Славянинъ», 1828, ч. VII, № 39, отд. II, стр. 505.

2. П. Козлова. (Газель, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 7.

V.

O, плачьте!

1. С. Дурова. (Мелодія, изъ Байрона.) «Иллюстрація», 1846, т. II, № 18, стр. 289.

2. Д. Мина. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Развлеченіе», 1859, т. I, № 14, стр. 157.

3. П. Козлова. (Idem.) «Библиотека для Чтенія», 1859, т. 153, № 2, отд. I, стр. 1. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 9).

4. М. Д. (Плѣнь вавилонскій, изъ Байрона.) «Русскій Миръ», 1862, № 7, стр. 172.

5. Д. Минаева. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Русское Слово», 1863, № 10, отд. I, стр. 127.

VI.

На берегахъ Иордана.

1. П. Ободовскаго. (Гласъ мщенія, подражаніе Байрону.) «Невскій Альманахъ», 1830, стр. 226.

2. Неизвѣстнаго. (Переводъ изъ Байрона.) «Стихотвореніе безъ титула» (1838), стр. 39.

3. П. Козлова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Библиотека для Чтенія», 1859, т. 156, № 7, отд. I, стр. 7. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 11).

4. Неизвѣстнаго. (На тихихъ берегахъ Иордана, изъ Байрона.) «Развлеченіе», 1861, т. VI, № 13 (38), стр. 145 и 146.)

5. Θ. Берга. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Модный Магазинъ», 1864, № 6, стр. 89.) *Переводъ сдѣланъ для моего изданія.*

VII.

Дочь Исфая.

1. Л. Панютина. (Дочь Исфая, изъ Байрона.) «Стихотворенія Льва Панютина» (1858), стр. 126.

2. П. Козлова. (Idem.) «Библиотека для Чтенія», 1859, т. 154, № 3, отд. I, стр. 139. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 13).

3. Н. Гервеля. (Idem.) «Модный Магазинъ», 1864, № 3, стр. 33. Перепечатано, въ «Современникъ» (1864, т. 100, № 1, отд. I, стр. 269).

VIII.

Угаснешь ты.

1. Кирова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Славянинъ», 1828, ч. VIII, № 42, отд. II, стр. 105.

2. Н. Маркѣвича. (Элегія, изъ Байрона.) «Стихотворенія Н. Маркѣвича» (1829), стр. 21.

3. И. Крешева. (Мелодія, изъ Байрона.) «Библиотека для Чтенія», 1843, т. 58, № 6, отд. I, стр. 123. Перепечатано въ «Переводахъ и Подражаніяхъ И. П. Крешева» (1862, стр. 71).

4. К. Случевскаго. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Общезанимательный Вѣстникъ», 1857, т. I, № 3, стр. 119.

5. П. Козлова. (Idem.) «Библиотека для Чтенія», 1859, т. 154, № 3, отд. I, стр. 140. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 15).

IX.

Душа моя мрачна.

1. Н. Гнѣдича. (Мелодія, изъ Байрона.) «Стихотворенія Н. Гнѣдича» (1822), стр. 184. Перепечатано въ послѣдующихъ изданіяхъ.

2. А. Кирова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Славянинъ», 1828, ч. VIII, № 41, отд. II, стр. 67.

3. М. Лермонтова. (Idem.) «Отечественныя Записки», 1839, т. IV, № 6, отд. III, стр. 80.

Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Сочиненій М. Ю. Лермонтова».

4. П. Волкова. (Мелодія, изъ Байрона.) «Библиотѣка для Чтенія», 1839, т. 36, № 10, отд. I, стр. 143.

5. П. Козлова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Библиотѣка для Чтенія», 1859, т. 153, № 2, отд. I, стр. 2. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 17).

Х.

Ты плакала.

1. Н. Маркевича. (Мелодія, изъ сочиненій лорда Байрона.) «Новости Литературы», 1825, кн. XI, январь, стр. 36. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Н. Маркевича» (1829, стр. 71).

2. А. Ротчева. (Мелодія, подражаніе Байрону.) «Московскій Телеграфъ», 1826, ч. X, отд. II, стр. 135.

3. А. Кирова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Славянинъ», 1828, ч. VIII, № 44, отд. II, стр. 191.

4. А. Мейснера. (Красавица, изъ Байрона.) «Стихотворенія А. Мейснера» (1836, стр. 224.)

5. Н. Жандра. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Невскій Альманахъ» 1847, стр. 207.

6. П. Жадовскаго. (Безъ заглавія, изъ Байрона.) «Москвитянинъ», 1856, т. VI, № 21, отд. I, стр. 20.

7. Д. Михаловскаго. (I saw thee weep, изъ

Байрона.) «Современникъ», 1859, т. 73, № 2, отд. I, стр. 471.

8. П. Козлова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Библиотека для Чтенія», 1859, т. 153, № 2, отд. I, стр. 1. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 19).

XI.

Ты кончилъ трудный путь.

1. С. Славутинскаго. (Мелодія Байрона.) «Русское Слово», 1859, № 6, отд. I, стр. 327.

2. П. Козлова. (Смерть героя, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 21.

XII.

Пѣснь Саула предъ послѣднимъ боемъ.

1. П. Козлова. (Пѣснь Саула предъ боемъ, изъ Байрона.) «Библиотека для Чтенія», 1859, т. 156, № 7, отд. I, стр. 5. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 23).

2. Н. Гервеля. (Пѣснь Саула предъ послѣднимъ боемъ, изъ Байрона.) «Модный Магазинъ», 1864, № 1, стр. 1. Перепечатано, въ исправленномъ видѣ, въ «Современникъ» (1864, т. 100, № 1, отд. I, стр. 267).

XIII.

Сауль.

1. П. Козлова. (Сауль, изъ Байрона.) «Библиотека для Чтенія», 1859, т. 156, № 7, отд. I,

стр. 4. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 25).

2. Д. Михаловскаго. (Idem.) «Модный Магазинъ», 1864, № 7, стр. 103. *Переводъ напечатанъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.*

3. О. Берга. (Idem.) *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XIV.

«Все суета, сказалъ учитель».

П. Козлова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Библіотека для Чтенія», 1859, т. 156, № 7, отд. I, стр. 8. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 27).

XV.

Когда нашъ теплый трупъ.

1. Н. Маркевича. (Мелодія, изъ лорда Байрона.) «Новости Литературы», 1825, кн. XII, апрѣль, стр. 55. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Н. Маркевича» (1829, стр. 65).

2. К. Случевскаго. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Общезанимательный Вѣстникъ», 1857, т. I, № 3, стр. 118.

3. П. Козлова. (Душа, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 29.

XVI.

Видѣніе Валтасара.

1. И. Бороздны. (Видѣніе Валтасара, вольный переводъ изъ «Еврейскихъ мелодій» лорда

Байрона.) «Московскій Телеграфъ», 1828, ч. 19, отд. I, стр. 193. Перепечатано въ «Опытахъ въ Стихахъ Ивана Бороздны» (1828, стр. 75.)

2. А. Полежаева. (Видѣніе Валтасара, подражаніе Байрону.) «Московскій Телеграфъ», 1829, ч. 25, отд. I, стр. 175. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній А. Полежаева».

3. Д. Коптева. (Видѣніе Валтасара, изъ Байрона.) «Современникъ», 1844, т. 36, стр. 106.

4. П. Козлова. (Пиръ Валтасара, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 31.

5. Н. Гервеля. (Видѣніе Валтасара, изъ Байрона.) «Современникъ», 1864, т. 100, № I, отд. I, стр. 265. *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

Валтасаръ.

Царь на тронѣ сидитъ;
 Передъ нимъ и за нимъ
 Съ раболѣпствомъ нѣмымъ
 Рядъ сатрановъ стоитъ.
 Драгоценный чертогъ
 И блеститъ и горитъ,
 И земной полубогъ
 Пиръ устроить велитъ.
 Золотая волна
 Дорогого вина
 Нѣжитъ чувства и кровь;
 Звуки лиръ, юныхъ дѣвъ
 Сладострастный напѣвъ
 Возжигаетъ любовь.

Упоенъ, восхищонъ,
 Царь на тронѣ сидитъ —
 И торжественный тронъ
 И блеститъ и горитъ...
 Вдругъ невѣдомый страхъ
 У царя на челѣ,
 И унынье въ очахъ,
 Обращенныхъ къ стѣнѣ.
 Умолкаетъ звукъ лиръ
 И веселыхъ рѣчей,
 И разстроенный пиръ
 Видитъ — ужасъ очей —
 Огневая рука
 Исполинскимъ перстомъ,
 На стѣнѣ предъ царемъ,
 Начертала слова.

И никто изъ мужей,
 И царевыхъ гостей,
 И искусныхъ волхвовъ
 Силы огненныхъ словъ
 Изъяснить не возмогъ.
 И земной полубогъ
 Омрачился тоской...
 И еврей молодой
 Валтасару предсталъ
 И слова прочиталъ:
 «*Мани, фекель, фаресъ* —
 «Вотъ слова на стѣнѣ:
 «Волю Бога небесъ
 «Возвѣщаютъ онѣ.
 «*Мани* значить: монархъ,

«Кончилъ царствовать ты!
 «Градъ у персовъ въ рукахъ—
 «Смыслъ средней черты;
 «*Фаресъ*—третье—гласить:
 «Нынѣ будешь убитъ!»

Рекъ—исчезъ... Изумлѣнъ,
 Царь не вѣритъ мечтѣ;
 Но чертогъ окружонъ
 И... онъ мертвъ на щитѣ.

А. Полежаевъ.

XVII.

0, солнце глазъ безсонныхъ!

1. И. Козлова. (Къ звѣздѣ въ безсонную ночь, изъ Байрона.) «Новости Литературы», 1823, кн. III, № 12, стр. 188. *Первый переводъ*.

2. Д. Глѣвова. (Къ лунѣ, подражаніе Байрону.) «Сынъ Отечества», 1825, ч. 100, № 7, стр. 301. Перепечатано въ «Новостяхъ Литературы» (1825, кн. XIV, октябрь, стр. 64).

3. И. Козлова. (Еврейская мелодія, безъ означенія, что переводъ изъ Байрона.) «Сѣверные Цвѣты», 1826, отд. II, стр. 115. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній И. Козлова». *Второй переводъ*.

4. А. Рѣдкина. (Еврейская мелодія, подражаніе Байрону.) «Цѣвница», 1828, стр. 37.

5. Н. Маркевича. (Мелодія, изъ Байрона.) «Стихотворенія Н. Маркевича» (1829), стр. 63.

6. А Фета. (Безъ заглавія, изъ Байрона.) «Стихотворенія А. Фета» (1850), стр. 25. Перепечатано въ послѣдующихъ изданіяхъ.

7. П. Козлова. (Звѣзда, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 35.

XVIII.

Будь я такъ порочень.

1. П. Козлова. (Еврей, изъ Байрона.) Тамъ же, стр. 37.

2. Н. Гербеля. (Будь я такъ порочень, изъ Байрона.) «Современникъ», 1864, т. 100, № 1, отд. I, стр. 269. *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

XIX.

Плачь Ирода по Маріамнѣ.

1. П. Козлова. (Плачь Ирода, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 39.

2. Н. Гербеля. (Плачь Ирода по Маріамнѣ, изъ Байрона.) «Библіотека для Чтенія», 1863, № 12, отд. I, стр. 34. Перепечатано въ «Современникѣ» (1864, т. 100, № 1, отд. I, стр. 268).

XX.

На разореніе Іерусалима Титомъ.

1. П. Козлова. (Послѣдній день Солима, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 41.

2. А. Майкова. (На разореніе Іерусалима Титомъ, изъ Байрона.) *Здѣсь переводъ напечатанъ въ первый разъ.*

XXI.

У рѣкъ вавилонскихъ.

1. П. Козлова. (Еврейская мелодія, изъ Байрона.) «Библіотека для Чтенія», 1859, т. 156, № 7, отд. I, стр. 3. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 43).

2. Неизвѣстнаго. (У рѣкъ вавилонскихъ, изъ Байрона.) «Развлеченіе», 1861, т. VI, № 14 (39), стр. 157.

3. Н. Гербеля. (Jdem.) «Современникъ», 1864, т. 100, № 1, отд. I, стр. 267.

XXII.

Пораженіе Сеннахерима.

1. А. Ротчева. (Разбитіе Сеннахерима, изъ Байрона.) «Московскій Телеграфъ», 1826, ч. VII, отд. II, стр. 56.

2. И. Гогниева. (Разбитіе Сеннахерима, изъ Байрона.) «Библіотека для Чтенія», 1835, т. 13, № 11, отд. I, стр. 21.

3. А. Брамь. (Безъ заглавія, изъ Байрона.) «Москвитянинъ», 1850, № 11, отд. I, стр. 138.

4. Н. Гербеля. (Пораженіе Сеннахерима, изъ Байрона.) «Отечественныя Записки», 1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 244. Перепечатано въ «Хрестоматіи» Филонова (1863, т. II, стр. 442)

и «Современникъ» (1864, т. 100, № 1, отд. I, стр. 270).

5. Графа А. Толстого. (Безъ заглавія, изъ Байрона.) «Русская Бесѣда», 1859, № 6, отд. I, стр. 3.

6. П. Синцова. (Разрушеніе Сеннахерима, изъ Байрона.) «Вятскія Губернскія Вѣдомости», 1859, № 9.

7. П. Козлова. (Пораженіе Сеннахерима, изъ Байрона.) «Еврейскія Мелодіи лорда Байрона, переводъ П. Козлова» (1860), стр. 45.

XXIII.

Мнѣ призракъ явился.

(Изъ Іова.)

1. П. Козлова. (Изъ Іова, изъ Байрона.) «Библиотека для Чтенія», 1859, т. 156, № 7, отд. I, стр. 6. Перепечатано въ «Еврейскихъ Мелодіяхъ лорда Байрона» (1860, стр. 49).

2. Н. Гервеля. (Мнѣ призракъ явился, изъ Байрона.) «Современникъ», 1864, т. 100, № 1, отд. I, стр. 271. Перепечатано, въ исправленномъ видѣ, въ «Развлеченія» (1864, № 8, стр. 113).

Поэмы.

I.

Шильонскій узникъ.

В. Жуковскаго. (Шильонскій Узникъ, поэма лорда Байрона. Переводъ съ англійскаго В. Ж. Спб. Въ типографіи департамента народнаго про-

свѣщенія. 1822. Въ 8-ю д. л., стр. I—VIII и 1—24.) Перепечатано въ «Балладахъ и Повѣстяхъ В. А. Жуковскаго» (1831, ч. II, стр. 175—212) и во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній В. Жуковскаго».

II.

Оскаръ Альвскій.

1. N. N. (Оскаръ Альвскій. Повѣсть. Соч. лорда Байрона.) «Вѣстникъ Европы», 1821, ч. 121, № 21, стр. 16—31. (Прозаическій переводъ).

2. А. Воейкова. (Оскаръ д'Альва. Повѣсть. Изъ сочиненій лорда Байрона.) «Новости Литературы», 1824, кн. IX, августъ, стр. 76 — 89. (Прозаическій переводъ).

3. А. Полежаева. (Оскаръ Альвскій, изъ Байрона.) «Сочиненія въ Прозѣ и Стихахъ», 1826, ч. VI, стр. 248 — 269. Перепечатано, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, въ «Стихотвореніяхъ А. Полежаева» (1832. стр. 11—36).

4. Д. Глывова. (Оскаръ Альвскій, безъ означенія, что переводъ изъ Байрона.) «Новости Литературы», 1826, кн. 17, ноябрь и декабрь, стр. 216 — 224.

5. П. Кудряшева. (Оскаръ Альвскій. Повѣсть. Безъ означенія, что переводъ изъ Байрона.) «Вѣстникъ Европы», 1828, январь и февраль, № 4, стр. 265 — 278.

6. Папкевича. (Развалины древняго замка, подражаніе лорду Байрону.) «Стихотворенія А. Папкевича» (1840), стр. 1—24.

7. П. Вейнберга. (Оскаръ д'Альва, вольный переводъ изъ Байрона.) «Стихотворенія Петра Вейнберга» (1854), стр. 57 — 67.

III.

Колмаръ и Орла.

1. М. Ключеновскаго. (Колмаръ и Орла. Изъ соч. лорда Байрона.) «Вѣстникъ Европы», 1821, ч. 117, № 5, стр. 3—12. Перепечатано въ «Выборъ изъ Сочиненій Лорда Байрона» (1821, стр. 56 — 68).

2. Ф. Созоновича. (Смерть Колмара и Орлы. Подражаніе Макферсонову «Оссіану». Лорда Байрона.) «Сынъ Отечества», 1826, ч. 105, № 4, стр. 331—339.

3. М. Загорскаго. (Колмаръ и Орла. Поэма. Изъ лорда Байрона.) «Славянинъ», 1828, ч. VIII, № 51, отд. II, стр. 451 — 460. Это — переложеніе въ стихи прозаическаго подлинника, который, въ свою очередь, есть подражаніе Оссіану.

4. Гербеля. (Колмаръ и Орла, изъ Байрона.) *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

VI.

Мазепа.

1. М. Ключеновскаго. (Мазепа, поэма лорда Байрона.) «Выборъ изъ Сочиненій Лорда Байрона» (1821), стр. 69—107. (Прозаическій переводъ).

2. А. Воейкова. (Мазепа. Изъ сочиненій лорда Байрона.) «Новости Литературы», 1824, кн. X, ноябрь, стр. 9—33. (Прозаическій переводъ).

3. Я. Грота. (Мазепа, поэма Байрона.) «Современникъ», 1838, т. IX, отд. II, стр. 94—128.

4. Н неизвѣстнаго. (Мазепа. Поэма Байрона. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1841. Въ 12-ю д. л., стр. 1—60.)

5. И. Гогниева. (Мазепа, повѣсть лорда Байрона.) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1844, № 10 стр. 33—60. Перепечатана въ «Драматическомъ Сборникѣ» (1860, кн. IV, отд. III, стр. 1—32).

6. Д. Михаловскаго. (Мазепа, поэма Байрона.) «Современникъ», 1858, т. 59, № 5, отд. I, стр. 5—30. *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ, съ приобщеніемъ предисловія и примѣчаній.*

Драматическія сочиненія.

Сарданапалъ.

1. Е. Зарина. (Сарданапалъ, трагедія Байрона.) «Библиотека для Чтенія», 1860, т. 162, № 12, отд. II, стр. 1—126.) *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ, съ приобщеніемъ примѣчаній.*

Кромѣ того есть еще два отрывка изъ названной трагедіи. Вотъ они:

2. М. Вронченко. (Сонъ Сарданапала, изъ Байрона.) «Одесскій Альманахъ», 1831, стр. 228—238. (Дѣйствіе IV, сцена I).

3. Д. Каменскаго. (Сарданапалъ, изъ Байрона.) «Русскій Вѣстникъ», 1842, № 7 и 8 стр. 1—20. (Дѣйствіе I, до словъ Сарданапала. *J rave proved a thousand — a thousand, and thousand.*)

Н. ГЕРБЕЛЬ.

5-го апрѣля 1864 г.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

	<i>стр.</i>
Отъ издателя	V
Лордъ Байронъ. Біографическій очеркъ І. Шерра. IX	

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДИИ.

	1. Она идетъ — Д. Михаловскаго	5
	Она идетъ — Н. Верга	6
	2. Разорваны струны — Н. Гнѣдича	7
	3. О, если тамъ, за небесами — Д. Михаловскаго	8
5,	4. Газель — П. Козлова	9
	5. О, плачьте — С. Дурова	10
	Ахъ! плачьте — Д. Миша	—
7,	7. На берегахъ Иордана — Э. Верга	11
5,	7. Дочь Исѳаия — Н. Гербеля	12
	8. Угаснешь ты — И. Брешева	13
6,	9. Душа моя мрачна — М. Лермонтова	14
	Душъ моей грустно — Н. Гнѣдича	—
7,	10. Ты плакала — Д. Михаловскаго	15
8,	11. Ты кончилъ трудный путь — С. Славутинскаго	16
	12. Пѣснь Саула предъ послѣднимъ боемъ — Н. Гербеля	17
9	13. Саулъ — Д. Михаловскаго	—
	Саулъ — Э. Верга	19
11,	14. «Все суета, сказалъ учитель» — П. Козлова	20
11,	15. Когда нашъ теплый трупъ — К. Случевского	21

	<i>стр.</i>
16. Видѣніе Валтасара — Н. Гербеля	23
17. О, солнце глазъ безсонныхъ — А. Фета	25
Безсонное солнце, въ туманѣ луна — И. Козлова —	
18. Будь я такъ порочень, какъ ты говоришь —	
Н. Гербеля	26
19. Плачъ Ирода по Маріамнѣ — Н. Гербеля	—
20. На разореніе Іерусалима Титомъ — А. Майкова	27
21. У рѣкѣ вавилонскихъ — Н. Гербеля	28
22. Пораженіе Сеннахерима — Н. Гербеля	29
Пораженіе Сенахарима — Графа А. Толстова	30
23. Мнѣ призракъ явился — Н. Гербеля	31
Примѣчанія къ «Еврейскимъ Мелодіямъ»	33

ПОЭМЫ.

1. Шильонскій узникъ — В. Жуковскаго	37
2. Оскаръ Альвскій — А. Полежаева	57
Примѣчанія къ «Оскару Альвскому»	78
3. Смерть Колмара и Орлы — Н. Гербеля	79
Примѣчанія къ «Колмару и Орлѣ»	88
4. Мазепъ — Д. Михаловскаго	89
Примѣчанія къ «Мазепѣ»	125

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Сарданапалъ — Н. Зорина	127
Примѣчанія къ «Сарданапалу»	304
О русскихъ переводахъ изъ Байрона — Н. Гербеля	307

ПРОДАЮТСЯ

во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ книжныхъ магазинахъ:

1. Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакцію Н. В. Гербеля. Часть I. Спб. 1864 1 р. 25 к.
2. Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакцію Н. В. Гербеля. Части I и II. *Изданіе третіе*. Лейпцигъ. 1 р. 50 к.
3. Драматическія сочиненія Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, изданныя подъ редакцію Н. В. Гербеля. Часть III. *Изданіе второе*. Спб. 1862 1 р. 50 к.
4. Тоже. Часть IV. *Изданіе второе*. Спб. 1862 1 р. 25 к.
5. Тоже. Часть V. Спб. 1859 1 р. 25 к.
6. Тоже. Часть VI. 1 р. 50 к.
7. Тоже. Часть VII 1 р. 25 к.
8. Тоже. Часть VIII. Спб. 1860 1 р. 25 к.
9. Тоже. Часть IX. Спб. 1861 1 р. 50 к.
10. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ пяти актахъ. Соч. Шиллера. Переводъ Н. Гербеля. Спб. 1859 — 50 к.
11. Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. *Изданіе второе*. Спб. 1856 2 р. —
12. Отголоски. Стихотворенія Николая Гербеля Спб. 1858. Двѣ части. 1 р. 50 к.
13. Изюмскій слободской казачій полкъ. 1651—1765. Николай Гербеля. Спб. 1852 1 р. 60 к.
14. Изюмцамъ. Н. Гербеля. *Изданіе второе*. Спб. 1854 — 50 к.
15. Библиотека иностранной поэзіи. Изданіе Н. В. Гербеля. Выпускъ I. Переводы и подражанія Н. В. Берга. Спб. 1860 1 р. 25 к.
16. Кобзарь Тараса Шевченка въ переводъ русскихъ поэтовъ. Изданъ подъ редакцію Н. В. Гербеля. Спб. 1860 1 р. 25 к.
17. Стихотворенія Н. Я. Прокоповича. Изданіе Н. В. Гербеля. (Съ біографіей поэта, написанной издателемъ.) Спб. 1858 1 р. —
18. Сочиненія Е. П. Гребенки. Пять частей. Спб. 1862. (Редакція изданія Н. В. Гербеля.) 6 р. —